

Алена Кобец-Філімонава

КАРЭЛЬСКІЯ КУРАПАТЫ

1937 1938

РЭХА ГУЛАГА

Алена Кобец-Філімонава

**КАРЭЛЬСКІЯ
КУРАПАТЫ
1937 – 1938**

(расстрэльныя спісы
беларусаў
і асуджаных у Беларусі)

РЭХА ГУЛАГА

МІНСК, «КНІГАЗБОР», 2007

УДК 94 (47+57) [1937-1938]
ББК 63.3 (2)
К 55

К 55 **Кобец-Філімонава, А.**

Карэльскія Курапаты 1937–1938: расстрэльныя спісы беларусаў і асуджаных у Беларусі. Рэха ГУЛАГа. — Мінск: Кнігазбор, 2007. — 180 с.

ISBN 978-985-6852-06-3.

Выданне кнігі памяці прымеркавана да 70-гадовага юбілею «вялікага тэрору», які адзначаецца ў 2007 г. як міжнародны Год Памяці ахвяр палітычных рэпрэсій прагрэсійнымі сляямі насельніцтва ўсяго свету.

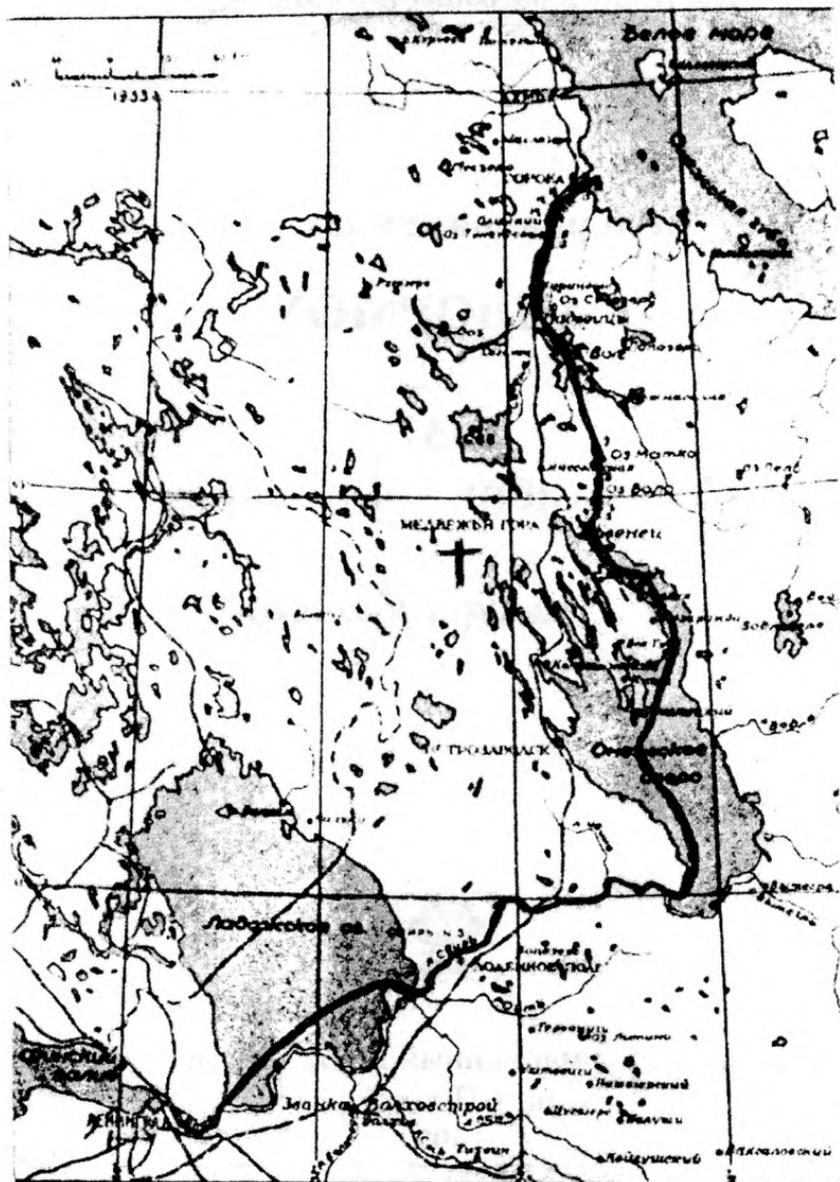
Гэта кніга — адно з шматлікіх выданняў, прысвечаных ушанаванню памяці бязвінных ахвяр крывавага сталінскага рэжыму.

УДК 94 (47+57) [1937-1938]
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-985-6852-06-3

© Кобец-Філімонава А., 2007
© Афармленне, ПУП «Кнігазбор», 2007

ОТ БАЛТИЧЕСКОГО ДО БЕЛОГО МОРЯ

СКЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА.

✚ — могилки репрессованных ва ўрочышчы Сандармох пад Мядзвеж'егорскам (Арханг. вобл., станцыя Мядзвежая гара), дзе звычайна выконваліся прыгаворы над вязнямі Беламора-Балтыйскага лагера.

Международное общество «Мемориал»

Мемориальное кладбище

САНДОРМОХ

1937

27 октября – 4 ноября

(Соловецкий этап)

Научно-информационный центр «Мемориал»

Санкт-Петербург

1997

Тытульны ліст кнігі, выдадзенай Санкт-Пецербургскім «Мемарыялам» да 60-годдзя
«вялікага тэрору» ў СССР (1937–1997).

ВА ЎРОЧЫШЧЫ СМЕРЦІ

Выданне кнігі памяці прымеркавана да 70-годдзя «вялікага тэрору» 1937 года (1937–2007).

У кнізе памяці расказваецца пра тое, як у карэльскім урочышчы Сандармох, што пад Мядзвеж’егорскам (Архангельская вобл.), за некалькі дзён было расстраляна 1111 вязняў Салавецкага лагера асобага назначэння (СЛАН), вывезеных з Салаўкоў па пастанове Тройкі УНКУС Ленінградскай вобласці. Сярод пакутнікаў былі прадстаўнікі амаль усіх народаў СССР, у тым ліку 102 беларуса. І яшчэ 70 беларусаў, якія будавалі Беламорканал, знойдзены ў тым жа ўрочышчы — яны былі расстраляны крыху пазней. Былі і іншаземцы. Толькі праз 60 год (1 ліпеня 1997) пошукавыя групы Санкт-Пецярбургскага і Карэльскага «Мемарыялаў» знайшлі месца пахавання расстралянага салавецкага этапу (150 брацкіх магіл) і вязняў Белбалтлага*.

У кнізе памінаецца і пра тое, як 27 кастрычніка 1997 года ў сувязі з 60-годдзем трагічнай падзеі ў Сандармоху адбылося адкрыццё памятных знакаў, арганізаванае Міжнародным таварыствам «Мемарыял» і Камісіяй па аднаўленню правоў ахвяр палітычных рэпрэсій Рэспублікі Карэлія. Адбылася і акцыя пакаяння.

Друкуюцца расстрэльныя спісы беларусаў, знойдзеныя мною ў кнізе «Мемориальное кладбище Сандормох» (Санкт-Пецярбург, 1997) і дзякуючы пошукавай групе Карэльскага «Мемарыяла», якая складала асобныя спісы ахвяраў па нацыянальнасцях.

Ёсць у кнізе і архіўныя дакументы-рапартажы карных органаў пра выкананне працэдур расстрэлаў катамі, якія за адну ноч бязлітасна забівалі па 200–250, а то і па 400 чалавек, каб выканаць план, і за гэту бесчалавечную акцыю яны атрымалі падарункі і ўзнагароды. Змешчаны і ўспаміны вязняў ГУЛАГа, якім пашчасціла выжыць, іх творы аб перажытым.

* Беламора-Балтыйскі лагер.

Расстрэльныя спісы ўпершыню друкаваліся ў газеце «Народная Воля» ў 1997 г. (№№ 227, 228, 229). У выданні скарыстаны архіўныя матэрыялы БААПР (Беларускай асацыяцыі ахвяр палітычных рэпрэсій), якая дзейнічала ў 1992–1998 гг. мінулага стагоддзя. Некаторыя матэрыялы друкаваліся ў газетах і бюлетэні «Рэха ГУЛАГа» (выданне БААПР).

Зноскі на рускай мове належаць рэдакцыі кнігі «Мемориальное кладбище Сандормох». Усе спісы друкуюцца з захаваннем тэрміналогіі лагернай адміністрацыі.

Алена Кобец-Філімонава

ЛЮДИ! НЕ УБИВАЙТЕ ДРУГ ДРУГА!*

* * *

«Люди! Не убивайте
друг друга!» — кричат слова.
«Мертвых не забывайте!» —
Шепчет могил трава.

Жертвы репрессий лютых
С камня зывают к нам:
«Не возвращайтесь, люди,
К сталинским временам!»

Олег Мишин

* Три вершы перадрукаваны з кнігі «Место расстрела Сандормох»
(Петразаводск, 1999).

Сандормох

Бегут ли ручьев потоки,
Лютуют ли холода —
Убиенных потомки
дорогу знают сюда.

Длинный — на версты — список,
Фамилии, имена:
Кузнец, учитель, епископ...
Участь у всех одна.

Из крестьянских провинций,
Поселков и городов
Гнали в сосняк убийцы
Дедов, юношей, вдов...

Трясли в кузовах трехтонок,
Словно убойный скот.
Энкавэдэшный подонок
Скалил клыкастый рот.

Тупица, он хмурил брови
И ухмылялся вновь.
Он жаждал, как хищник, крови,
Сытной жратвы, чинов.

В лесу воронье кричало,
Зловеще алел рассвет...
«Куда мы едем, начальник?»
Но ни слова в ответ.

После допросов частых,
Унижений, угроз
Привезли их, несчастных,
На свирепый мороз.

Озябшие, огляделись
Тревожно по сторонам:
Среди деревьев виднелись
Десятки вырытых ям.

Не по сезону одетый
Белобрысый юнец
Шепнул тщедушному деду:
«Кажется, нам конец...»

Руководитель взвода
Был горласт и суров:
«Чекисты! Врагов народа
Загоним пулями в ров!»

«Стреляйте, подлые гады!
За нами нету вины!..»
Никто не просил пощады
У палачей страны.

До последнего вздоха
Ждали добрых вестей...
Лежат в песках Сандормоха
Тонны тленных костей.

Под ношею неба горбясь,
Летит журавлиный косяк.
Молчит в урочище скорби
Свидетель тех лет — сосняк.

Ни сорочьего гама,
Ни синиц, ни клестов...
Над зарытыми в ямах —
Лес высоких крестов.

Людей застывшие позы...
Я видел, как майским днем
Потомков горькие слезы
Сливались с теплым дождем.

А. Родин, 1998 г.

Урочище Сандормох

О, как долго хранило урочище
Эту страшную тайну свою!
Не на трудном погибли вы поприще,
Не за Родину в честном бою.

Вас казнили рукою жестокою
На рассвете, как будто врагов.
Чужеземца, и женщину кроткую,
И карельских простых мужиков...

Кто не ведал, что утро — последнее,
Стали в путь узелки собирать...
Никогда не узнают наследники,
Как вам горько пришлось умирать!

На краю возле ямы построили,
Залп — и кровью окрасился мох.
Много тысяч вас здесь упокоили.
Как зловеще звучит «Сандормох»!

Вот и все. Жизнь без вас продолжается.
У убитых растут сыновья.
Покаяния час приближается.
Вот, урочище, правда твоя!

Череп, на затылках пробитые,
Через время живым говорят:
«Будьте в мире, друг друга любите вы,
Да не встанет на брата брат!

И тогда на земле-страдалице
Не случится такое зло!
Приходите сюда покаяться,
Вспоминайте о нас светло!»

Софья Анищенко, 25–26 октября 1997 г.

Не патушы свечку памяці

**БЕЛАРУСЬ –
САЛАЎКІ – САНДАРМОХ
1937**

РАССТРЭЛ У САНДАРМОХУ САЛАВЕЦКАГА ЭТАПУ

З 1111 вязняў Салавецкай турмы, расстраляных ва ўрочышчы Сандармох з 27 кастрычніка па 4 лістапада 1937 г., 102 беларуса і ўраджэнца Беларусі*.

З успамінаў былога вязня СЛАНА Ю. Чыркова:

«В конце октября выгнали всех обитателей открытых камер кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список — несколько сот фамилий — отправляемых в этап. Срок подготовки — два часа. Сбор на этой же площадке. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие — прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапирруемых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками... Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. На всех было одно общее выражение: собранность и настороженность. Все стали какие-то суровые и отчужденные.

В рядах проходящих мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несет голову седобородый профессор Литвинов (оба ПСБ). Показались Котляревский (в новой кожаной ушанке) и Вангенгейм (в черном пальто и пыжиковой шапке). Увидели меня. Кивают головами, а руки заняты чемоданами. Котляревский подмигнул и улыбнулся, но улыбка вышла невеселая...

А ряды все шли. Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был уже второй этап из Соловков, названный “большим”.

* «Биографические сведения составлены по протоколам заседаний Особой Тройки НКВД по Ленинградской обл., выносившей приговор к ВМН без суда и следствия, в протоколах присутствуют искажения, сделанные в целях усиления обвинений, и обычная небрежность лагерной администрации». (З дадатковага тэкста да кнігі «Меморіальное кладбище «Сандармох».)

<...>

После трех этапов кремль совсем опустел. 9 ноября было интенсивное северное сияние. В черном небе сходились и расходились не обычные многоцветные полосы, а багрово-красные дуги, что толковалось некоторыми как грозное знамение...»*

* * *

Напрыканцы 1937 і напачатку 1938 гг., калі па загаду Наркома ўнутраных спраў Н. Яжова ў СССР праводзілася вялікая кампанія па знішчэнню так званых «ворагаў народа», Асобая Тройка УНКУС Ленінградскай вобласці пастанавіла расстраляць 1825 зняволеных СЛАН а як найбольш актыўных контррэвалюцыйных элементаў, асуджаных за шпіёнскую, дыверсійную, тэрарыстычную, паўстанцкую і бандыцкую дзейнасць, а таксама асуджаных членаў антысавецкіх партый (трацкістаў, эсэраў, дашнакоў і г. д.) і іншых асоб, якія вядуць у турмах ГУБД актыўную антысавецкую работу.

Расстрэльвалі трыма заходамі. Лёс апошніх двух этапаў быў вядомы — частку вывезлі ў Ленінград** (там жа пад Ленінградам і расстралялі), а частка расстраляна ў Салаўках. Лёс жа першага этапу, самага вялікага (1116 чалавек, з іх расстраляна 1111), доўгі час заставаўся невядомым, і толькі ў ліпені 1997 года пасля шматгадовых пошукаў было выяўлена месца расстрэлу і пахавання 1111 былых з/к Салавецкага лагера асобага назначэння, расстраляных ва ўрочышчы Сандармох, што на 19 км шашы Мядзвеж'егорск – Павенец. Расстрэлы праводзіліся брыгадай выканаўцаў Ленінградскага УНКУС.

Салавецкіх вязняў перавозілі па мору ў Кемь, адтуль па чыгунцы ў Мядзвеж'егорск, змяшчалі ў СІЗА, затым — да месца расстрэлу.

Падсудны Міронаў (удзельнік крывавай бойні, уключаны ў спецбрыгаду для выканання прыгавору над асуджанымі ў якасці рабочай сілы), які ў 1938 г. і сам быў рэпрэсаваны (гл. Дакумент № 5), на судзе паказаў: «Дорога, по которой возили осужденных

* З кнігі «Мемориальное кладбище Сандормох». Аўтарскі стыль і арфаграфія захаваны.

** У гэтым этапе загінуў святар, вучоны і філосаф П. Фларэнскі.

к месту приведения в исполнение приговоров, была очень оживленной, так как по ней ходят люди, автобусы и автомашины. <...> В первые дни операции при ленинградской бригаде обнаруживали, что осужденные в одежде хранили ножи, и были случаи, когда осужденные во время операции с ножами набрасывались на участников бригады и одного сотрудника из ленинградской бригады ранили в голову. Поэтому в дальнейшем во избежание подобных явлений и сохранения своих людей стали осужденных раздевать до нижнего белья еще в изоляторе и в таком виде отправляли их к месту назначения».

Пасля таго, як некаторыя спрабавалі ратавацца ўцёкамі, усіх вазілі звязанымі. Звязвалі рукі і ногі і кідалі ў машыну, як бярэвенне. Ва ўрочышчы чэкісты валаклі іх па зямлі, кідалі ў выкапаня загодзя ямы і кожнаму стралялі ў галаву.

У першым салавецкім этапе аказаліся лепшыя прадстаўнікі ўкраінскай інтэлігенцыі — рэжысёр Лесь Курбас* і драматург Мікола Куліш** (заснавальнікі новай украінскай драматургіі, фігуры так званага «Расстрэльнага Адраджэння»); гісторык С. Грушэўскі; міністр асветы незалежнай Украіны А. Крушальніцкі (з двума сынамі); гісторык М. Яворскі; наркам М. Полаз; з расейскай інтэлігенцыі — літаратар і адвакат А. Бабрышчаў-Пушкін, які абараняў на знакамітых судовых працэсах Бейліса і Пурышквіча; вядомы вучоны А. Вангенгейм (стваральнік і кіраўнік Гідраметэаслужбы СССР); маскоўскі літаратуразнаўца М. Дурнаво***; з беларускай інтэлігенцыі — член урада савецкай Беларусі, настаўнік Ф. Ва-

* У 1934 г. Л. Курбас асуджаны на 5 год у Белбалтлаг (на Мядзведжай Гары), затым пераведзены на Салаўкі. У 1961 г. родныя Курбаса атрымалі звестку аб смерці, датаваную 1942 годам, прычына смерці — кровазліццё ў мозг. (Заўвага аўтара.)

** М. Куліш быў арыштаваны ў 1934 г., асуджаны на 10 год ППЛ, сасланы на Салаўкі, дзе доўга і пакутліва паміраў ад туберкулёзу ў ізалятары. (Заўвага аўтара.)

*** Біягр. даведка з расстрэльнага спісу (пакараны 27 кастрычніка):

«Дурново Николай Николаевич. 1876, Москва. Дворянин. Филолог-славист. Академик Белорусской АН (1924–1928). Член-корреспондент АН СССР (Москва). Приговорен по делу славистов («Российская национальная партия») к 10 годам тюремного заключения (20.03.1934; КОГПУ). В заключении на Соловках занимался научной работой».

М. М. Дурнаво.

фактаў пераследу католікаў.

Расстрэльныя спісы беларусаў* знойдзены аўтарам у кнізе «Мемориальное кладбище Сандормох» (Санкт-Петербург, 1997) і дзякуючы пошукавай групе Карэльскага «Мемориала», якая склала асобныя спісы ахвяраў па нацыянальнасцях.

У ліку расстраляных ва ўрочышчы Сандармох (маецца на ўвазе першы салавецкі этап) шмат нараджэнцаў Беларусі, асуджаных у Беларусі і сасланных на Салаўкі. Сярод іх 9 святароў каталіцкай канфесіі — Пётр Аўгуставіч Бараноўскі (беларус), Антоній Мікалаевіч Дземяшкевіч, Іосіф Казіміравіч Дземян, Іосіф Станіслававіч Лук'янін, Іван Раймундавіч Жаўрыд, Пётр Іосіфавіч

лынец; настаўнік беларускай школы, грамадска-палітычны дзеяч М. Бурсевіч; а таксама інтэлігенцыя амаль усіх нацыянальнасцяў былога СССР, сярод якіх — заснавальнік удмуртскай літаратуры Кузубай Герд, татарскі грамадскі дзеяч І. Фірэдэус, выбарны кароль маскоўскага цыганскага табару Г. Станеска, грузінскія князі Я. Андронікаў (афіцэр арміі Дзянікіна) і Н. Эрыстаў, чаркескі пісьменнік Х. Абукоў, свяшчэннаслужыцелі баптысцкай царквы, праслаўнай, каталіцкай, у іх ліку айцец П. І. Вейгель, пасланы Ватыканам у СССР у 1930 г. для праверкі

Біягр. даведка з Кароткай энцыклапедыі БССР (т. 5, с. 216): «Дурнаво Мікалай Мікалаевіч (4.11.1876, Масква – 1936), сав. філолаг-славіст. Чл.-кар. АН СССР (1924), акад. АН БССР (1928). Праф. Саратаўскага, Бел. і Маск. ун-таў. У 1924–29 жыву ў Чэхаславакіі. Даследаваў рус. мову і яе дыялекты. Выдаў працы: «Кароткі нарыс рускай дыялекталогіі» (1914), «Дыялекталагічныя даследаванні ў галіне велікарускіх гаворак» (ч. 1 — Паўднёвавелікаруская гаворка, в. 1, 1917), «Нарыс гісторыі рускай мовы» (1924) і інш. Аўтар першага рус. слоўніка лінгвістычных тэрмінаў «Граматычны слоўнік» (1924).

Тв.: Введение в историю русского языка. — 2 изд. — М. 1969».

* Расстрэльныя спісы ўпершыню друкаваліся ў газеце «Народная Воля» ў 1997 г. (№№ 227, 228, 229).

Капуста (беларус), Альбін Альбінавіч Шаціла (беларус), Антон Іванавіч Ярмаловіч (беларус). Аб рэпрэсіях члена ўрада Беларусі Ф. Валынца ў «Беларускай савецкай энцыклапедыі» доўгі час не было ніводнага слова, а год смерці замест 1937 напісаны 1941. Пра Максіма Тарасавіча Бурсевіча ў расстрэльным спісе чытаем: «...эканаміст-планавік (Мінск), асуджаны ў 1934 па справе “Беларускага нацыянальнага цэнтра”. У энцыклапедыі скажоная дата смерці і нічога не сказана аб арышце ў 1934 годзе гэтаксама, як і ў Валынца. І той, і другі — дзеячы рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, неаднаразова арыштоўваліся польскімі ўладамі, абодва ў выніку абмену палітвязнямі ў 1932 г. апынуліся ў БССР. На гэтай даце спыняецца ў БСЭ іхні жыццёвы шлях.

Каго толькі ў гэтым спісе няма! Рабочыя, чырвонаармейцы, белагвардзейцы, анархісты, урачы, літаратары, настаўнікі, вучоныя, аграномы, студэнты, хатнія гаспадыні, члены УКП(б), прафесары, дацэнты, шафёры — прадстаўнікі розных слаёў, але ў асноўным — інтэлігенцыя.

Івана Іосіфавіча Мельяновіча 1917 г. н. прыгаварылі да 10 год ППЛ са зніжаным тэрмінам да 6 гадоў 8 месяцаў з прычыны непаўналецця. Пачакалі, пакуль падрасце, і... расстралялі.

Захара Барысавіча Могліна з Гомеля, пэўна, расстралялі толькі за тое, што «быў жанаты на дачцэ Троцкага».

Амаль усе яны былі асуджаны ў Беларусі, большасць прыгаворана да расстрэлу з заменай на 10 год ППЛ, а затым без суда і следства тайна расстраляны ў Сандармоху.

Пошукавыя групы Санкт-Пецярбургскага і Карэльскага «Мемарыялаў», апрача астанкаў ахвяр салавецкага этапу, знайшлі месца масавага захавання зняволеных Белбалтлага і жыхароў паўднёвых раёнаў Карэліі ў тым жа ўрочышчы. У архівах НКУС Петразаводска знойдзены дакументы, якія сведчаць аб расстрэле 70 беларусаў, былых вязняў ББК* (яны ў другім расстрэльным спісе, які таксама публікуецца ў гэтай кнізе). Разам з расстралянымі салавецкімі вязнямі ў 1937–38 гг. у Мядзвеж’егорску 5 або 6 тысяч ахвяр. У час раскопак выяўлена каля 236 брацкіх магіл (у кожнай па 50–60 чалавек), з іх 150 напоўненыя шкілетамі салавецкіх вязняў.

* Беламора-Балтыйскі Камбінат НКУС, спецыяльнае аддзяленне (штрафное) на Салаўках. Пазней пераведзена на станцыю Мядзведжая Гара.

Раскопкі яшчэ вядуцца. Сандармох — урочышча смерці. У ім больш чым дзе-небудзь праводзілася масавых расстрэлаў у 1937–38 гг. Таму Сандармох называюць цэнтрам ГУЛАГа, яго сталіцай, яго сэрцам.

Салавецкі этап расстрэльваўся тыдзень. Забівалі кожную ноч, каб выканаць план. За гэту крываваю бойню галоўны кат-выканаўца, намеснік начальніка УНКУС ЛВ капітан ДБ Міхаіл Матвееў, які ўласнымі рукамі (іншы раз з памагатым Алаферам) расстраляў з рэвальвера 1111 ахвяр (па 200–250 чалавек на дзень з 27 кастрычніка па 4 лістапада), быў узнагароджаны ордэнам «Чырвонай зоркі» і каштоўным падарункам «за успешную борьбу с контрреволюцией» (гл. Дакумент № 4). Кат з вялікім стажам, ён забіваў людзей з 1918 года. У 1938 ён быў арыштаваны і асуджаны па групавой крымінальнай справе аператыўных работнікаў Белбалтлага за перавышэнне ўлады ў час расстрэлаў пад Мядзвеж’егорскам, дзе шмат гадоў знішчаліся бязвінныя людзі (гл. Дакумент № 5).

Пошук магіл вёўся амаль 15 гадоў. У кнізе «Мемориальное кладбище Сандормох» дырэктар Санкт-Пецярбургскага навукова-інфармацыйнага цэнтра «Мемориал» У. Іофе піша: «Люди, убитые в Сандормохе, не были бессловесными рабами тоталитарного режима, они были носителями независимого человеческого духа, противостоящего угнетению и насилию. По замыслу палачей память об этих людях должна была быть вытравлена из народного сознания, сами они забыты, а место их захоронения оставаться скрытым навсегда. Сегодня мы знаем всех лежащих в Сандормохе поименно, а это значит — жертвы террора победили, а силы зла опять проиграли свою вечно обреченную на поражение борьбу за мировое господство».

Мы, беларусы, удзячны пошукавым групам Карэльскага «Мемориала» (кіраўнік Ю. Дзмітрыеў) і Санкт-Пецярбургскага «Мемориала» (кіраўнік У. Іофе) за іх настойлівасць і мужнасць. Яны здолелі, нягледзячы на перашкоды, выявіць месца масавага пахавання, у якім аказаліся і нашы беларусы. Хай іхні подзвіг будзе нам дакорам за нашу ляготу і бяспамятства: мы ж прыйшлі ні з чым да 60-годдзя (а цяпер ужо і 70-годдзя) з дня расстрэлаў нашых родных землякоў. Прайшло столькі часу пасля знойдзенага пахавання ў Курапатах, дзе таксама зверскі забітыя *беларусы* (больш за 30000!), а мы замест таго, каб патрабаваць ад урада доступу да расстрэльных спісаў бязвінна пакараных і будаўніцтва помніка, дазвалялі «гіенам» корпацца

ў магілах, апаганьваць астанкі нашых няшчасных землякоў. Нехта спрабуе схаваць сляды злачынства, не жадаючы пакаяцца, баючыся народнага гневу. А мы маўчым і сёння.

А раскопак у Беларусі ўсё больш і больш. «Курапатаў» у Беларусі знойдзена процьма. Гісторык-навуковец І. М. Кузняцоў лічыць, што ў Беларусі не менш 100 захаванняў з бязвіннымі ахвярамі, расстралянымі чэкістамі. За апошнія 10 год падчас раскопак знойдзены захаванні ў мінскім Парку Чалюскінцаў, у Лошыцы (мінскі мікрараён), на Барысаўшчыне, у Каспаравай Горцы (Дзяржынскі раён), каля Старабарысаўскага тракту (Ігуменскі шлях ад Мінска да Чэрвеня), дзе адбылося жудаснае «чэрвеньскае пабоішча». А сёлета пад Гомелем у раёне Чарнігаўскай шашы, ва ўрочышчах Тры Слупы і Баркі падчас раскопак яшчэ знайшлі масавае пахаванне ахвяр сталінскіх рэпрэсій. Ці ўсе пералічыш?.. Раскопкі будуць весціся і надалей. Але ўлады па-ранейшаму не хочуць прызнаваць забойцамі сталінскіх чэкістаў, а валяць на гітлераўскіх акупантаў.

Не схаваю, на адкрыцці помніка і памятных знакаў у Сандармоху (27 кастрычніка 1997 года), дзе было задумана пабудоваць мемарыяльны комплекс, мне было горка з тае прычыны, што дарэмнымі аказаліся намаганні яшчэ жывых «гулагаўцаў» і дзяцей, бацькі якіх расстраляны ў Курапатах, а таксама ў іншых месцах масавага пахавання. Крыўдна таму, што беларускі ўрад быццам аглух, не чуе ні нашых просьбаў, ні патрабаванняў, а гэта значыць, што ён яшчэ спадзяецца назаўсёды вытравіць з памяці людскай сляды злачынстваў савецкага ўраду.

30 чэрвеня пачаліся раскопкі ў Сандармоху, напачатку ліпеня знойдзены магілы, а да 27 кастрычніка (на 60 угодкі з дня расстрэлу) Міжнародным таварыствам «Мемарыял» выдадзена кніга памяці, прысвечаная «вялікаму тэрору» ў СССР 1937 года, пабудавана каплічка, усталяваны памятныя знакі (крыжы над кожнай магілай і памятная дошка салавецкаму этапу). Сем і рэпрэсаваных пісалі на крыжах імёны сваіх расстраляных сваякоў, святары асвяталі каплічку, служба вялася праваслаўная, пратэстанцкая і каталіцкая, бо пахаваны на могілках людзі рознай веры.

Адкрыццё памятных знакаў праводзілася Міжнародным таварыствам «Мемарыял» і Камісіяй па аднаўленню правоў рэпрэсаваных Карэліі. У гэтай акцыі прынялі ўдзел перш за ўсё самі ініцыятары: ад Санкт-Пецярбургскага «Мемарыяла» — У. Іофе, ад Міжнароднага — С. Кавалёў і А. Жэмкова, ад Петразаводска-

га — Ю. Дзмітрыеў, а таксама ўрад Карэліі, прадстаўнікі рэспублік СНД і замежныя госці ад Польшчы, Германіі, Турцыі, Англіі, Бельгіі і інш. Я прадстаўляла Беларускаю асацыяцыю ахвяр палітычных рэпрэсій. Афіцыйных асоб з Беларусі не было.

Памятаю, быў ціхі, бязветраны марозны дзень. Ужо ляжаў снег. Гарэлі свечкі, людзі ўскладалі кветкі на памятныя пліты, прагучала прамова члена ўрада Карэліі... і раптам шматгалосы плач, што доўга стрымліваўся, прарваўся з жаночых грудзей над прыціхлым заснежаным урочышчам. Гэта плакалі сівагаловыя дзеці над магіламі сваіх бацькоў. Абняўшы мураваную глыбу, тэрмінова замяніўшую помнік*, грамчэй за ўсіх галасіла бабулька:

— Татачка, родненькі мой! Як жа ты настрадаўся!.. Пакажыся, татачка!.. Пакажыся! Нарэшце я знайшла цябе... 60 гадоў я цябе шукала...

Замерла ўсё ў лесе. Нават кіношнікі апусцілі свае кинакамеры... А людзі ўсё ставілі свечкі памяці над магіламі, каб супакоіліся душы закатаваных, каб ведалі, што іх не забылі...

Я таксама запаліла агеньчык памяці ад імя беларусаў і паставіла свечку ў каплічцы. Другую свечку прывезла ад іх у Курапаты, паставіла ля падножжа Крыжа-помніка 30 кастрычніка, калі адзначала разам з палітрэпрэсаванымі Беларусі Міжнародны дзень памяці ахвяр палітычных рэпрэсій, які адзначае ўся грамадскасць свету.

Мір праху Вашаму, дарагія Вы нашы, і тыя, хто расстраляны, і тыя, хто дабіты без дзевяці грамаў свінцу...

*Алена Кобец-Філімонава, пісьменніца,
экс-прэзідэнт БААПР.*

Р. С. Прайшло 10 год пасля адкрыцця першых памятных знакаў у Сандармоху і акцыі пакаяння. Сёлета, у юбілейны год «вялікага тэрору» (1937–2007) аргкамітэт Міжнародных дзён памяці «Сандармох-2007» праводзіў Дні памяці ў жніўні. Былі афіцыйна запрошаны прадстаўнікі ўсіх краін, грамадзяне якіх сталі ахвярамі масавых расстрэлаў у Сандармоху. А беларусаў чамусьці не было...

* Помнік у Сандармоху пабудаваны ў 1998 г. На ім высечаны словы: «Люди! Не убивайте друг друга!»

РАССТРЕЛЯНЫ 27 ОКТЯБРЯ 1937*

БАРЫСКЕВИЧ (БОРИСКЕВИЧ) Владимир Тарасович
1909, Минск. Электромонтер телефонной станции (Минск). Приговорен к 5 годам ИТЛ (01.07.1932; ст. 241 УК БССР; *нарсуд 1-го уч. Минска*). За побег из Дмитлага срок увеличен на 3 года.

БЫЧЕНКОВ Алексей Петрович
1894, Витебская губерния. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (28.07.1933; ст. 58-2, 11; *КОГПУ*).

ВИШНЕВСКИЙ Игорь Николаевич
1912, Могилев. Председатель бюро физкультуры Комитета Союза водников, преподаватель физкультуры в речном техникуме (Москва). Приговорен по делу «Национальное возрождение России» к 5 годам ИТЛ (25.02.1934; ст. 58-8, 10, 11; *тр. III ОГПУ МО*).

ЖУРАКОВ Бронислав Казимирович
1896, Витебск. Приговорен к 10 годам ИТЛ (23.06.1932; ст. 59-3; *КОГПУ*).

КОЛЬКО Александр Иванович
1894, Минск. Военнослужащий, член ВКП(б). Приговорен к 10 годам ИТЛ (1934; *КОГПУ*).

КРАНЦЕВИЧ Николай Михайлович
1901, Минск. Офицер. Зав. расчетным столом завода № 65 (Таганрог). Приговорен по делу «Союз освобож-

* Протокол № 81 Особой Тройки УНКВД ЛО от 09.10.37 (222 человека).

Расстрельные списы друкаваліся ў газеце «Народная Воля» (1997, №№ 227, 228) // Кобец-Филимонява Е. «Беларусь – Соловки – Сандормох 1937».

дения России» к 10 годам ИТЛ (29.12.1933; ст. 58-2, 11; КОГПУ).

КРУШЕЛЬНИЦКАЯ Камилла Николаевна

1892, Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии. Дворянка. Духовная дочь епископа Неве. Арестована в Москве по делу Абрикосовской общины (русских католиков), приговорена к 10 годам ИТЛ (19.06.1934; ст. 58-8, 10, 11; КОГПУ).

ЛЕВШИН Макс Моисеевич

1903, Минск. Журналист, редактор (Ленинград). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (11.03.1933; ст. 58-4, 6, 7; КОГПУ).

САВИЧ Михаил Федорович*

1903, Беларусь. Инженер. Агроном Белорусского отделения трактороцентра. Приговорен к 8 годам тюремного заключения (11.03.1933; ст. 58-4, 6, 7; КОГПУ).

М. Ф. Савіч.

СОКОЛОВСКИЙ

Андрей Васильевич

1897, Сенненский уезд Могилевской губернии. Фельдфебель белой армии. Приговорен к 3 годам ИТЛ (1931; тр. ППОГПУ ЗСК). Вторично приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (05.08.1933; ст. 58-2, 11; КОГПУ).

* Нарадзіўся ў с. Пярэжыр Рудзенскага р-на Мінскай вобл. Фотаздымак М. Ф. Савіча дасланы яго роднымі пасля публікацыі расстрэльных спісаў. (Заўвага аўтара.)

РАССТРЕЛЯНЫ 1 НОЯБРЯ 1937*

БЕЛЕНЬКИЙ Александр Иосифович

1903, Гродно. Инженер, член ВКП(б). Приговорен к 5 годам ИТЛ (28.11.1935; *ОСО НКВД СССР*).

БОГУШЕВСКИЙ Владимир Семенович

1910, Минск. Зоотехник. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (10.10.1933; *ст. 58-6; КОГПУ*). В заключении срок сокращен на 5 лет.

ВЕРНЯКОВИЧ Петр Фомич

1897, Виленская губерния. Счетовод Военно-воздушной Академии РККА. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (05.11.1933; *ст. 58-6, 7; КОГПУ*).

ВЕЧОР Вера Михайловна

1906, Бобруйск Минской губернии. Окончила Минский университет, учитель химии в ФЗУ (БССР). Приговорена к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (07.02.1932; *ст. 58-6; КОГПУ*).

ВОЛЬФСОН Ефим Иосифович

1894, Беларусь. Инженер-строитель фабрики «Гигровата» (Ленинград). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (12.11.1936; *ст. 58-10, 11; ВК ВС СССР*).

ГРОНБЕРГ Яков Лейбович

1901, Пинск Минской губернии. БОЗ. Приговорен к 5 годам ИТЛ (21.08.1935; *ОСО НКВД СССР*).

ДЕНЕСЮК Василий Сергеевич (он же

ШПАКО Николай Васильевич)

1907, Брест-Литовск Гродненской губернии. Образование высшее, политработник, член ВКП(б). Приговорен к 10 годам ИТЛ (02.07.1932; *КОГПУ*).

ДУК Федор Прохорович

1894, Загорины Борисовского уезда Минской губернии. Механик электростанции (Бродокалмак, Челябинская

* Протокол № 85 Особой Тройки УНКВД ЛО от 14.10.37 (223 человека).

область), член ВКП(б). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (30.12.1936; ст. 58-8, 11; ВК ВС СССР).

ЖАВРИД Иван Раймундович

1885, Бобруйск Минской губернии. Дворянин. Священнослужитель (РКЦ), в сане с 1908. Приговорен к 10 годам ИТЛ (25.03.1929; КОГПУ).

ЗМИЧЕРОВСКИЙ Иосиф Антонович

1907, Запрудье Лепельского уезда Витебской губернии. Крестьянин, пекарь. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (04.12.1932; ст. 58-6; КОГПУ).

ИДЕЛЬЧИК Хаим Моисеевич

1903, Минск. Работник ОГПУ, беспартийный. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет тюремного заключения (03.04.1932; КОГПУ).

КАПУСТА Петр Иосифович

1886, Полоцкий уезд Витебской губернии. Священнослужитель (РКЦ), в сане с 1917, служил в г. Мозырь (Могилевская область). Приговорен к 10 годам ИТЛ (23.08.1931; ст. 58-6, 10; КОГПУ).

КАРП Иван Антонович

1894, Минская губерния. Офицер белой армии. Служащий, член ВКП(б). Арестован в Москве, приговорен к 10 годам ИТЛ (28.06.1932; КОГПУ).

КИГАН Никонор Васильевич

1901, Межевичи Слонимского уезда Гродненской губернии. Образование высшее, служащий. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; ст. 58-6; КОГПУ).

КОВАЛЬКОВ Алексей Кириллович

1904, Чаусский уезд Могилевской губернии. БОЗ (Ленинград), член ВКП(б). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (27.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

КОСОВУДСКИЙ Иосиф Иванович

1884, Виленская губерния. Крестьянин. Приговорен к 8 годам тюремного заключения (*11.03.1933; КОГПУ*).

КРАЧКОВСКИЙ Иван Иосифович

1906, Беларусь. Приговорен к 5 годам ИТЛ (*27.08.1935; ОСО НКВД СССР*).

КУПЦЕВИЧ Григорий Игнатьевич

1895, Минская губерния. Мастер завода им. Жданова (Ленинград), член ВКПБ (1919–1921; 1927–1936). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (*29.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР*).

ЛИПНИЦКИЙ Иван Антонович

1912, Минск. Радиотехник радиоузла (Бобруйск). Приговорен к 10 годам ИТЛ (*23.05.1933; ст. 68, 24 УК БССР; тр. III ОГПУ БССР*).

ЛУБОЦКИЙ Марк Наумович

1901, Докшицы Борисовского уезда Минской губернии. Военврач, начальник кафедры военно-химического дела Военно-медицинской Академии им. Кирова (Ленинград), член ВКП(б). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (*26.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР*).

МАРТЫШЕВСКИЙ Георгий Михайлович

1874, Климовичский уезд Могилевской губернии. Агент угрозыска (1918—1922), пенсионер (Ленинград). Приговорен к 4 годам ИТЛ (*25.08.1936; ст. 58-10 ч. 1; СК ЛОС*).

МЕЛЬЯНОВИЧ Иван Иосифович

1917, Койданово Минской губернии. Перед арестом проживал в Ивенец (Польша). Приговорен в Минске к 10 годам ИТЛ со снижением срока до 6 лет 8 мес. (несовершеннолетний) (*15.10.1934; ст. 120, 58"а" УК БССР; ВТ Белорусского ВО*).

ПЕКУРОВСКИЙ Лейвин Генахович

1895, Гомельский уезд Могилевской губернии. Портной Ленснаба Осовиахима (Ленинград), кандидат ВКП(б)

(1927–1928, исключен), член ВКП(б) (1931–1935, исключен). Приговорен к 3 годам ИТЛ (29.06.1936; ст. 58-10 ч. 1; СК ЛОС).

ПИЛЕЦКИЙ Степан Афанасьевич

1894, Беларусь. Матрос по сплаву леса в Госпароходстве БССР. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (01.02.1933; ст. 58-6; КОГПУ).

ПИНКЕВИЧ Андрей Леонтьевич

1878, Двинск Витебской губернии. Офицер белой армии. Зам. директора электротехнического комбината по подготовке кадров. Приговорен к 10 годам ИТЛ (20.05.1931; ст. 58-6, 8; КОГПУ).

ПОЛЯКОВ Дмитрий Яковлевич

1897, Телешин Гомельского уезда Могилевской губернии. Офицер белой армии. Служащий, член КП Западной Белоруссии (1923). Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (13.03.1932; ст. 58-6; КОГПУ). В заключении на Соловках переведен в штрафизолятор на 2 года (10.02.1934; ст. 111; КОГПУ).

СЕВАСТЕЕНКО Степан Ефимович

1899, Оршанский уезд Могилевской губернии. Зоотехник Самарского Краевого Земельного Управления. Приговорен к 10 годам ИТЛ (22.11.1932; ст. 58-6/-17/, 84; КОГПУ). Бежал из Сиблага, приговорен к 10 годам (10.10.1933; ст. 58-6, 82, 84; КОГПУ); бежал с Соловков, задержан на о. Рымбаки, приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет (31.10.1934; ст. 59-2; През. ВС РСФСР).

СКУРАТОВСКИЙ-СКУРАТОВИЧ Петр Яковлевич

1903, Игуменский уезд Минской губернии. БОЗ. Приговорен к 5 годам ИТЛ (31.03.1935; СОЭ; ОСО НКВД СССР). В заключении срок увеличен на 1 год (08.09.1935; ст. 82 ч. 1; отд. ЛОС при ББК НКВД).

СНИТКО Павел Иустинович

(он же **ЖУРОВ Петр Иванович**)

1909, Брест-Литовск Гродненской губернии. Старший инженер Управления «Волго-Дон», кандидат ВКП(б).

Приговорен к 5 годам ИТЛ (1933; *ст. 58-6/-16*). Бежал из Сиблага НКВД. Приговорен к 10 годам ИТЛ (07.04.1934; *закон 7/8-32, ст. 82; тр. ПП ОГПУ ЛВО*), по пересмотру дела срок снижен до 5 лет. Вторично бежал из лагеря, срок увеличен на 3 года (01.06.1936; *СК Главсуда КАССР при ББК НКВД*).

СОСНОВСКИЙ Лука Михайлович

1888, Брест-Литовск Гродненской губернии. Заведующий погрузочной конторой на ст. Ярцево МББ ж/д. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (27.03.1934; *ст. 58-6, 11; КОГПУ*).

ХЕВЛИН Самуил Хаймович

1898, Виленская губерния. Сотрудник разведотдела штаба Белорусского военного округа, работал в Польше (1919–1925). Директор белорусского отделения Госкультторга (Минск), член ВКП(б) (1919). Приговорен к 5 годам ИТЛ (07.09.1936; *ст. 58-6; ОСО НКВД СССР*).

ЯХНИНА Эсфирь Вениаминовна

1907, Витебск. До 1930 жила в Германии. Химик-нефтяник, начальник теплотехнической лаборатории машиностроительного завода №92 (Москва). Приговорена к 10 годам тюремного заключения (12.11.1936; *ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР*).

РАССТРЕЛЯНЫ 2 НОЯБРЯ 1937*

АВТУХОВ Иван Лукьянович

1888, Витебская губерния. Рабочий. Приговорен к 5 годам ИТЛ (15.10.1936; *КРТД; ОСО НКВД СССР*).

БАРСУКОВ Соломон Феликсович

1904, Минск. Инженер-технолог гидротурбинного цеха завода им. Сталина (Ленинград), член ВКП(б)

* Протокол №82 Особой Тройки УНКВД ЛО от 09.10.37 (188 человек).

(исключен в 1933). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (26.07.1936; ст. 58-10 ч. 1; СК ЛОС).

БЕСКИНА Анна Абрамовна*

1903, Минск. Литературный критик, член Союза Писателей, доцент института искусствоведения (Ленинград), член ВКП(б). Приговорена к 10 годам тюремного заключения (23.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ВАЛЮК Антон Александрович

1906, Слонимский уезд Гродненской губернии. Преподаватель. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (03.10.1932; ст. 58-6, 10, 11; КОГПУ).

ГРЕЧАННИКОВ Петр Львович

1907, Мстиславль Могилевской губернии. Слесарь, член ВКП(б). Приговорен к 5 годам ИТЛ (11.09.1935; ОСО НКВД СССР).

ГРУЗДЕВ-РАДИН Эйзер Львович

1905, Рогачев Могилевской губернии. Историк, научный сотрудник АН СССР, преподаватель Военной Электротехнической Академии (Ленинград). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (23.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ДВОРЖЕЦ Яков Соломонович

1895, Минск. Член партии социалистов-революционеров, затем член ВКП(б). Директор института Трудового Воспитания (Москва). Приговорен к 5 годам ИТЛ (11.09.1935; ОСО НКВД СССР).

ДОВЖИК-БРОВЕР Эсфирь-Вера Борисовна

1899, Беларусь. Служащая, член ВКП(б). Приговорена к 10 годам тюремного заключения (19.11.1936; ВК ВС СССР).

* Магчыма, расстраляна 4 лістапада. (Заўвага аўтара.)

ИЛЮКОВИЧ-СТРАКОВСКИЙ Михаил Антонович

1898, Гродненская губерния. Заведующий кафедрой Военно-политической академии им. Толмачева (Ленинград), член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (26.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

КАЗАКЕВИЧ Степан Данилович

1879, Витебская губерния. Образование высшее, член ВКП(б). Приговорен к 5 годам ИТЛ (15.10.1936; ОСО НКВД СССР).

КИСЕЛЕВ Август Константинович

1899, Минск. Начальник цеха фабрики «Скорород», начальник производства фабрики «Пролетарская Победа» (Ленинград, член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (29.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

МАЗУРОВ Стефан Ефремович

1897, Климовичи Могилевской губернии. Бурильщик Со-рокинського Рудоуправління (Донбасс), член ВКП(б). Приговорен к 5 годам ИТЛ (27.07.1935; КРА; ОСО НКВД).

МАРЧУК Игнатий Иванович

1900, Двинск Витебской губернии. Обходчик пути Метрополитена (Москва), член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (14.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

МОГЛИН Захар Борисович

1897, Гомель Могилевской губернии. Образование высшее, член ВКП(б); женат на дочери Троцкого — Бронштейн З. Л.* Арестован в Курске, приговорен к 3 годам ИТЛ (27.04.1934; ст. 58-7, 11; ОСО НКВД СССР).

* Запис не адпавядае біяграфічным звесткам З. Л. Бранштэйн (па мужу Волкавай). Магчыма, гэта адзін з прыкладаў надуманага абвінавачвання, каб папоўніць спіс ахвяр для выканання плану. (Заўвага аўтара.)

ПЕЧЕНЮК Иван Петрович

1912, Могилевский уезд Подольской губернии. Красноармеец в/ч № 1452 РККА. Приговорен к 6 годам ИТЛ (09.06.1935; ст. 54-10 ч. 1 УССР; ВТ 2-го кавкорпуса Украинского ВО).

ПИНСОН Злата Давыдовна

1892, Витебск. Заведующая экспедицией Мосторга (Москва). Приговорена к 8 годам тюремного заключения (13.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ПИНСОН Элла Давыдовна

1894, Витебск. Заведующая библиотекой фабрики «Красная Роза» (Москва), член ВКП(б) (1918). Приговорена к 8 годам тюремного заключения (13.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

РАКОВИЧ Александр Архипович

1910, Минская губерния. Учитель языка и литературы средней школы, студент Педагогического института (Минск). Приговорен к 5 годам ИТЛ (19.07.1935; КРД; ОСО НКВД СССР).

РЕЗНИКОВ Михаил Григорьевич

1909, Полоцк Витебской губернии. Инженер-экономист, уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по ДВК (Хабаровск). Приговорен к 3 годам ИТЛ (02.12.1935; КРД; ОСО НКВД СССР).

САФРОНОВ Виктор Семенович

1906, Слуцк Минской губернии. Член партии социал-демократов. С 1928 в ссылке (Кустанай, Пермь, Томск). Начальник планового отдела Махорочной фабрики (Томск). В 1935 приговорен к 3 годам ИТЛ, в заключении вторично приговорен к 5 годам ИТЛ (22.09.1935; КРТД; ОСО НКВД СССР).

ТРУТКО-ГУЛЬ Федор Иванович

1894, Беларусь. Подпоручик. Образование высшее, член ВКП(б). Приговорен к 10 годам ИТЛ (13.07.1935; ВК ВС СССР).

ЧАРНЫЙ Давид Борисович*

1902, Бобруйск Минской губернии. Заведующий Планово-финансовым отделом потребительских обществ (Ленинград), член ВКП(б) (1919). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (20.11.1936; *ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР*).

ШУСТЕР Лев Яковлевич

1904, Новогрудский уезд Минской губернии. Столяр красносельской мебельной фабрики (Москва). Приговорен к 5 годам ИТЛ (29.10.1935; *КРТД; ОСО НКВД СССР*).

РАССТРЕЛЯННЫЕ 3 НОЯБРЯ 1937**

АКСЕНОВА Лидия Николаевна

1889, Вильно. Дворянка, экономист, анархистка. В заключении приговорена к 5 годам ИТЛ (09.05.1935; *КРД; ОСО НКВД СССР*).

БАРАНОВСКИЙ Петр Августович

1882, Орша Могилевской губернии. Дворянин, окончил Петербургскую семинарию, в сане с 1906, священнослужитель (РКЦ). Приговорен к 10 годам ИТЛ (20.09.1929; *ст. 58-4; КОГПУ*).

БУРСЕВИЧ Максим Тарасович***

1890, Чамяры Слонимского уезда Гродненской губер-

* Брат вядомага літаратара Марка Чарнага, таксама рэпрэсаванага. (Заўвага аўтара.)

** Протокол № 83 Особой Тройки УНКВД ЛО от 09.10.37 (279 человек).

*** Біяграфічная даведка пра Бурсевіча М. Т. з Кароткай энцыклапедыі БССР (т. 5, с. 98):

«**Бурсевіч** Максім Тарасавіч (1890, в. Чамяры Слонімскага р-на – 2.8.1941), дзеяч нац.-вызв. руху ў Зах. Беларусі. З 1919 настаўнік

нии. Экономист-плановик (Минск), кандидат КП(б)У. Приговорен по делу «Белорусского национального центра» к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; ст. 58-4, 6, 11; КОГПУ).

ВОЛЫНЕЦ

Флегонт Игнатьевич*

1879, Вилейка Виленской губернии. Учитель, общественный деятель Западной Белоруссии: член КПЗБ, член БКРГ; глава Управы ТБШ, депутат Сейма. В составе фракции «Змаганне» осужден и по обмену на политзаключенных СССР выслан в Минск (1932). Заведующий Наркома Комхоза

Ф. И. Валынец.

бел. школы, удзельнік бел. нац.-вызв. руху. З чэрв. 1925 у актыве пасьольскага клуба *Беларускай сялянска-рабочай грамады* (БСРГ), 1.7.1926 кааптаваны ў ЦК БСРГ і выбраны яго сакратаром. Ствараў мясц. к-ты БСРГ і наладжваў іх работу. У лютым 1927 арыштаваны. На судовым працэсе 56-і (1928, усе гл. т. 1) прыгавораны да 8 гадоў турмы. У выніку абмену палітзняволенымі з 1932 у СССР». (Заўвага аўтара.)

* Біяграфічная даведка пра Валынца Ф. І. з Кароткай энцыклапедыі БССР (т. 5, с. 111–112):

«**Валынец** Флягонт Ігнатавіч (8.1.1879, Вілейка – 9.10.1941), дзеяч рэв. і нац.-вызв. руху ў Зах. Беларусі. Скончыў Маладзечанскую настаўніцкую семінарыю (1897), настаўнічаў на Вілейшчыне. За ўдзел у Рэвалюцыі 1905–07 пазбаўлены права выкладання. Пасля Кастр. рэвалюцыі камісар, летам 1920 старшыня Вілейскага рэўкома. У 1918 ствараў на Вілейшчыне падп. камуніст. ячэйкі. У 1920–21 зняволены польск. уладамі ў турму. У 1925–26 чл. Вілейскага пав. к-та *Беларускай сялянска-рабочай грамады*, у 1927–29 узначальваў Вілейскую акр. управу, з снеж. 1927 чл. гал. управы Т-ва бел. школы. У 1928 выбраны дэпутатам польск. сейма. Адзін з кіраўнікоў рэв. арг-цыі «*Змаганне*» (усе гл. т. 1). 30.8.1930 арыштаваны польск. уладамі, засуджаны на 8 гадоў. У выніку абмену палітзняволенымі з 1932 у Мінску, працаваў у Наркамзе камунальнай гаспадаркі БССР». (Заўвага аўтара.)

БССР (Минск). Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; ст. 58-4, 6, 11; КОГПУ).

ВОРОБЕЙЧИК Марк Моисеевич

1898, Полоцкий уезд Витебской губернии. Приговорен к 5 годам ИТЛ (27.02.1934; ст. 58-10, 11; ОСО КОГПУ).

ГУРСКИЙ Ян Бенедиктович

(он же **ТКАЧУК Евстафий Александрович**)

1893, Витебск. Агроном. Приговорен к 5 годам ИТЛ (13.02.1936; ОСО НКВД СССР).

ДЗЕМЕШКЕВИЧ Антоний Николаевич

1891, Беларусь. Священнослужитель (РКЦ), в сане с 1918; Администратор приходов Нижнего Новгорода, Владимира, Казани. Приговорен к 10 годам ИТЛ (13.03.1930; КОГПУ).

ДЗЕМЯН Иосиф Казимирович

1888, Витебская губерния. Священнослужитель (РКЦ), в сане с 1912. Служил в Орше и Полоцке; с 1929 настоятель костела Св. Екатерины (Ленинград). Приговорен к 10 годам ИТЛ (02.12.1931; ст. 58-6; КОГПУ).

КУПРЕВИЧ Михаил Иванович

1899, Виленская губерния. Служащий, член ВКП(б). Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; КОГПУ).

ЛУКЪЯНИН Иосиф Станиславович

1888, Латвия. Окончил Петербургскую духовную семинарию, священнослужитель (РКЦ), в сане с 1914; служил в Полоцке (Витебская область), затем настоятель прихода Чаусы (Могилевская область). Приговорен к 10 годам ИТЛ (13.03.1930; ст.58-10; КОГПУ).

РУБИН Михаил Петрович

1906, Вильно. Землеустроитель. Управделами Энергетического института, студент. Приговорен к расстрелу

с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; ст. 58-6, 11; КОГПУ).

ШАЦИЛЛО Альбин Альбинович

1887, Игуменский уезд Минской губернии. Священнослужитель (РКЦ), настоятель костела в Минске. Приговорен к 10 годам ИТЛ (14.07.1932; КОГПУ).

ШУСТЕР Абрам Яковлевич

1892, Коссово Слонимского уезда Гродненской губернии. Студент пожарного техникума (Москва), член ВКП(б). Приговорен к 3 годам ИТЛ (22.09.1935; КРТД; ОСО НКВД СССР).

ШУСТЕР Юлий Абрамович

1907, Вильно. Инженер, преподаватель Политехникума (Минск). Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (09.01.1934; КОГПУ).

ЮРЕВИЧ Болеслав Казимирович

1887, Горбачево Полоцкого района Витебской губернии. Священнослужитель РКЦ. Приговорен к 10 годам ИТЛ (05.10.1930; КОГПУ).

ЯРМОЛОВИЧ

Антон Иванович*

1895, Видзеничи Оршанского уезда Могилевской губернии. Священнослужитель (РКЦ), служил в Белоруссии. Приговорен к 10 годам ИТЛ (29.10.1933; ст. 58-6, 11; КОГПУ).

А. І. Ярмаловіч.

* Фотаздымак А. І. Ярмаловіча дасланы яго роднымі пасля публікацыі расстрэльнага спісу. (Заўвага аўтара.)

РАССТРЕЛЯНЫ 4 НОЯБРЯ 1937*

БЕРЛИНЕР Ефрем Абрамович

1883, Могилев. Преподаватель, БОЗ. Член партии социалистов-революционеров (1919–1920). Приговорен к 5 годам ИТЛ (03.09.1936; КРД; ОСО НКВД СССР).

БЫХОВСКАЯ Евгения Давыдовна

1903, Двинск Витебской губернии. Член КП Латвии (1927–1930), член КП Германии (1930–1936). Товаровед. Приговорена к 10 годам тюремного заключения (11.11.1936; ВК ВС СССР).

ВАНДЕР Борис Михайлович

1900, Невель Витебской губернии. Заместитель директора «Ленкино», начальник коммерческой части фабрики «Красный партизан» (Ленинград), член ВКП(б) (1919). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (29.12.1936; см. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ВЛАДИМИРОВА-ШВАРЦ Раиса Яковлевна

1903, Двинск Витебской губернии. Историк-языковед, декан факультета Педагогического института (Москва), член ВКП(б). Приговорена к 8 годам тюремного заключения (12.11.1936; см. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ГАРБЕР Хаим Иосифович

1903, Вильно. Философ, профессор. Старший ученый специалист института философии АН, профессор Политехнического института (Ленинград), кандидат философских наук, член ВКП(б) (1918). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (23.12.1936; см. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

* Протокол № 84 Особой Тройки УНКВД ЛО от 10.10 1937 (268 человек).

ДМИТРИЕВА Ядвига Серафимовна

1894, Койданово Минской губернии. Домохозяйка (Москва). Приговорена к 10 годам тюремного заключения (10.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ИГНАТЕНКО Иван Степанович

1908, Мстиславльский уезд Могилевской губернии. Литератор (Ленинград). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (27.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

КЛИМЧУК Кондратий Трофимович

1898, Пружанский уезд Гродненской губернии. Начальник кафедры экономической политики ВПА (Ленинград), член ВКП(б) (1919). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (28.12.1936; ст. 58-8/-17/; ВК ВС СССР).

ЛЕЙБОВИЧ Ейно Соломонович

1907, Ошмянский уезд Виленской губернии. Историк, доцент ЛИФЛИ и ЛГУ, аспирант института Истории АН СССР (Ленинград). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (24.12.1936; ст. 58-8/-17/; 11; ВК ВС СССР).

МАЙЗЕЛЬ Михаил Гаврилович

1899, Витебск. Литературный критик, заведующий критическим отделом редакции журнала «Литературный современник» (Ленинград), кандидат ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (23.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

МИЛЬКЕВИЧ Алексей Михайлович

1911, Лепельский уезд Витебской губернии. Токарь «Пролетарского завода» (Ленинград). Приговорен к 8 годам тюремного заключения (30.12.1936; ст. 58-8/-17/; ВК ВС СССР).

ПРУЖАНСКАЯ Елена Моисеевна

1903, Велиж Витебской губернии. Врач, микробиолог, ученый секретарь Биомедгиза (Москва), член ВКП(б) (1919). Приговорена к 10 годам тюремного заключения (26.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

РОМАНОВИЧ Федор Моисеевич

1889, Радваническая волость Брестского уезда Гродненской губернии. Рабочий завода «Скороход» (Ленинград), член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (25.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

САЛТАНОВСКИЙ Павел Моисеевич

1899, Польша. Директор издательства Ц.О.КП(б)Бел. (Минск), член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (11.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

САФРОНОВ Семен Никифорович

1893, Беларусь. Шофер пожарной команды Торфотреста, завода «Карболит» (Орехово-Зуево, Московская область), член ВКП(б) (1924–1928). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (13.11.1936; 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

СЕМЕНЕЦ Георгий Васильевич

1916, Лепельский уезд Витебской губернии. Школьный учитель-химик (Красные Баки; Шахунья, Горьковский край). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (21.11.1936; ст. 58-8/-17/; ВК ВС СССР).

ТОРСКИЙ Яков Захарович

1902, Могилев. Служащий, член ВКП(б). Приговорен к 5 годам ИТЛ (15.10.1936; ОСО НКВД).

ЦИПКИН Израиль Наумович

1904, Минск. Старший экономист завода «Динамо» им. Кирова (Москва). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (11.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ШКЛОВСКИЙ Григорий Львович

1875, Бобруйск Минской губернии. Химик, член правления объединения «Химоиндикат», член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (14.11.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ШУЛЬМАН Михаил Исаакович

1909, Орша Могилевской губернии. Грузчик Свирстроя (Ленинградская область), член ВКП(б). Приговорен к 10 годам тюремного заключения (24.12.1936; ст. 58-8/-17/, 11; ВК ВС СССР).

ХОМИЧ Григорий Макарович*

1913. Учитель.

* Гэта прозвішча нейкім чынам выпала з расстрэльных спісаў, апублікаваных у кнізе «Меморіальное кладбішце Сандармох», але яно ёсць у дадатковым спісе з падзагалоўкам «Осужденные в Беларуси», і таму аўтар палічыў неабходным уключыць яго ў агульны спіс. (Заўвага аўтара.)

Документ 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Экз. № 1

Нач. УНКВД Ленинградской области
Комиссару госуд. Безопасности
1 ранга г. Заковскому
г. Ленинград

В соответствии с моим приказом № 00447 (разослан начальникам УНКВД) – ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 25 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контр-революционных элементов, содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, грузмек, дашнаков, иттихатистов, муссаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек.

4. Установить следующий порядок рассмотрения дел репрессируемых:

Начальники тюрем ГУГБ, на основании материалов оперативного учета и личных дел составляют на каждого подлежащего репрессированию подробную справку с указанием в ней: фамилии, имени, отчества, за какие преступления, на какой срок и кем осужден, преступная деятельность (подлежащего репрессированию) в тюрьме в том числе побеги, к.-р. выпады и злостные нарушения режима.

Справки подписываются пом. Нач. Тюрьмы по опер. Работе (при отсутствии оперуполномоченным) и начальником тюрьмы ГУГБ.

Справки на каждого подлежащего репрессированию заключенного вместе с имеющимся на него в оперчасти тюрьмы делом, направляются тюрьмой ГУГБ на рассмотрение соответствующей республиканской, краевой или областной Тройки. Копии справок направляются в 10-й отдел ГУГБ.

Документ 2

Сов. Секретно

ЗАМ.НАЧ.АХУ. УНКВД ЛО
КАПИТАНУ ГОСУД.БЕЗОПАСНОСТИ. -
т.МАТВЕЕВУ

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагается осужденных Особой Тройкой УНКВД ЛО согласно прилагаемых к сему копий протоколов Тройки за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 от 9,10 и 14 Октября с.г. - ВСЕГО в количестве 1116 человек содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУТБ НКВД СССР -

РАССТРЕЛЯТЬ

Для этой цели Вам надлежит немедленно выехать в г.Кемь и связавшись с Начальником Соловецкой тюрьмы ГУТБ - Ст.Майором Госбезопасности т.АПЕТЕР, которому одновременно с этим даются указания о выдаче осужденных, - привести приговора в исполнение согласно данных Вам лично указаний.

Исполнение донесите - представив по возвращению акты.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Примечание осужденных необходимо тщательно проверить установочные данные на каждого используя и фотокарточки имеющиеся в личных делах

НАЧ. УПР. НКВД ЛО
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ I РАНГА: -
/ЗАКОВСКИЙ/

НАЧ. III ОТДЕЛА УГБ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ЕГОРОВ/

Документ 3

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ЛО
СТАРШ. МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

тов. ГАРИНУ

Р А П О Р Т

Доношу, что на основании предписания НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ЛО – Комиссара Госбезопасности 1-го ранга тов. ЗАКОВСКОГО от 16-го октября 1937 года за № 189852 – приговор в отношении осужденных к В.М.Н. – согласно протоколов Особой Тройки УНКВД ЛО за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 всего на 1.116 человек – мною приведен в исполнение на 1.111 человек:

- по прот. № 81, всего 209 чел., выполн. 208 чел. невыполн. 1 чел.
РОДИОНОВ Ф.И. умер в б-це, акт № 27 от 8/ X – 37 г.
по прот. № 82, всего 182 чел., выполн. 180 чел. невыполн. 2 чел.
ВИШНЯК С.Д. направлен в Л-д, справка от 28/X-37 г.
ЛИКВОРНИК Е.Я. ---”--- в Одессу, справка от 28/X-37 г.
по прот. № 83, всего 266 чел. выполн. 265 чел. невыполн. 1 чел.
ЗОЗУЛЯК И.М. напр. в Киев, справка от 28/X-37 г.
по прот. № 84, всего 249 чел. выполн. 248 чел. невыполн. 1 чел.
ПЕРОЦКИЙ Б.В. напр. в Киев, справка от 2/XI-37 г.
по прот. № 85, всего 210 чел. выполн. 210 чел. невыполн. –

Общее количест. 1116 чел. выполн. 1111 чел. невыполн. 5 чел.

ПРИЛОЖЕНИЕ : Отп. Соловских Тюрьмы № – от 21/X с.г., акт № 27, протокол анатом. вскрытия № 11, акт о погребении № 27 – на РОДИОНОВА Ф.И. и 4 справки Нач. Соловской Тюрьмы о переправке – всего 8 п/л.

ЗАМ. НАЧ. АХУ УНКВД ЛО
капитан Госбезопасности
(МАТВЕЕВ) [подпись]

“ 10 “ Ноября 1937 года.

Документ 4

СОЮЗ
Советских Социалистических Республик

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УПРАВЛЕНИЕ НКВД

по

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Тов. МАТВЕЕВУ

Управлением НКВД СССР по Ленинградской
Области капитан государственной
безопасности тов. МАТВЕЕВ Михаил Родионович
за успешную борьбу с контрреволюцией
награжден ценным подарком

СПРАВКА: приказ УНКВД СССР по ЛО № 308
от 20 декабря 1937 г.

Начальник Управления НКВД СССР по ЛО
Комиссар государственной безопасности 1-го ранга
(ЗАКОВСКИЙ)

15 января 1938 г.

№ 280

г. Ленинград

Документ 5

Из материалов следственного дела №11602

Подсудимый МАТВЕЕВ по существу дела показал:

ВОПРОС: Вы принимали участие в операциях по приведению приговоров в исполнение над осужденными к ВМН?

ОТВЕТ: Да, в таких операциях я участие принимал неоднократно, начиная с 1918 г. с перерывом с 1923 по 1927 г.г.

ВОПРОС: Были-ли вы командированы в период 1937 г. на операцию по приведению приговоров в исполнение в НКВД АССР?

ОТВЕТ: В 1937 г. примерно в октябре или ноябре м-це, от б. зам. нач. упр. НКВД по ЛО ГАРИНА получил распоряжение выехать на ст. М. Гора в Беломорский Балтийский Комбинат /ББК/ во главе бригады по приведению приговоров в исполнение над осужденными к Высшей Мере Наказания, что мною и было выполнено в течение примерно 20-22-х дней.

<...>

ВОПРОС: Кто непосредственно приводил приговора в исполнение и в чем заключалась обязанность остальных членов Вашей бригады?

ОТВЕТ: Непосредственно приводили в исполнение приговора я, МАТВЕЕВ Михаил Родионович и АЛАФЕР пом. коменданта, а остальные члены бригады имели следующие обязанности: ГИНЦОВ, ЛАРИОШИН, ВАСИЛЬЕВ, ДЕРЕВЯНКО, КУЗНЕЦОВ и ТВЕРДОХЛЕБ выполняли обязанности конвоиров арестованных над которыми приводились приговора в исполнение, шофер ВОСКРЕСЕНСКИЙ работал на грузовой машине по доставке арестованных, шофер ФЕДОТОВ работал на легковой машине, а ЕРШОВ занимался хозяйственными вопросами и частично помогал мне принимать по списку арестованных.

<...>

Подсудимый МИРОНОВ по существу дела суду показал:

С 10/XI-37 года по январь месяц 1938 г. по приказанию начальника 5-го отделения 3-го отдела ББК НКВД – БОНДАРЕНКО, я был привлечен в качестве рабочей силы в опербригаду возглавляемую БОНДАРЕНКО и зам. начальника 3-го отдела ББК – ШОНДЫШ по приведению в исполнение приговоров над осужденными к ВМН. Обстановка, в которой я и другие лица работали во время операции не соответствовала своему назначению, т. к. изолятор, где готовили осужденных к отправке на место приведения в исполнение приговоров, был деревянным, в результате чего малейший крик осужденных мог отразиться на лиц сидящих в изоляторе осужденных к ВМН. Дорога по которой возили осужденных к месту приведения в исполнение приговоров, протяжением

в 16 километров, была очень оживленной, т.к. по ней ходят люди, автобусы и автомашины.

<...>

В первые дни операции при ленинградской бригаде обнаруживали, что осужденные в одежде хранили ножи и были случаи, когда осужденные во время операции с ножами набрасывались на участников бригады и одного сотрудника из ленинградской бригады ранили в голову. Поэтому в дальнейшем во избежание подобных явлений и сохранения своих людей, стали осужденных раздевать до нижнего белья еще в изоляторе и в таком виде отправляли их в месту назначения.

БЕЛАРУСЬ – ББК – САНДАРМОХ*

1937–1938

* Расстрэльны спіс друкаваўся ў газеце «Народная Воля» (1997, № 229) // Кобец-Филимонова Е. «1937–1938. Сандормох (Карельские Куропаты)».

**СПІС 70 БЕЛАРУСАЎ,
БЫЛЫХ ЗНЯВОЛЕННЫХ ББК НКУС І ПЕРАСЯЛЕНЦАЎ,
РАССТРАЛЯНЫХ У САНДАРМОХУ
З 18 ЖНІЎНЯ 1937 ПА 10 КРАСАВІКА 1938**

Пошукавыя групы Санкт-Пецярбургскага і Карэльскага «Мемориалов», мясцовыя краязнаўцы ў час раскопак апрача астанкаў ахвяр салавецкага этапу знайшлі масавае пахаванне зняволеных Белбалтлага і жыхароў паўднёвых раёнаў Карэліі, расстраляных у тую ж кампанію «вялікага тэрору» (канец 1937 і пачатак 1938 гг.) у тым жа ўрочышчы пад Мядзвеж’егорскам, якое на той час было звычайным месцам выканання прыгавораў над вязнямі Белбалтлага, што будавалі Беламора-Балтыйскі канал, і мясцовымі жыхарамі. У архіўных дакументах мясцовых жыхароў значыцца 2730 чалавек, зняволеных ББК — 2590 чалавек. Яшчэ не ўсе магілы былі знойдзены.

Спіс 70 беларусаў, расстраляных у Сандармоху, упершыню публікаваўся ў газеце «Народная Воля». Кіраўнік пошукавай групы Карэльскага «Мемориала» Ю. Дзмітрыеў склаў спісы і па нацыянальнасцях. Гэтаму пераліку біяграфічных звестак таксама, як і расстрэльнаму спісу салавецкага этапу, бракуе дакладнасці галоўным чынам па віне (як сцвярджае ўкладальнік кнігі «Мемориальное кладбище Сандормох») лагернай адміністрацыі. Але мы спадзяемся, што і ў такім стане спіс дапаможа адшукаць сваякоў і родных нашых бязвінна пакараных землякоў. Пасля публікацыі расстрэльных спісаў у газеце «Народная Воля» некаторыя знайшлі сваіх родных.

АКУЛИЧ Петр Романович

1902, Минск. Белорус, б/п. БОЗ. Проживал*: Медвежьегорский р-н, Медвежья Гора. *Арестован 25.11.37; СОЭ; осужден Тройкой НКВД КАССР 9.12.37; расстрелян 21.12.37*; место расстр. ст. Медвежья Гора. О реабилитации сведений нет.

АРХИПЕНКО Филипп Игнатьевич

1905, Беларусь. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ; *осужден Тройкой НКВД КАССР 31.12.37; расстрелян 10.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилитации сведений нет.

БОГДАНОВИЧ Казимир Владиславович

1907, п. Гура Заславского р-на Минской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ; *осужден Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 28.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВС КАССР 18.11.59.

БРЖЕЗОВСКИЙ Николай Митрофанович

1886, с. Масицы Бобруйского округа (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; *арестован 7.02.30*; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 9.12.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 22.05.89.

ВЕЛИЧКО Платон Иванович

1893, д. Константиновка (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Учитель. *Арестован 24.02.38; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 21.03.38; расстр. 10.04.38*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. Верховным Судом КАССР 28 03 5(?).

ВОЙЦЕХОВСКИЙ Иван Антонович

1891, д. Круглук Самохваловского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК

* Тут і далей слова «проживал» трэба разумець як «находзіўся ў заключэнні». (Заўвага аўтара.)

НКВД 3-й отдел; з/к. Бухгалтер. *Арестован 18.08.37; Осужден по ст. 58-7, 10, 11 Тройкой НКВД КАССР 9.09.37; расстр. 15.09.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. Верховным Судом КАССР *18.11.5(?)*.

ГОРБАЧЕВ Григорий Григорьевич

1916, Беларусь. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к, *осужден Тройкой НКВД КАССР 19.02.38; расстр. 4.03.38;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилитации сведений нет.

ГОРБАЧЕВ Федор Филимонович

1902, д. Демешково Лепельского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Кемский р-н, Кемь. Председатель промартели. Арестован 13.12.37; *осужден по ст. 58-1а, 2, 10, 11 Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 20.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии *07.05.89*.

ГРИНЮК Александр Андреевич

1912, д. Мало-Былово Слуцкого р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 9.12.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. Указом ПВ Совета СССР *16.01.89*.

ГРУКК Владимир Маркович

1912, г. Звенигород Московской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. Инженер-путеец. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 3.12.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР *30.05.64*.

ДМИТРИЕВ Игнатий Дмитриевич

1886, б. Полоцкий уезд Витебской губернии (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к, СОЭ. Священник. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 29.09.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. Указом ПВ Совета СССР *16.01.89*.

ДОБЫШ Иван Михайлович

1915, д. Казачье (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38; место расстр. ст. М. Гора. Сведений о реабилит. нет.*

ДУКАЛЬСКИЙ Адам Иосифович

1898, г. Ржецк Витебской обл. Белорус, б/п. Проживал: Прионежский р-н, Заозерский п. Соломенное. Служащий. *Арестован 20.11.37; осужден по ст. 58-10, 11 НКВД СССР 13.01.38; расстр. 21.01.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВТ Северного в/о 26.04.58.*

ЖУКОВСКИЙ Гавриил Степанович

1904, д. Свисловчино Гродненской обл. (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Радиотелеграфист. *Осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 26.08.37; расстр. 1.09.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 25.03.63.*

ЖУКОВСКИЙ Николай Прокопьевич

1906, п. Слободка Логойского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 1.09.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 29.09.37; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

ЗАЙЦЕВ Василий Денисович

1887, х. Старцы Бобруйского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорск, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Бухгалтер. *Арестован 24.02.38; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 21.03.38; расстр. 5.04.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 13.04.89.*

ЗЕЛЕНИН Сергей Ильич

1889, г. Тамбов. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Директор театра. *Арестован 10.11.37; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 9.12.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 06.06.89.*

ИВАНОВ Иосиф Зиновьевич

1916, д. Кашедово Бобруйского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 1.08.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 9.09.37; расстр. 26.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилитации сведений нет.

ИЛЛАРИОНОВ Михаил Иванович

1907, г. Витебск. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел. Трудопоселенец, повар. *Арестован 14.12.37; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 29.12.37; расстр. 8.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 22.04.89.

КАМЕЙША Викентий Адамович

1887, д. Фаниколь Минского р-на. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД КАССР й отдел; з/к. *Осужден по ст. 58-6 Тройкой НКВД КАССР 9.09.37; расстр. 20.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 15.08.69.

КАРАЧУН Владимир Антонович

1911, д. Куштика Узденского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД КАССР 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 11.10.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КАРПЕКО Иван Адамович

1896, м. Березино Минской обл. Белорус, б/п. Проживал: Олонецкий р-н, Ильинский лесозавод. Директор завода. *Осужден по ст. 58-10, 11 НКВД СССР 4.01.38; расстр. 21.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КЛЮЧЕНОВИЧ Петр Иванович

1909, (о месте рождения сведений нет). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к, СОЭ. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 26.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КОВАЛЕВ Андрей Акимович

1904, д. Павловка Кировского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД КАССР 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 28.10.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КОЗЫРЕВ Алексей Семенович

1909, д. Пудоть Московской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к, СОЭ. *Арестован 1.08.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 9.09.37; расстр. 15.09.37;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КОНДРАТЬЕВ Павел Александрович

1917, д. Радонино (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 7.11.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 18.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КРИВОШЕЕВ Алексей Александрович

1912, с. Титово Пуховичского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 26.09.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 22.04.89.

КУЗНЕЦОВ Александр Алексеевич

1898, Суражский р-н (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Заонежский р-н, Деригузовский; Шунга. БОЗ. *Арестован 6.11.37; СОЭ; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

КУРИЛЕНКО Лев Агеевич

1901, д. Черняковка Пропойского р-на (Беларусь). Белорус, б. чл. п. Проживал: г. Петрозаводск, Кандалакшский р-н, 54 арт. полк; Нач. штаба. *Арестован 30.07.37; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 2.11.37; расстр. 11.11.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВТ Северного в/о 25.12.57.

ЛАВРИНОВИЧ Василий Сафонович

1901, д. Телуши Бобруйского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 16.09.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

ЛАГУН-ЛАГУНОВСКИЙ Иван Иванович

1896, с. Стрелица Двинского уезда Витебской губернии. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Счетовод. *Арестован 12.09.37; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 4.10.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 27.03.89.*

ЛИТАВР Алексей Иосифович

1910, ст. Лидовский, Окинский р-н, ДВК. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД КАССР 3-й отдел; з/к. *Арестован 11.04.34; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 4.10.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 12.04.89.*

ЛОЖКО Леонид Иванович

1913, г. Витебск (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД КАССР; з/к. *Осужден за побег Тройкой НКВД КАССР 31.07.38; расстр. 7.08.38; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

МАЗУР Федор Трофимович

1906, д. Заполье Новогрудского уезда. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 8.10.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 29.04.89.*

МАКАРЕВИЧ Станислав Станиславович

1897, д. Яново Городокского р-на Витебской обл. (Беларусь). Белорус, б. чл. п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Инструктор. *Арестован 24.02.38; Осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД*

КАССР 21.03.38; расстр. 31.03.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 17.05.89.

МАМОНЬКО Иосиф Алексеевич

1888, д. Залесье Слуцкого р-на Минской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 2.09.37; расстр. 10.09.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. Указом ПВ Совета СССР 16.01.89.*

МАРЛИНСКИЙ Тимофей Иванович

1914, г. Сенно (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 28.11.37; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

МАСЛЯКОВ Тимофей Поликарпович

1884, д. Явковщина Виленской губернии (Польша). Белорус, б/п. Проживал: Лоухский р-н, Чупинский; Чупа-Карелгранит. Машинист, слесарь. *Арестован 2.11.35, осужден по ст. 58-2, 7, 1 Тройкой НКВД КАССР 5.03.38; расстр. 9.03.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВТ Северного ВО 24.04.58.*

МОЛОЧКО Семен Максимович

1901, Слуцкий р-н (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 1.12.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 18.01.38; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

МЯСНИКОВ Семен Федорович

1911, д. Прусиничи Толочинского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Сорокский р-н, Сорокский лесозавод. Шорник. *Арестован 26.11.37; осужден по ст. 19, 58-8 НКВД СССР 13.01.38; расстр. 31.01.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 12.06.89.*

ОЛИФЕРЧУК Василий Никифорович

1900, д. Пешка Черниговской волости. Белорус, б. чл. п. Проживал: Кандалакшский р-н, с. Кандалакша. Пом.

комбата по хоз. части. *Арестован 4.11.37; осужден по ст. 58-6 НКВД СССР 13.01.38; расстр. 31.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВТ Северного в/о 12.10.57.

ОНОШКО Николай Иванович

1885, д. Поплавшино Могилевской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 21.09.37; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 28.11.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 31.03.89.

ОСИПОВИЧ Михаил Васильевич

1907, д. Громовичи Ошмянского уезда (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Экономист. *Арестован 17.05.33; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 28.11.37;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 06.06.89.

ПАВЛЕНОК Иван Григорьевич

1915, д. Ямпуль Речинского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел. Трудпоселенец. *Арестован 14.12.37; Осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 29.12.37; расстр. 8.01.38;* место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 12.04.89.

ПЕТКЕВИЧ Иосиф Станиславович

1888, Лепель (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден по ст. Ф-А Тройкой НКВД КАССР; расстр. 10.09.37;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилитации сведений нет.

ПЕТРОВ-КОЯДЫНСКИЙ Евгений Владимирович

1892, г. Брест-Литовск (Польша). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден 10.11.37; расстр. 17.11.37;* место расстр. ст. М. Гора. О реабилитации сведений нет.

ПЕЩЕНКО Дорофей Евдокимович

1878, д. Ульяново Витебского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 26.03.38; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 15.04.38; расстр. 3.06.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 13.04.89.*

ПОЛЯКОВ Николай Николаевич

1909, д. Вильча (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 21.03.38; расстр. 31.03.38; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.*

РЯБЦЕВ Алексей Григорьевич

1916, д. Хеноново Хошинского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 27.02.38; осужден Тройкой НКВД КАССР 15.04.38; расстр. 7.05.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 31.04.89.*

САМУСЕНКО Платон Евстратович

1895, д. Круговец Жлобинского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 23.03.37; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 3.12.37; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 22.03.89.*

СЕДЗИК Севастьян Иванович

1889, д. Мальшевка Гродненской обл. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 25.02.38; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 21.03.38; расстр. 31.03.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 07.06.58.*

СЕЛЕЗНЕВ Петр Георгиевич

1887, д. Макаренка Леознянского р-на. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 6.04.38; осужден Тройкой НКВД КАССР 15.04.38; расстр. 3.06.38; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 29.04.59.*

СЕМЕНКО Михаил Емельянович

1901, д. Залесье Чашинского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Кандалакшский р-н, с. Кандалакша. Нач. воен. спец. *Арестован 10.10.37; осужден по ст. 58-7, 11 Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 10.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии *30.11.89*.

СОКОЛОВ Арсений Михайлович

1916, Беларусь. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 19.02.38; расстр. 4.03.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

СОЛОМОНОВ Осип Матвеевич

1914, д. Салваны Лиознянского р-на Винницкой (?). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Шофер. *Арестован 28.03.35; осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 28.11.37*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

СТРИЖЕВИЧ Антон Петрович

1908, г. Могилев (Беларусь). Белорус. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 21.09.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

СТРОЦКЕВИЧ Адам Леонтьевич

1888, Польша. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 29.01.33; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 26.11.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии *27.03.89*.

СТУПЕНЬ Степан Харитонович

1905, д. Тялуши (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден за побег Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 21.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

СЫЧ Тимофей Иванович

1898, д. Головки Речинского р-на (Беларусь). Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 3.12.36; осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 3.12.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 23.09.61.

ТЕРЕЩЕНКО Василий Дмитриевич

1880, х. Койсаки. Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел. Трудопоселенец. Плотник. *Арестован 19.12.37; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 29.12.37; расстр. 18.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 30.11.89.

ФЕДОРЕНКО Максим Терентьевич

1897, д. Зелено Мозырского р-на (Беларусь). Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к; СОЭ. *Арестован 15.03.31; осужден Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 9.12.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ПВ Суда КАССР 26.12.62.

ХОЛОД Семен Кузьмич

1913, д. Пруссы Старобинского р-на (Беларусь). Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Педагог. *Арестован 15.08.37; осужден по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 2.09.37; расстр. 10.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 16.03.89.

ХОРУНЖИК Владимир Иванович

1902, г. Минск. Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 6.09.37; осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 9.09.37; расстр. 15.09.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 31.03.89.

ХУДАЛИЕВ Алексей Михайлович

1906, Беларусь. Беларус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден Тройкой НКВД КАССР 19.02.38; расстр. 4.03.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

ЦАЛКО Анисим Иванович

1911, д. Скоблодино Петровского р-на (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестован 26.06.37; осужден Тройкой НКВД КАССР 28.12.38; расстр. 20.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

ЧИКИЛЕВ Сергей Степанович

1915, Жлобинский р-н Могилевской обл. (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден по ст. 58-10, 11 Тройкой НКВД КАССР 21.03.38; расстр. 31.03.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

ЧУШКЕВИЧ Ева Адамовна

1885, д.Песчанка Гродненского уезда (Польша). Белоруска, б/п. Проживала: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Арестована 10.08.37; осуждена по ст. 58-10 Тройкой НКВД КАССР 20.09.37; расстр. 3.10.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 29.04.89.

ШАЧОНОК Семен Кириллович

1903, с. Седлово (Беларусь). Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. *Осужден за побег Тройкой НКВД КАССР 28.12.37; расстр. 20.01.38*; место расстр. ст. М. Гора. О реабилит. сведений нет.

ШИМКО Николай Ильич

1904, д. Вязынка Минской окр. Белорус, б/п. Проживал: Медвежьегорский р-н, ББК НКВД 3-й отдел; з/к. Механик. *Арестован 8.11.37; осужден по ст. 58-6, 11 Тройкой НКВД КАССР 20.11.37; расстр. 9.12.37*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. ВТ Белорусского воен. округа.

ШИХ Михаил Иосифович

1911, г. Минск. Белорус, чл. ВЛКСМ. Проживал: г. Петрозаводск, Онегзавод. Формовщик. *Арестован 29.09.37; осужден по ст. 58-6 НКВД СССР 14.01.38; расстр. 10.02.38*; место расстр. ст. М. Гора. Реабилит. прокур. Карелии 13.05.91.

ВОДГУКІ І ЛІСТЫ РОДНЫХ

«Калі сярод арыштаваных аказваюцца бязвінныя, не трэба панікаваць», — сучышалі сябе каты. На допытах яны прымянялі незаконныя, садысцкія метады: людзей білі гумавымі бізунамі, садзілі на ножку перакуленай табурэткі ці на іншыя вострыя рэчы, каб ад кожнай ахвяры атрымаць як мага больш паказанняў. Людзі не вытрымлівалі пакутлівага болю і пад прымусам агаворвалі саміх сябе і вялікую колькасць такіх жа бязвінных «ворагаў народа».

* * *

Пройдуць тысячагоддзі, але тое, што адбылося ў жудасным 1937 годзе і не менш крывавым 1938-м, ніхто і ніколі не павінен забыць.

Пасля публікацыі ў «Народнай Волі» спісаў расстраляных беларусаў, пахаваных на чужыне ў карэльскім лесе, адгукнуліся людзі, у лістах якіх абурэнне, горыч і словы ўдзячнасці.

Мінчанка Ала Бяляўская: «Спасибо за публикацию «Беларусь – Соловки – Сандормох». Эту страшную правду о массовых репрессиях, которую от нас долго утаивали, надо знать всем.

Болит душа... Мой дед остался лежать в земле на Дальнем Востоке, будучи высланным с родной Логойщины еще в 1928 году. Я не забуду об этом до конца моих дней. Но, как бы ни было тяжело, я не хочу сдаваться и чувствовать себя рабом. Все равно я чувствую себя человеком! А тем, кто задумал бежать из этого ада, скажу так: всем не уехать.

Меня беспокоит будущее сына — умного, одаренного юноши. Но я не хотела бы, чтобы он бросил в беде родную землю, людей, знакомых и незнакомых, несущих тяжкий крест и расплачивающихся за наше прошлое.

Спасибо, «Народная Воля», что поддерживаешь наш дух».*

Ахрамовіч Ніна Якаўлеўна ў расстрельным спісе салавецкага этапу знайшла свайго роднага дзядзьку. Вось што яна піша:

«Все мыслимые слова благодарности мы адресуем Вам, людям, вернувшим из небытия родного для семьи человека.

Поисковым группам Карельского «Мемориала», Санкт-Петербургского «Мемориала», Петрозаводского «Мемориала», Международного «Мемориала», членам Комиссии по восстановлению прав репрессированных Карелии, принимавшим участие в открытии памятных знаков, президенту БАЖПР Елене Григорьевне Кобец-Филимоновой, редакции газеты «Народная Воля», опубликовавшей расстрельный список.

Как-то мы отмечали 90-летие старшего в роду Савича Николая Федоровича. Собрались все родственники. Вспомнили моего репрессированного дядю. Сокрушались. Неизвестно, где он погиб. Был бы жив — отозвался бы. Знать бы, как погиб.

Назавтра — не верю собственным глазам — в «Народной Воле» сообщение, где похоронен мой дядя — Савич Михаил Федорович.

Савич Михаил Федорович, 1903 года рождения, старший сын из многодетной семьи в с. Пережир Руденского района Минской области (гл. с. 22. — А. К.-Ф.). Отец — Савич Федор Яковлевич, 1883 года рождения, мать — Савич (Коршак) Ефросинья Максимовна, 1882 года рождения и их 10 детей. Были крепкой трудолюбивой крестьянской семьей, которой принадлежало около 14 га пахотной земли. Семья слыха зажиточной, своего хлеба хватало до нового. Федор был хороший столяр, грамотный, мечтал учить детей. Жили своим трудом, дети были приучены работать с малолетства: с шести лет девочки уже жали. Только в самую страду иногда нанимали работников на короткое время.

* Бяляўская А. «Не слаюсь» // Народная Воля. 1998. № 22.

Михаил окончил высшее начальное училище в городе Червень, Марьиногорский с/х техникум, Горецкую с/х академию. Служил в армии в звании младшего лейтенанта, по окончании срока ему предлагали остаться на сверхсрочную. Отказался. Работал агрономом, директором совхоза, агрономом льнотрестцентра, в Наркомземе, агрономом Белорусского отделения трактороцентра.

Во время работы в Минске снимал частную квартиру в районе Кальварии. Женился. В Минске был арестован. Немногим раньше в тюрьму забрали отца Михаила — Федора Яковлевича. Одновременно с отцом в деревне арестовали 32 человека. Возможно, в тюрьме отец и сын встречались.

Михаил в тюрьме заболел тифом. Его поместили в тюремную больницу и разрешили матери его навестить. Михаил ей рассказал, что на запрос в с/с д. Пережир о его семье пришел ответ, что он сын помещика, имевшего имение, 10 коров, трех батраков. Что его сильно пытали, сутками держали стоя, пока не упадет, требовали подписать ложные свидетельства. Что он еще ничего не подписывал...

На прощание Михаил просил мать ничему плохому о нем не верить. Он честный человек, но, вероятно, все подпишет, так как терпеть ужасные пытки нет сил, а после «признания» и суда отправят в лагерь, а там, говорят, легче. Все советуют ему всё подписать. Одно просит: «Что бы тебе, мама, ни сказали — не верь и скажи всем, что я ни в чем не виноват». Мать до самой смерти вспоминала это свидание.

После больницы — возвращение в камеру, суд Тройки НКВД и высылка в г. Кемь. Приговор — 8 лет. Из ссылки пришли три письма: два — брату Николаю и одно — матери. В первом письме, пришедшем из Кеми через полгода после высылки, Михаил писал, что после тифа чувствует себя хорошо, живет вчетвером в комнате, работает по специальности, читает спецлитературу. Во втором письме просил прислать ему гражданский костюм и фуражку. Николай сшил и послал ему костюм, рубашку, фуражку, кое-какие продукты, бутылку водки.

В последнем письме из Соловков на имя матери Михаил сообщал, что получил в посылке все, кроме водки (водку не положено), что работает директором совхоза и предупреждал,

что от него, возможно, не будет писем. Последняя фраза была вовсе непонятной: «Я решил отдохнуть».

Что это значило? Предположили, что речь шла о побеге. Рассказывали, что в цивильном костюме можно было попасть на американский пароход. Но настораживало одно: вместо красивого, ровного почерка Михаила письмо было написано непохожим, прыгающим, странным, как бы чужим почерком.

Предполагали разное — торопился? Может, после мучений? Хотелось верить в лучшее — в побег. Больше никаких известий не было.

... У него не осталось собственных детей. О приемной дочери никаких сведений нет. Да и помнит ли она его, маленькая девочка, у которой ради ее безопасности эту память убивали. По воспоминаниям его сестры Елены, 1912 года рождения (моей матери), старший брат виделся умным, образованным, добрым, красивым, к советам которого прислушивались не только младшие, но и родители, и соседи. По его совету первыми в деревне купили молотилку. В семье не употреблялись грубые, бранные слова. Речь Михаила была особой: неторопливой, мягкой без иронии. Хорошо владел русским языком. Приезжая, любил возиться с самыми маленькими членами семьи. По мнению моего отца Якова, хорошо знавшего Михаила, из него мог получиться большой ученый. Молодой парень предпочитал занятия и книги собраниям, спектаклям, танцам и свиданиям с девушками. Любил землю. Говорил, что белорусы обязательно будут хорошо жить. О будущем мог говорить увлеченно. Последний год до ареста был молчалив, озабочен, особенно нежен с матерью. Стал реже приезжать домой. Предчувствовал? Знал?..

Отец Михаила — Федор — был арестован в начале 1933 года. 2 апреля 1933 года его судила Тройка. Известий о нем с той поры не было. Арестован «без права переписки». Верховным Судом 5 ноября 1956 г. Савич Федор Яковлевич был реабилитирован. Семья получила документ о прекращении дела и свидетельство о смерти! — ПЯ № 062252 от 3 ноября 1937 г. от абсцесса мозга, крохотную компенсацию за конфискованное имущество. Никто не знал и не знает, где его могила.

Савич Михаил Федорович. Враг народа. Сын врага народа. Племянник врага народа, отказавшегося после революции выбросить Георгиевский Крест...

Не у всех вызывает возмущение то, что живы и получают большие пенсии палачи. Разве это жизнь? С такой памятью, с таким страхом — «не узнали бы...» Ведь и у них были родители, сестры и братья, жены и дети. Прятать от близких. Тогда и теперь. Не позавидуешь такой жизни.

Жаль, что из прошлого не извлекли уроков. Что не всем стучит в сердце пепел невинных жертв, что не покаялись за доносы. Что носим портреты былых вождей и создаем новых. И самое страшное: по новым доносам «выявляем» новых «врагов народа».

Пусть Книга Памяти будет той каплей, которая точит камень нераскаявшихся сердец.

С уважением,
по поручению родных написала Вам дочь Елены, сестры Михаила — Ахрамович Нина Яковлевна, 1939 года рождения, пенсионерка, проживающая по адресу: Минск, Кольцова, 16-44.

Из старшего поколения получили эту весть два оставшихся в живых брата Михаила — Николай и Иван, проживающие в Пуховичском районе Минской области».

Дзякуючы публікацыі расстрэльных спісаў у газеце «Народная Воля», яшчэ адна сям'я даведлася аб лёсе свайго суродзіча. Ліст пляменніка ксяндза Антона Іванавіча Ярмаловіча, аднаго з ахвяр салавецкага этапу, падпісаны Канстанцінам Дамброўскім. Сапраўднае прозвішча аўтара — Міхаіл Віктаравіч Ярмаловіч. Ліст у кнізе памяці друкуем поўнасю па рукапісу М. Ярмаловіча. (Першая публікацыя пад той жа назвай змешчана ў газеце «Народная Воля» 5 сакавіка 1998 г.)

Его дорога на Голгофу

Памяти расстрелянного ксендза

А. И. Ярмаловича

(из воспоминаний родственников)

Ярмалович Антон Иванович, или Антоний Янович, как все его звали в семейном кругу родственники и знакомые, родился в 1895 г. в дер. Видзеничи Кохоновской волости Оршанского уезда Могилевской губернии. В семье, насчитывающей двух братьев и пять сестер, был третьим ребенком.

Родители его родом из обедневших дворян, крестьянствовали; по размерам землепользования относились к середнякам.

Антоний рос физически не крепким ребенком, тяжелый крестьянский труд был ему не по силам. Видя это, мать Розалия отдала его на услужение ксендзу в местечко Толочино. Мальчик понравился ксендзу, и он отправил его учиться в церковно-приходскую школу, а затем в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. После окончания духовной семинарии Антоний работал ксендзом в г. Себеж, а затем получил приход (парафию) в местечке Толочино.

Парафияне полюбили своего молодого, высокого, стройного и красивого ксендза, на которого заглядывались девушки, когда он был без сутаны (на ксендзов заглядываться — грех). Люди охотно посещали костел, где службу отправлял Антоний. Выл он очень внимательным к людям, душевно

отзывчивым человеком, помогал бедным, родителям, брату и сестрам. К свадьбе брата Виктора Ивановича (Витольда Яновича) купил костюм, сапоги, шубу, коня.

Для своих родителей он купил большой дом в г. Орше и объявил, что в нем найдут все нуждающиеся родственники. В этот дом вскоре сбежались семьи сестер и брата после коллективизации и последовавшего за ней большого голода. Там они жили несколько лет, а затем разъехались по разным уголкам Союза. Во время войны пустовавший дом сожгли немцы.

Помогать бедным было в семейной традиции Ярмоловичей, и творимое для людей добро обращалось благом для себя. Это и спасло Витольда (моего отца) во время коллективизации. Несмотря на то, что доставшееся от отца хозяйство было середняцким, Витольда, как брата ксендза, внесли в списки на раскулачивание. Но на собрании крестьян бедняки заявили: «Не пойдем раскулачивать Ярмоловича. Он всегда помогал бедным!» И его вычеркнули из черного списка. В тот раз пронесло...

Власти упорно преследовали Антония Ярмоловича. Ему под угрозой ареста начали внушать, чтобы согласился на исполнение их коварного замысла: объявить прихожанам, что Бога нет, что религиозные проповеди — обман и что он слагает с себя сан священнослужителя. Но в этом физически хрупком человеке имелась сильная воля и стойкий дух. Он не поддавался моральному террору, не сломался и наотрез отказался выполнить установку коммунистов. Он им сказал, что присягнул на верность Богу и останется верен клятве навсегда, не изменит своей вере и своим убеждениям, не станет сеять смятение и разочарование среди прихожан.

Тогда власти нанесли ему очередной удар — запретили вести богослужение и закрыли костел.

Но общение ксендза со своей паствой не оборвалось окончательно. А. И. Ярмолович был высокообразованным человеком, знал несколько языков, изучал медицину. После закрытия костела начал врачевать местных жителей и тем самым зарабатывать себе на пропитание. Люди шли к нему не только со своими физическими недугами, но и житейскими невзгодами, просили совета, тайно исповедывались и крестили своих детей.

Все это не осталось незамеченным. Последовало наказание за непокорность и духовное сопротивление. А. И. Ярмолович был арестован и помещен в застенки НКВД в г. Минске.

Потрясенные родственники бросились на помощь, чтобы как-нибудь облегчить его участь. Старшая сестра Марина Ивановна Осташкевич (Мариня) тут же примчалась из Орши в Минск, но энкавдисты не разрешили свидание с братом, даже не приняли передачу.

Каково же было его несчастной матери Розалии ходить по мрачным тюремным коридорам и выслушивать злобные выкрики: «Вырастила звереныша, врага народа!» Сколько нужно было иметь выдержки, чтобы не сорваться в гневной отповеди. С гордо поднятой головой она бросала им в лицо сжигавшие душу слова: «Какой же он враг, если никого не убивал, не грабил, не воровал, никого не обидел словом, жил во благо окружающих, очищал и врачевал их души!» В исхудалом, измученном, с отросшей бородой арестанте она едва узнавала своего горячо любимого сына.

Не сломленного, стойкого духом ксендза приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и сослали на Соловки. Оттуда изредка приходили письма с просьбой прислать кусочек сала и чеснока. Среди узников свирепствовала цинга. Затем связь надолго прервалась.

Власти не оставляли в покое и брата ксендза, который был вынужден с семьей покинуть родные места, бежать от непосильного труда в колхозе и от голода, бежать подальше от глаз строчивших доносы на «врагов народа». Так он оказался сперва в Орше, в доме брата, затем под Минском и в самом Минске; сменил свою фамилию с «Я» на «Е». Неспроста братья спят вечным сном в разных землях и под разными фамилиями: Ярмолович и Ермолович.

Но репрессивная фемида настигла его в Минске. По доносу его начал вызывать на допросы следователь НКВД. Ждал самого худшего, сгорая под давящим страхом. Неизвестно, чем бы все это окончилось, если бы не разразившаяся война с Германией, поставившая в его трагической судьбе последнюю точку.

В начале войны Витольда не призвали в армию по возрасту (1897 г. рожд.), но к концу ее он для армии «помолодел».

В 1944 г., заметим, без призыва он подался в военкомат с надеждой, что фронт заслонит его от НКВД.

Новобранцев построили и необученных, голодных и оборванных (обозы отставали) погнали на фронт. Увидев их в польских деревнях, шарахались, принимая за уголовников. Но, услышав польскую речь от некоторых новобранцев, приносили молоко, хлеб, фрукты.

На фронте из призванных белорусов сформировали батальоны и бросили в штыковые атаки на хорошо окопавшихся немцев. Солдаты гибли пачками, омывая кровью свои подвиги и обретая славу хороших солдат. Погиб и Витольд Ярмолович под г. Сувалки в июле 1944 года. Преследуемый на родине, он мечтал переехать жить в Польшу, и мечта его сбылась. Переехал — но не жить, а лежать в земле сырой.

Никто из близких и родственников до последнего времени так и не узнал правды о трагическом жизненном исходе Антония Ярмоловича, все терялись в догадках: расстрелян или умер, не выдержав каторжных условий на Соловках. Не знали, что осенью 1937 г. Антоний вместе с другими жертвами по приговору преступников во власти был казнен.

Уже после окончания Отечественной войны, когда ослабли гонения на репрессированных и ссыльных, трудившихся на победу и защищавших Родину, Софью Ивановну Сляцкую (Зосю) вызвали в отделение НКВД г. Москвы и вручили ответ на ее настойчивые запросы о брате. В нем сообщалось, что ксендз Антон Иванович Ярмолович умер в начале войны и похоронен в Ленинградской области.

На вопрос рыдающей Зоси, зачем же честнейшего, невиновного ни в чем человека погубили, последовал ответ чекиста: «Я в этом не виноват, я в репрессиях не участвовал».

И все же вина того и других чекистов в совершенном злодеянии была и есть, а именно — в сокрытии места и времени преступной расправы, в том, что человек не умер своей смертью, а был зверски убит и по-варварски закопан, а следы преступления скрыты. По факту преступления не было заведено уголовное дело. Не было ничего об этом сказано и томившимся в неизвестности родственникам. И так обстояло дело со всеми жертвами террора.

К огромной нашей беде, укрывательство совершенных преступлений пустило глубокие корни в обществе. В нем

фактически принимают участи лица, которые замалчивают и препятствуют распространению правдивой информации о репрессиях и репрессированных, опубликованию расстрельных списков. Только благодаря высокой гражданской позиции Санкт-Петербургского и Корельского «Мемориалов», Информационного бюллетеня «Рэха ГУЛАГа», а также газеты «Народная Воля» наш народ, наконец, узнал о национальной трагедии, свершившейся в лесах Карелии.

В Сандормохе были злодейски убиты представители духовного сопротивления народа в лице А. И. Ярмоловича, других священнослужителей, интеллигенции, олицетворявших неприятие и осуждение всех мерзостей советской действительности, жестокого режима, творимого им насилия и террора. Подвижническая жизнь этих людей была противостоянием царящему злу и вызовом правящему режиму, и потому над ними учинили свирепую расправу.

Некоторые из обреченных пытались убежать с тропы, ведущей на расстрельную Голгофу, нападали на конвоиров. Но сила была не на их стороне. Их отлавливали, избивали, вязали и вывозили на расстрел.

Под серым северным небом покоится прах праведников белорусского народа, блюстителей его высокой нравственности, духовной чистоты и морали. Да будет для всех белорусов свято место их упокоения! Память о трагических фигурах, национальной драме должна быть увековечена и там, под небом чужим, и здесь, на родной земле. Их братская могила стала местом паломничества честных людей. Соотечественники из Польши поставили на нем памятный знак к 60-летию расстрела Соловецких узников: поляков и священников. Поставили крест и россияне. А что же мы, белорусы?.. Мы ждем, что по этому поводу скажет нам Президент!.. Но и самим надо действовать...»

* * *

Гартаючы расстрэльны спіс у кнізе «Мемориальное кладбище Сандормох (Соловецкий этап)», я ўбачыла прозвішча — Чарны Давід Барысавіч. Родам з Бабруйска. Ён аказаўся родным братам вядомага маскоўскага журналіста і літаратара Марка Чарнага, які таксама нарадзіўся ў Беларусі і доўгі час быў вязнем ГУЛАГа. Марк Барысавіч пасля рэабілітацыі мала пажыў: сэрца не вытрымала перажытых пакут. Памёр, так і не даведаўшыся аб трагічным лёсе свайго брата. М. Чарны вядомы беларусам і як дэлегат, які сустрэкаў М. Горкага на пагранічнай станцыі Негарэлае, калі той вяртаўся з Сарэнта.

ЯШЧЭ ПРА САЛАЎКІ

* * *

У адным з манастыроў на Салаўках дзейнічае музей, у якім, апрача гісторыка-археалагічнага аддзялення з каштоўнай іконаграфічнай калекцыяй, з лагернымі экспанатамі, ёсць і аддзел, прысвечаны рэпрэсаваным дзеячам культуры і мастацтва, і выстаўляюцца экспазіцыі не толькі з твораў салавецкіх вязняў. Так мне стала вядома, што у Салавецкім музеі ёсць фотаматэрыялы заслужанага дзеяча мастацтваў Беларусі, аднаго з заснавальнікаў беларускага тэатра і кіно Рыгора Якаўлевіча Кобеца.

На адной з экспазіцый быў выстаўлены стэнд з яго фотаздымкамі і біяграфічнымі звесткамі (шкада, што недакладнымі), з кінакадрамі сусветна вядомага фільма 30-х гадоў «Шукальнікі шчасця» па яго сцэнарыі, а таксама фотаздымкі вядомых артыстаў таго часу В. Зускіна і С. Міхоэlsa (яны, *ахвяры рэпрэсій*, таксама *не былі* на Салаўках), якія мелі дачыненне да гэтага фільма — адзін як артыст, другі як кансультант.

Вось і думаеш: чаму на Салаўках пра беларускіх палітвязняў помняць, а ў нашай роднай Беларусі не толькі музея няма, а нават у таўсценнай мінскай кнізе «Памяць» у ліку

рэпрэсаваных ні Рыгора Кобеца, ні іншых дзеячоў беларускай культуры не знойдзеш?..

* * *

Пасля рэвалюцыі, у 1923 годзе знакаміты Салавецкі манастыр быў зачынены і разам з усімі цэрквамі на салавецкіх астравах ператварыўся ў самы вялікі расійскі канцлагер асобага назначэння (СЛАН АДПУ).

Салаўкі сталі сімвалам палітычных рэпрэсій у СССР. У ліку салавецкіх вязняў была вялікая колькасць духавенства розных канфесій (мітрапаліты, епіскапы, архіепіскапы), але больш за ўсё духавенства праваслаўнага. У розныя гады на Салаўках пабывала 77 чалавек вышэйшай іерархіі. З іх 8 чалавек выжыла, астатнія былі расстраляны (большасць), ці загінулі на Салаўках, ці памерлі ў турэмных бальніцах.

Пашчасціла выжыць і нашаму беларусу — архіепіскапу Магілёўскаму Баляславу. Кароткія звесткі пра яго.

Архіепіскап (каталіцкі) Баляслаў. (Слоскан Баляслаў Бернардавіч (1893–18 красавіка 1981). Нарадзіўся ў вёсцы Лудза Віцебскай губерні (Латвія). 10 мая 1926 года тайна пасвечаны ў епіскапы д'Эрбіні, назначаны на Магілёўскую кафедру. Адміністратар Віцебскай, Магілёўскай вобласцяў і Палесся, затым архіепіскап Магілёўскі. Арыштаваны ў Магілёве 17 кастрычніка 1927 года. Пастановай Асобай Нарады пры Калегіі ОГПУ асуджаны 31 студзеня 1928 года на 3 гады лагера. Адбываў пакаранне ў г. Ухта, затым на Салаўках (з вясны 1928 года). Працаваў клапаўшчыком, вартаўніком.

Вызвалены 17 верасня 1930 года. Вярнуўся ў Магілёў. Зноў арыштаваны 8 лістапада 1930 года, прыгавораны да новага тэрміну зняволення. Вызвалены 20 студзеня 1933 года з магілёўскай турмы. У 1933–1941 гадах — рэктар Рыжскай духоўнай семінарыі.

Арыштаваны ў час Другой сусветнай вайны, знаходзіўся ў канцлагеры (у Германіі). Пасля вайны жыў у Бельгіі. Памёр 18 красавіка 1981 года ў Бруселі*.

Не ўсім пашчасціла выжыць на далёкай чужыне.

* З кнігі «Православие на Соловках» (Санкт-Пецярбург, 1994, с. 121). (Заўвага аўтара.)

Мы спадзяемся, што беларускі ўрад увекавечыць памяць сваіх сыноў і дачок, расстраляных у Сандармоху, як гэта зрабілі палякі сваім суайчыннікам, усталяваўшы надмагільную пліту з крыжам, калючым дротам і эпітафіяй на польскай і рускай мовах: «Да 60-годдзя Салавецкім вязням-Палякам і святарам, якія знайшлі вечны спакой на гэтай зямлі».

Мы спадзяемся і на тое, што беларускі ўрад дазволіць заснаваць музей і паставіць нарэшце помнік бязвінным пакутнікам, ахвярам «вялікага тэрору» ў беларускіх Курапатах.

Не толькі мы... ЯНЫ чакаюць.

РЭХА ГУЛАГА

УСПАМІНЫ

Наше чувство человеческого достоинства требует немедленно-го изменения... системы для всех заключенных, как бы они не были виновны. Но что сказать о муках невинных?

Академик А. Д. Сахаров

«Эльген — по-якутски «мерт-вый»... Штрафная зона для всей Колымы.

Вот она — зона. Колючая про-волока, симметричные вышки, скрипучие ворота, алчно рази-нувшие зев навстречу нам. Ряды приземистых, крытых рваным толем барачков. Длинная дощатая общая уборная, поросшая тороса-ми окаменелых нечистот»...

«Итак, я иду на Таскан... И буду работать. Только бы не в Эльген. Здесь слишком много меня растаптывали, здесь самый воздух пропитан зловонным ды-ханием тюремщиков. В течение семи лет всё человеконенавист-ническое, всё сатанинское, всё смертоносное воплощалось для меня в этом слове — Эльген. И пускай, пускай буран сметет с меня его следы, пускай я очищусь в потоках ветра и снегопада...»

З книги Я. Гінзбург «Крутой маршрут»

ВАСІЛЬ АНДРЭЭВІЧ МАЛАГУША, журналіст і паэт, быў асістэнтам кафедры рускай мовы і літаратуры педінстытута ў г. Нікалаева (Украіна), калі яго ў 1937 г. арыштавалі па неабгрунтаваным абвінавачванні ў «тэрарызме і здрадзе Радзіме». 10-гадовы тэрмін адбываў у турмах і паўночных лагерах, апошні лагпункт — Эльген на Калыме, дзе і пазнаёміўся з невядомай паэтэсай Лесяй Беларускай (Ларысай Пятроўнай Марозавай), якая таксама бязвінна адбывала 10-гадовы тэрмін за прыналежнасць да неіснаваўшай нацыяналістычнай арганізацыі ў Беларусі.

Рэабілітаваны ў 1983 г. Пасля вызвалення жыву ў г. Фрунзе (Кіргізія), затым пераехаў у Мінск. Памёр у 2007 г.

Успаміны аб беларускай паэтэсе «Уйти в бессмертие» (першая назва «Бессмертие молодости») упершыню друкуецца амаль поўнасю.

Успаміны друкаваліся (у скарачэнні) у інфармацыйным бюлетэні «Рэха ГУЛАГа» БААПР (Беларускай асацыяцыі ахвяр палітычных рэпрэсій) у 1997 г. (30 кастрычніка) пад назвай «Леся Беларуска»; другі раз у газеце «Здравый смысл» (таксама ў скарачэнні) пад назвай «И под стихи я забываю свои... Что мы знаем о Лесе Белоруске?» (23 ліпеня 1997 г.); у інфармацыйным бюлетэні «Рэха ГУЛАГу» № 1 Аргкамітэта Года Памяці ахвяраў сталінскіх рэпрэсій (май, 2007). Таксама ў скарачэнні. Апошні раз у газеце «Труд» (30 жніўня 2007) пад назвай «Колымская амазонка: Кто она — Леся Белоруска?»

Успаміны друкаваліся разам з вершамі Лесі Беларускай ў аўтарызаваным перакладзе на рускую мову В. Малагушы.

Васіль Андрэевіч Малагуша не аднойчы сустракаўся з пісьменніцай Аленай Кобец-Філімонавай, аўтарам гэтай кнігі, калі яна была прэзідэнтам БААПР. І напісаў успаміны па яе просьбе, а таксама перадаў ёй вершы Л. Беларускай ў сваім аўтарызаваным перакладзе (арыгіналы ў лагеры зніклі) і іншыя матэрыялы для архіва БААПР, якія маюць дачыненне да Л. Беларускай.

УЙТИ В БЕССМЕРТИЕ

Юность бескорытна в помыслах своих, поэтому она наиболее глубоко охватывает мыслью и чувством правду.

Генрих Гейне

Фрагменты документального повествования об отважной дочери Беларуси Ларисе Морозовой — поэтессе и журналистке (литературные псевдонимы — «Леся Белоруска», «Эриния»), жертве сталинских репрессий.

Шел 1946 год.

Пройдя через несколько тюрем и лагерей, последние полтора года моего десятилетнего срока наказания я отбывал в Северном Управлении ГУЛАГа, в женском лагерном пункте «ЭЛЬГЕН».

Мне давно не давала покоя мечта — увидеть собственными глазами этот таежный «остров колымских амазонок», обведенный в два ряда колючей проволокой, окруженный сторожевыми вышками, с представительницами «прекрасного пола» нашего государства.

Из многих отдаленных мужских лагерей, словно паломники в Мекку, брели сюда мужчины, отбывшие свой срок заключения... И не отбывшие срок, но гонимые мучительной жадой встретить кого-нибудь из своих — жену, мать, сестру, невесту, которых власть имущие на долгие годы заклеили новыми словесными категориями — от «чесирок» (членов семей изменников Родины) до шпионок, диверсанток и прочими. Кого здесь только не было! Ученые, писатели, педагоги, общественные деятели, возглавлявшие различные организации и учреждения или состоявшие в родстве с расстрелянными «врагами народа». И все это советские женщины, верой и правдой служившие своему Отечеству.

Первым делом я побывал во всех бригадах и бараках.

К счастью, никого из близких не нашел. Зато познакомился с интересными людьми, среди которых оказались знаменитости — Евгения Гинзбург из Москвы, писательница Зинаида Тулуб из Украины, арестованная за свой роман о коммунистах

«Людоловы», а также Ядвига Беганская и Лариса Морозова из Белоруссии, литературная деятельность которых началась в ГУЛАГе, и многие другие.

Наслушавшись на приисках блатных и вульгарных песен, в которых женщина низводилась до прозвища «потаскуха», я услышал в этом женском лагере песни самого высокого эмоционального «накала». Особенно тронула меня песня «Тишина», которую пели в женской бригаде лесоповала.

Я сразу упросил бригадира Елену Груббе записать мне слова этой песни. Женщина выполнила мою просьбу, но принесла не стихи, а только содержание. На мой вопрос, как можно петь так слаженно сухую прозу, я услышал ответ, что некая лесоповальщица Лариса, собирательнице лагерной поэзии, где-то «подцепила» эту песню на белорусской «мове». Когда я признался Елене, что имею некоторое отношение к стихотворству, она сделала мне своего рода «социальный заказ»: перевести эти белорусские строки на русские. Ей недолго пришлось ждать. Мне помогла БОЛЬ, эта всемогущая царица лагерного фольклора, и я тут же выполнил ее просьбу.

В жизни не встречал я такого одобрения моих «вершей», когда через некоторое время услышал эту песню в той же бригаде на русском. Женщины не просто пели, они сделали из этого текста своеобразный спектакль. Самая молодая из них, помню, буквально еще девочка из Польши (к счастью, я имею ее фотографию) — Регина Пожога — с таким чувством передала детский крик, что повергла всех нас, слушателей, в том числе и автора этих строк, в потрясающее волнение.

На оригинале текста было начертано посвящение погибшим лагерницам — Полине Мельниковой, Ляле Кларк и Асе Гудзь. Уже живя в Беларуси и взяв в библиотеке книгу Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», я нашел на странице 380 (у выданні 1990 г. с. 327, 338, 339. — А. К.-Ф) описание гибели этих женщин.

Медсестра лагпункта Евгения Гинзбург познакомила меня с поэтессой из Беларуси. Тихая, задумчивая, необыкновенно обаятельная, она оказалась очень деятельным и мужественным человеком.

Леся Белоруска (Лариса Морозова) родилась в городе Молодечно, по образованию педагог. Арестовали ее в 1937, обвинив в принадлежности к не существовавшей организации

националистов. Тройкой НКВД была осуждена к 10 годам лагерей. Срок наказания отбывала так же, как и я, на Крайнем Севере, работая, в основном, на лесоповале.

Стихи она писала, где придется — в перерывах на лесоповале, в ночное время, когда все спали, при свете пылающих дров в печке-бочке... Писала на родном белорусском языке, начав и закончив свою литературную деятельность в заключении. К сожалению, оригиналы стихов пропали в лагере во время обыска, остались только те, которые я успел перевести на русский, авторизованные Ларисой.

Умерла она за несколько дней до освобождения. Вместе с долгожданной вестью о свободе она узнала, что самый дорогой и любимый человек, старший лейтенант Алексей Морозов, ее муж, которого она боготворила, надежда на встречу с которым помогла ей выжить, вынести все тяготы подневольной лагерной жизни, еще в 1937 году был расстрелян. Измученная лагерной жизнью, непосильным трудом, с подорванным здоровьем, Леся Белоруска не смогла вынести этого удара. В январе 1948 года поэтесса ушла из жизни, замерзнув. Там и лежит она, «успокоенная вечной мерзлотой».

Знакомство с этим необычным для нашего времени человеком произошло при столь же необычных обстоятельствах.

Однажды я пришел на прием в медпункт, а диванчик для процедур был занят. На нем лежала какая-то девушка. Произошла пауза в моем излечении, и выдался удобный момент побеседовать с Евгенией Семеновной, как водится, на литературную тему. В нашем «репертуаре» были, конечно, «властители дум» нашего века: Анна Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева... Я упивался своим кумиром — Иваном Буниным. «Он красоту от смерти уносил!..» Эта гениальная строка из стихотворения великого поэта об Олене прозвучала в зоне лагеря как-то... со значением.

— Спасибо вам, милые литераторы. Мне кажется, Евгения Семеновна, что поэзия — один из лучших лечебных препаратов, — прозвучало из-под простыни, которой были накрыты лечебные банки.

— Вася, будь на минутку моим ассистентом, — сказала Евгения Семеновна, — сними с больной банки. А я пока

необходимые записи сделаю. Очень на «Вольный стан» тороплюсь.

— Слушаюсь, доктор, — произнес я и направился к больной. Приподнял уголок простыни... и отшатнулся. «Господи! Как же я не подумал... Согласился?!» Я вернулся к столу нашего лекаря.

— Что с тобой, мой ассистент? — смеясь, воскликнула Евгения Семеновна, поняв мою растерянность.

— Женья! — чуть не шепотом пролепетал я. — Понимаешь...

— Понимаю. Смутила обнаженная девушка!

И на полном серьезе мне было приказано выполнить «указание врача», Я, конечно, указание своего любимого врача выполнил. Но возвратился к столу хозяйки медпункта, видимо, бледным и растерянным.

На другой день, как только в медпункте появилась Евгения Семеновна, я был у нее первым пациентом. Меня потянуло к диванчику, где лежала «моя» больная, машинально оглядел его.

— Ты что-то потерял, ассистент? — спросила, улыбаясь, насмешница.

— Покой! Покой тут вчера я потерял.

— Не вздумай амурничать, — получил неожиданное предупреждение.

— Почему? — спросил я.

— Это же... п а р и я, — ответила Евгения Семеновна, подчеркнуто произнеся незнакомое мне слово. Стыдясь своей безграмотности, я все же попросил разъяснить его значение. Разъяснение общепризнанного в Эльгене эрудита Евгении Гинзбург так характерно для личности нашей героини, что нелишне будет привести его в настоящем очерке.

— Парии — одна из низших каст в Южной Индии, «неприкасаемые». Пария — это бесправный, отверженный человек. Ты знаешь, что низшей кастой в нашей стране был и еще долго будет — о п п о з и ц и о н е р! А Лариса Морозова как раз таковой и является.

Как точно это определение моей солагерницы в те «оканные дни»!

— Ты, я вижу, как мужчина — белая ворона тридцатых годов, случайно залетевшая в стаю черных, нынешних. Этих

нынешних загадочная белоруска клеймит беспощадным определением — «половые хищники».

— А почему загадочная? — поинтересовался я.

— Как бы тебе это объяснить... — задумавшись, произнесла моя собеседница. — Если бы эта девушка еще и писала стихи на ту тематику, которой оперирует как критик и философ, я... первая написала бы письмо белорусскому правительству, чтобы обеспечили этому загадочному человеку нормальные человеческие условия как талантливой поэтессе!.. Необходимые условия для работы. Во-первых, это невообразимый талантище... То ли она обладает особенностью разведчика, то ли и в самом деле сохраняет в себе гены Великих белорусских женщин прошлого: всяких там «пророчиц», «предсказательниц», чуть ли не «колдуний»... Можешь себе представить. Не закончив никаких «инязов», помимо академических обязанностей студента, за период учебы в педагогическом институте она овладела в совершенстве английским и французским. А в своей бригаде лесоповала, консультируясь у женщин-евреек, изучает иврит, да еще совершенствует родные языки.

— Почему «языки»? Разве родной язык может быть больше, чем один? — ввернул я вопрос.

Смерив меня с ног до головы пристальным взглядом как дилетанта в области национального вопроса, после некоторой паузы мой кумир-наставник (такой всегда считал талантливую писательницу Евгению Гинзбург) с присущим ей еврейским юмором предложила:

— Я отвечу тебе, Василий, анекдотом. Согласен?

— Ну как же, как же! — воскликнул я, поклонник этого хлесткого народного жанра.

И она рассказала.

— Был у одного еврея сын — талантливый молодой, русский, конечно же, писатель. Поскольку это было в каком-то захолустном городке, элита городка решила отправить хлопца в один из культурных центров. Выйдя со своим сокровищем за околицу, провожая свое детище в дальнюю дорогу, отец-еврей произнес наставление: «Иди, мой сын, учись, пиши... и береги нашего великого русского языка!»

Помолчав, Евгения Семеновна дала мне дружеский совет:

— Морозова собирает у своих белорусов различные поэтически перлы... Видимо, их корректирует и декламирует однобригадникам. А слушателя-то в наших условиях больше ведь русского... Вот ты и помоги. Но и сам ты, как мне известно, не русский... Одним словом, иди, Василий, на сопку в бригаду Елены Груббе, выпроси собранный Морозовой белорусский фольклор, переводи его на язык, понятный всем заключенным... и «береги нашего великого русского языка»!

Так оно и было. Не сразу мне было доверено взглянуть на две увесистые рукописные книги Леси. К счастью, мне это удалось. Втайне от их автора.

Заинтригованный словами Евгении Семеновны Гинзбург, назвавшей Лесю Белоруску «загадочным человеком», и оглушенный женским очарованием Леси, я всю ночь не спал. «А может быть, разговор о муже, старшем лейтенанте Алексее Морозове — это просто искусственный барьер для назойливых претендентов на «ухаживание»? Но ведь я не претендую на ее волю... Я просто хочу общения с человеком грамотнее меня, чтобы хоть чуть-чуть подняться в культуре. К тому же еще в Николаеве я частично перешел с украинского на русский язык как начинающий поэт. Круглый пятерочник литературно-лингвистического факультета, может быть, и в самом деле стану переводчиком этой редкой поэтессы... А что она «только собирательница фольклора» (как сказала поначалу Гинзбург), я как-то сразу взял под сомнение. Ведь в целях «лагерной конспирации» я и сам черт знает за кого себя выдавал! Как потом выяснилось, я не ошибся.

О бригадире женской бригады лесоповала, которую возглавляла отважная таежница Елена Груббе, я был наслышан с первых дней пребывания в Эльгене и решил сделать ее своей литературной темой. (Она была тем самым некрасовским образом женщины, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».)

Когда на следующий день я оказался в бригаде Груббе, по моей настоятельной просьбе Елена как-то доверилась мне и предоставила моему вниманию все рукописи поэтессы.

Они состояли из двух увесистых книг, исписанных мелким почерком поэтессы. Первый труд — философский, второй — поэтический.

Она собирала фольклор среди белорусов, записывала песни, прибаутки, привезенные земляками с собой и рожденные в лагере. А я переводил все это на язык, понятный всем заключенным. Хотя я и закончил литературно-лингвистический факультет, но такими обширными знаниями, как она, не обладал. Она критик, и философ, и поэт. С ней можно было говорить на любые темы.

В одной из глав прозы поднимались глобальные вопросы ЭМАНСИПАЦИИ ЖЕНЩИНЫ. Но изложены они, эти мысли об эмансипации, совершенно в ином плане, не в том, как принято ее понимать. Здесь эмансипация была основана на живых фактах нашей действительности — как синоним понятия «ЗАКАБАЛЕНИЕ». Беспощадный сарказм автора не щадил ни современную социально-политическую систему, ни безоглядный «партийный» атеизм, ни Библию, назвав ее «пестрой эклектикой идейных и нравственных взглядов прошлых веков». Особенно досталось Экклезиасту с его уничтожением женщины. В критике автора книги видное место было отведено тренировке тела и духа (подчеркнуто автором), недооценке космического разума и духовной силы любви. В текстах обоих фолиантов утверждалось, что *достижение Великого таинства любви и подлинное уважение «женского начала» — способны изменить к лучшему мир...*

На основании многих убедительных фактов автор утверждает, что в наше время — наступает новая эпоха, когда над миром рассеиваются черные тучи ЗЛА и наступает так называемая «белая эпоха». БЕЛАЯ! Во время которой *главенствующая роль будет принадлежать ЖЕНЩИНЕ*. Именно женщине, единственно способной *«спасти мир от разрушения и безрассудства...»*

С поразительным мастерством художественности была нарисована упомянутая Лесей картина магаданской «Пересылки». (Пересылка заключенных в тайгу на постоянное отбытие срока. Она напоминала «невольничий женский рынок» Средневековья. Кстати, эта репродукция неизвестного художника и по сегодняшней день у меня, так как была дана мне Лесей как лагерному художнику для выполнения копии.)

Меня поразила своей высокой талантливостью книга поэзии. В ней преобладала тема ностальгии по родному краю,

...Подходил 1948 год. Приближалась дата освобождения Леси. Она заканчивала работу над ее заветными двумя томами: прозы — «Сага о вечной мерзлоте» и поэзии — «Я — голос ваш» (с эпиграфом из Анны Ахматовой «Я — голос ваш, жар вашего дыханья»). Окончание срока незаслуженного наказания в застенках ГУЛАГа не принесло Ларисе Петровне той радости, которую обычно испытываетждавшийся свободы заключенный. Всего за несколько дней до освобождения она вдруг узнает, что ее возлюбленный, которого она денно и ночью мысленно боготворила и во имя которого приняла всю тяжесть подневольной жизни, еще в 1937 году был расстрелян. Как уже было сказано, измученная десятилетней лагерной жизнью, Леся Белоруска не смогла перенести этого беспощадного удара судьбы.

В январе 1948 года поэтесса добровольно* ушла из жизни.

*В. МАЛАГУША,
23 марта 1997 г.*

* Па версіі В. Малагушы. (Заўвага аўтара.)

УЛАДЗІМІР ІВАНАВІЧ РАМАНОЎСКІ, інжынер-радыёэлектронік, нарадзіўся ў п. Талон у Паўночна-ўсходнім лагеры ў 1941 г.

Маці яго, Даброва Валянціна Мікалаеўна, 1918 года нараджэння, педагог па адукацыі, арыштаваная ў 1936 г. на Сахаліне за «антысавецкую агітацыю і прапаганду», была асуджана на 7 год зняволення з паражэннем у правах на 5 год. Адбывала пакаранне ў Паўночна-ўсходніх ППЛ НКУС РСФСР з 17 студзеня 1938 г. па 17 студзеня 1945 г. Рэабілітавана ў 1957 г. Жыла ў Мінску. Памерла ў 2006 г.

Бацька, Раманоўскі Іван Фёдаравіч, 1916 г. нараджэння, быўшы студэнтам трактарабудаўнічага тэхнікума арыштаваны ў 1937 г. Асуджаны асобай нарадай НКУС СССР за «антысавецкую агітацыю і прапаганду». Вызвалены ў 1940 г. Рэабілітаваны ў 1957 г. Жыў у Мінску. Памёр у 2000 г.

Маці У. Раманоўскага ў 1938 г. пачынала адбываць пакаранне ў лагеры Эльген на Калыме, з 1939 г. пераведзена ў лагпункт Талон. Магчыма, яна сустракалася з адналагерніцай Ларысай Марозавай (Лесяй Беларускай), а можа, і спявала песні на вершы паэтэсы, бо, як сведчыць У. Раманоўскі, у яго маці быў прыгожы голас (каларатурнае сапрапа).

Успаміны У. Раманоўскага «В память о маме» друкуюцца ўпершыню.

В ПАМЯТЬ О МАМЕ

Тем, кого в 30-е годы прошлого столетия государство назначало в антинародные элементы, кто перенес ужасы ГУЛАГа и дожил до наших дней, тогда было всего по 18–20 лет. (Вдумайтесь! Это же совсем дети!) Теперь они стремительно покидают нас — отцы и матери нынешних пенсионеров. Но покидают с ощущением своей обреченности, пожизненной голгофы, имя которой — забвение их жертвенности, незаслуженных страданий. Реалии таковы, что жизнь этих людей оказалась постоянно пропитанной страхом: сначала за себя, а потом за судьбу своих потомков.

В преддверии 70-летия 1937 года (символизирующего репрессии тоталитаризма) для Беларуси, понесшей челове-

ческие потери от репрессий, сопоставимые с военными (а по историческим последствиям, возможно, и значительно большие!), актуально еще и еще раз оценить эту страницу и ее влияние на судьбу страны.

Почему в системе «общество – государство» сохраняется «фигура умолчания» величайшей трагедии народа? С государством более-менее понятно. По классике, это аппарат насилия с определенными комплексами ее индивидуумов. Почитайте Закон «О ветеранах». Там есть очень интересные категории лиц удостоенных права быть ветеранами, а вот категории незаконно репрессированных нет. Это маленький, но наглядный пример работы этих индивидуумов.

Но для общества и особенно его интеллектуальной элиты — совести нации — молчание есть непростительное сопособствование государственному злодейству, его живучести и преемственности.

В этом году, на 88-м году жизни умерла моя мама, которую я боготворил с детства и до седых волос. Ее посадили в 1938-м. Дали 7 лет ГУЛАГа и 5 лет поражения прав.

Воспитанник детского дома, ростом всего 1,5 метра «с кепкой», она была удивительно талантлива. Обладая феноменальной памятью, до конца дней сохранила блестящее знание литературы, истории, географии. Всю жизнь я видел ее с книгой в руках. Писатели, художники, композиторы, их произведения и жизнь, исторические персонажи и события от древнего мира до современности составляли ее духовный мир. Если к этому добавить музыкальный слух и голос от Бога (колоратурное сопрано), то понятно — она была не только моим кумиром, но и огромной притягательной силой для окружающих.

Комплекс малого роста задушил в ней мечту о музыкальном образовании и в 1937 году ее по окончании педучилища направили из европейской части СССР аж на Сахалин — как она говорила, по Чеховским местам.

Через год ее «сдал» ухаживавший за ней коллега. Надо сказать, что чисто на эмоциональном уровне мама тогда и до конца дней верила во Владимира Ильича, но недолюбливала Сталина. А тут брожение умов от убийства Кирова. Так вот, молодой человек все плакался, что он из раскулаченной семьи и до него, наверное, тоже скоро доберутся. Мама его

и успокоила — мол, не хнычь, Сталин, скорее всего, долго не продержится.

От расстрела спас следователь, определив в ее действиях шпионаж в пользу Японии. Это было менее наказуемо, чем заговор против вождя. Пожалел девчущку 19-ти лет.

Еще раз «повезло», когда этапировали в женский лагерь под Магадан — сначала в Эльген, а потом в пос. Талоне (совхоз Балаганное). В основном, там отбывали срок женщины из западной части СССР: госслужащие, жены, родственницы, невесты репрессированных. Они и взяли шефство над «воробышком», который пел им «Соловья» Алябьева, арии из «Сусанина» и пронзительные украинские «Ой, не свитэ мисяченьку, не свитэ нікому...».

Через три года они же как-то умудрились поженить ее (конечно, неофициально) с моим отцом — скромным парнем 1916 года рождения из-под Волгограда, бывшим студентом техникума, выпущенным на поселение после трех с половиной страшных лет работ на приисках за выступление на комсомольском собрании. (Чудом выжил! Но это отдельная тема.)

Мама родила меня в 1941-м — в лагере. Себя помню где-то после 3-х лет. Помню телятник, коров-рожиц, чаны для приготовления корма, на которых я спал, и заключенную-телятницу — добрейшую сибирячку тетю Лизу Гаврильчук, нянчившую и носившую меня во время работы «на закорках». (Уже позже узнал: у нее расстреляли пятерых сыновей!) Мама приходила часто. А отца в зону редко пускали.

Маму и отца реабилитировали в 1957-м. Отец умер в 2000-м.

С 5–6-го класса я начал задаваться вопросом: почему были осуждены мои родители? Ведь очень хорошие, порядочные люди! О своих злоключениях более-менее подробно они рассказали, когда мне было за 40. На вопрос, почему только теперь, отец отмахнулся, а мама сказала: «Мы боялись, что ты озлобишься против советской власти и пострадаешь, как мы».

Много раз ставил перед людьми старшего поколения вопрос: были ли в их семьях репрессированные? Почти все отвечали «да». У кого близкие, у кого дальние родственники. Даже, так сказать, у ортодоксально мыслящих. Спрашиваю,

рассказывали ли они своим детям, внукам о том, что с ними происходило? У большинства отрицательный ответ. Почему? Ведь это исторический опыт, его надо знать потомкам, чтобы не повторить! Показательно, например, как немцами воспринят урок восхождения гитлеризма. В ответ следовало наивное — да не может этого быть!

Реалистично мыслящие криком молят: «Помните! Берегите своих детей и внуков! Пусть минет их чаша сия!» Но их слишком мало. Сегодняшнее поколение практически ничего не знает о трагедиях их бабушек и дедушек.

Именно поэтому здесь, хотя бы коротко, мой рассказ о маме. Я свой долг выполнил — я помню! Мои дети и внуки — помнят! Будут знать и те, кто прочитает этот материал.

И именно поэтому всецело поддерживаю «Обращение к соотечественникам» общественных слушаний **«Преступления сталинизма в Беларуси»** и, в частности, его тезис: **«Наше общество должно осмыслить кровавый исторический урок семи десятилетий тоталитаризма. Страна, несущая в себе яд коммунистического произвола и бесправия, не может прийти к величию без покаяния. Его инициатором должно выступить государство, признавшее себя правопреемником БССР».**

Вместе с тем, развивая данный тезис в практическом плане, выскажу следующее.

Во-первых, покаяние, если имеется в виду одномоментное действие, для нашего общества психологически очень сложная категория. Каждый может внутренне сказать: «А я тут при чем?». И как это должно выглядеть? Требуется этап осмысления того, что дело не столько в персоналиях — исполнителях, творивших злодеяния, — сколько в системе власти, востребовавшей негодяев и давшей им право произвола, право вершителей человеческих судеб. Нужны общественные силы, моральные основы, включая опыт религиозных конфессий, и время, чтобы объяснить предмет покаяния: **«Великий грех власти — душегубство, грех народа — в порождении такой власти».**

Во-вторых, нынешнее статус-кво не позволяет надеяться, что государство как институт власти найдет в себе силы самостоятельно осознать необходимость этого шага в развитии общества и обеспечении благополучия страны. Германский

опыт отношений государства и общества у нас, к сожалению, освоен только в части довоенного периода. Следовательно, опять нужна широкая и сильная поддержка идеи покаяния со стороны общественных институтов.

Эти проблемы, таким образом, ставят задачу создания общественного движения за покаяние. Мне представляется, что возглавить его должна та самая интеллектуальная элита страны, о которой говорилось вначале.

И, наконец, исходя из масштабности даты — 70-летие, исторической значимости для Беларуси событий 30-х годов, это движение могло бы инициировать объявление 2007 года Годом Памяти жертв репрессий, рассматривая его как необходимый для покаяния этап.

Владимир РОМАНОВСКИЙ,

29.10.06

Сандармох.

А. Кобец-Філімонава ставіць
свечку на мемарыяльную дошку
расстралянаму салавецкаму этапу

Сандармох. Праваахоўнік
С. Кавалёў і старшыня
Карэльскага «Мемарыяла»
Ю. Дзмітрыеў

Сандармох. А. Кобец-Філімонава
выступае на адкрыцці памятных
знакаў ахвярам

Сандармох. Украінскі пісьменнік
Іван Драч (злева) ставіць крыж
землякам

Сандармох. А. Кобец-Філімонава
з прадстаўніком беларускай дыяспары
і Ніжнетагільскага «Мемарыяла»
В. Еўдакімавым на акцыі Пакаяння

Сандармох. Помнік расстраляным палякам

Сандармох. Мемарыяльная дошка
расстралянаму салавецкаму этапу

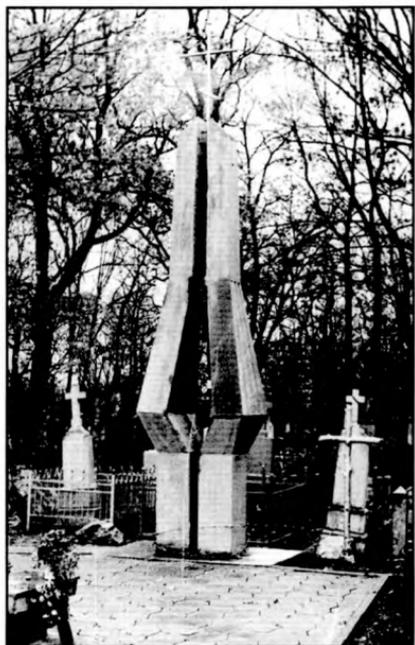
Сандармох. Памятны знак ахвярам
палітрэпрэсій. 1997 г.

Сандармох. Месца расстрэла палітвязняў

Помнік у
Сандармоху. 1998 г.
На помніку заклік:
«Люди, не убивайте
друг друга»

Помнік ахвярам ГУЛАГа на
Трышынскіх могілках г. Брэста. 1993 г.

Драўляны Крыж-Помнік
у Курапатах. 1995 г.

Міжнародны дзень Памяці ахвяр палітычных рэпрэсій (30 кастрычніка 1995 г.).
Палітвязні ГУЛАГа і іх дзеці ў Курапатах

КАРТА КОЛЫМСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Вязні Эльгена (Калымскія амазонкі)

Я. С. Гінзбург. Аўтар кнігі
«Крутой маршрут»

М. Р. Андронава
 («Андроніха»). Калгасны
аграном

Вязні Эльгена (Калымскія амазонкі)

Л. П. Марозава (Леся Беларуска,
Эрынія). Беларуска паэтэса

А. П. Аксёнава (актрыса).
Прыёмная дачка Я. С. Гінзбург.
Народзілася ў Магадане ў 1947 г.

Я. І. Бяганская.
Беларуская пісьменніца

В. М. Даброва. Педагог, спявачка
(каларатурнае сапрана)

Варкута. Рэшткі барака шахты №5

Варкута. Рэшткі лагера. 1991 г.

Варкута.
На одной з зэкаўскіх магіл

На стэндзе ў Салавецкім музеі Р. Кобец, С. Міхозэл, В. Зускін і кінакадры з фільма «Шукальнікі шчасця». На стэндзе памылка – замест «Николаевич» трэба чытаць «Яковлевич», памёр у 1990 г.

Міхась Чарот (М. С. Кудзелька).
Беларускі пісьменнік

Рыгор Кобец. Беларускі пісьменнік.
Заслужаны дзеяч мастацтваў БССР.
(Фотаздымак з даведкі аб вызваленні
з лагера. 1951 г.)

Уладзімір Дубоўка.
Беларускі пісьменнік

Алесь Звонак.
Беларускі пісьменнік

Павел Пруднікаў.
Беларускі пісьменнік

Васіль Малагуша.
Рускамоўны паэт з Украіны.
Перад арыштам. 1937 г.

Фрыда Ідэльчык (Бадат). Пасля
вызвалення. 1947 г.

Канстанцін Міткевіч.
У лагера Унжлаг. 1952 г.

Ганна Скокава (Багданова).
Пасля вызвалення. Варкута. 1954 г.

Іван Сячко. Курапаты. 1997 г.

Беларускі гісторык, журналіст і пісьменнік Анатоль Валахановіч.
Даследчык жыцця і творчасці паэтэсы Лесі Беларускай

Іван Раманоўскі. Інжынер.
Ахвяра ГУЛАГа

Уладзімір Раманоўскі, адказны
сакратар Аргкамітэта Года Памяці.
На Жалобе ў Барысаве. Май 2007 г.

ФРЫДА МАЙСЕЕЎНА ІДЭЛЬЧЫК (БАДАТ) у ліпені 1941 г. была мабілізавана ў Чырвоную Армію і адпраўлена на фронт з г. Клінцы Бранскай вобласці. У кастрычніку 1941 г. у час адступлення ў Курскім напрамку войскі трапілі ў акружанне. 20-гадовая Фрыда апынулася ў нямецкім палоне. Цудам засталася жывой. І за гэта панесла кару. Ваенны трыбунал прыгаварыў яе «за здраду Радзіме» да 10 гадоў зняволення і саслаў на далёкую Поўнач (ППЛ УНКУС Комі ССР). Вызвалена ў 1947 г. Рэабілітавана ў 1992 г. Жыве з сям'ёй у Мінску.

КАК Я СТАЛА «ВРАГОМ НАРОДА»*

Когда началась война, я училась на втором курсе московского «иняза» на заочном отделении и работала машинисткой на базе Текстильсбыта города Клинцы Брянской области. Работа и учеба не мешали мне быть активной комсомолкой. С началом войны забот в нашей комсомольской ячейке прибавилось. Мы готовили кадры для армии из числа своих комсомольцев, занимались в кружках ПВХО, патрулировали по городу, наблюдая за обстановкой в воздухе и на улицах, чтобы своевременно принимать меры для защиты города при появлении вражеских самолетов, бомбивших Клинцы.

В июле 1941 года райком партии и райвоенкомат, собрав комсоргов первичных организаций, и меня в том числе, озналикомили нас с тяжелым положением на фронте и объявили мобилизацию молодежи, на том же собрании секретарь райкома комсомола зачитал список «добровольцев», заранее составленный и утвержденный. В этом списке оказалась и я. Нас никто не спросил, кто может идти на фронт, а кто нет, а если кто и возражал, его доводы во внимание не принимались. Ответ был один — «Родина зовет!»

Мы готовы были защищать свою Родину, но какие же мы добровольцы, если за нас решили другие! Выходит, что мы

* Успаміны надрукаваны ў дадатку да бюлетэня «Рэха ГУЛАГа», змешчаным у газеце «Права чалавека» (выданне Беларускай лігі правоў чалавека). 1997, № 2 (18), красавік.

пошли на фронт не по зову сердца, а по приказу. На сборы нам дали двое суток.

Меня определили штабным писарем в 13-ю армию, которая начала войну на Брестском направлении. К моменту моего прибытия штаб дислоцировался в Костюковичах Могилевской области. Мне стало известно, что в результате кровопролитных боев армия понесла большие потери техникой и живой силой. В одном из этих боев погибли две машинистки. Вместо них пополнением стала я и еще две девушки. Наша армия отступала вглубь России в Курском направлении. В основном шли лесами, в деревнях делали кратковременные привалы. Отступали с боями. Мы выезжали с оперативными офицерами на передовые позиции, где они наблюдали за ходом боев и сходу готовили сводки для высшего командования и другие срочные материалы, которые мы должны были тут же печатать. Работали, сидя в автобусе с пишущей машинкой на коленях, а ночью при свечах, замаскировав окна автобуса шинелями и плащами.

В октябре 1941 года наша армия была окружена фашистскими войсками на Курском направлении. Бои были страшные. Была отдана команда: «Отступить и выбираться из окружения своими силами и средствами». Одним словом, «спасайся, кто может». Командование, разумеется, вышло из окружения: у него были самолеты, автотехника. Впоследствии многие командиры получили большие награды, в том числе и начальник штаба 13-й армии А. С. Иванов. А вот солдаты остались мертвыми на полях. Раненные и контуженные, которых успели вынести из окружения, попали в госпитали, а очень многие оказались в фашистском плену, в том числе и я. Оставшись без командиров, все разбрелись по лесам. Меня остановили трое немецких патрульных солдат. Тщательно обыскали. К ним присоединились еще трое с собаками, которые привели под конвоем пятерых наших пленных. Всех нас отвели в какую-то деревню и затолкали в большой колхозный сарай. Там, на сыром земляном полу, лежали и стонали наши раненные солдаты, неподалеку от них сидели, тесно прижавшись друг к другу, еще несколько пленных... В этом сарае нас держали двое суток, потом построили в колонну и, окружив собаками, повели под конным конвоем. Через трое суток нас привели в город Рыльск, бросили в городскую тюрьму, где

продержали десять дней. К этому времени Красная Армия пошла в наступление, начались бомбежки. Фашисты в панике бежали. Но перед отступлением они выгнали пленных из камер, построили в шеренгу, отобрали мужчин — коммунистов, комиссаров, евреев — отвели в сторону на десять метров и расстреляли. Пристрелили и тяжело раненных, которые не могли держаться на ногах. Женщин (нас было пятнадцать человек, кроме меня — просто задержанные по подозрению, никакого отношения к армии не имевшие) отвели к проходной и отпустили. Так я чудом осталась жива.

Пошла на восток, туда, где была еще советская власть, прошла город Льгов, он уже был покинут городскими властями, но еще не оккупирован, только подвергнулся бомбежке. Шла селами, лесными тропами около двух недель, пока не добралась в какой-то населенный пункт (названия не помню) между Сумской и Курской областями, мне сказали, что немцев здесь еще нет, население эвакуировано, а в городе осталось воинское подразделение, временно заменившее городскую власть. Я пошла в комендатуру за спасением, надеясь, что мне помогут найти мою военную часть или добраться к родителям, но вместо помощи меня задержали как шпионку.

Освободившись из фашистского плена, я оказалась в советском плену. Два дня выясняли мою личность. Записывали все, мною сказанное, начиная со дня моего рождения, заканчивая окружением. Несколько раз просили повторить отдельные факты для уточнения. Это был первый допрос. На третьи сутки меня отвезли в городской поселок Горшечное в помещение школы. Там оказался ППЗ (пункт предварительного заключения), где меня продержали восемь дней. На меня завели дело, и начались официальные допросы два-три раза в день, поднимали даже среди ночи... Не могли понять, как я, еврейка, пробыв десять дней в немецком плену, осталась жива? Мне объявили об аресте по подозрению в измене Родины. Так и сказали: «Предполагаем, что ты выдала немцам армейские тайны и согласилась с ними сотрудничать, за это они сохранили тебе жизнь и дали задание пойти в расположение Красной Армии для шпионской деятельности». Я пыталась опровергнуть это чудовищное обвинение, но никакие мои доводы, ни слезы, ни просьбы не помогли. Меня посадили в

«черный ворон» и в сопровождении двух конвоиров отвезли в Воронеж в городскую тюрьму.

Это было в ноябре 1941 года. Я оказалась в большой холодной, не отапливаемой камере, в ней стояли три железных койки, прикованные к цементному полу. Над головой в углу висели сосульки, а сами углы от потолка до пола были покрыты снегом. В камере было шесть человек. Спали в кроватях по двое, чтобы было теплее. Одну одежду клали под бок, другой — вдвоем укрывались.

В воронежской тюрьме возобновились допросы. Менялись следователи. Некоторые допрашивали цинично, грубо, с пристрастием, попрекали тем, что я еврейка, молодая, а хитрая, в своих показаниях я что-то скрываю, что предала Родину.

Прошло два месяца. В январе 1942 года меня судил военный трибунал в составе трех человек, не считая секретаря. Когда мне дали последнее слово, я все еще пыталась доказать свою невиновность, объяснить, что я не предавала Родину, что всей душой за советскую власть, верю в ее справедливость и в справедливость советского суда. Все было напрасно. «Справедливый» суд военного трибунала приговорил меня за измену Родине по статье 58-1а к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет с отбыванием срока наказания на Дальнем Севере (ИТЛ НКВД Коми АССР).

Так я, активная комсомолка, любящая свою Родину, стала «врагом народа». Мне было 20 лет.

Сразу после суда я была отправлена по этапу в ИТЛ Коми АССР в поселок Ракпас Княж-Погостского района. Только потом я поняла, что нашему государству нужна была бесплатная рабочая сила, ибо таких, как я, наивно веривших в справедливость советской власти и безвинно пострадавших, в лагерях оказались сотни тысяч. Поначалу меня без медицинского обследования направили на лесоповал, но по состоянию здоровья я не могла адаптироваться в непривычном для меня климате. Через три месяца на ногах появился фурункулез, переросший в цингу. Голени обеих ног стали гноиться. Эту болезнь признали инфекционной и меня госпитализировали. Раны на ногах долго не заживали, и я провела в стационаре два с лишним месяца. Когда резкие боли исчезли, я смогла вставать на ноги и себя обслуживать. А потом понемногу стала помогать тяжелобольным. Мои старания заметила врач

и предложила поработать санитаркой, так как лечиться мне еще долго и, «чтобы не есть дармовой хлеб, надо поработать». Я согласилась.

Летом началась эпидемия пеллагры. Это тяжелая северная болезнь, она неизлечима. Сначала я работала в женской палате, потом меня перевели в мужскую, потому что там было больше тяжелобольных. В стационаре я работала до полного своего выздоровления. К зиме 1943 года меня перевели в швейный цех. Там шила обмундирование для армии: бушлаты, телогрейки, ватные стеганые брюки, брюки диагональные солдатские и офицерские, гимнастерки, нижнее армейское белье, работала по двенадцать часов в день в две смены.

Жили в бараках, политические и уголовники вместе, отчего мое существование было еще более безрадостным, бесконечные насмешки, издевательства уголовников над политическими доводили многих до нервных заболеваний. Уголовники считали себя хозяевами и издевались над нами как хотели (с молчаливого согласия лагерного начальства)... Я много раз была битой.

Освободили меня в 1946 году.

После моего возвращения из неволи прошло ни много, ни мало, а целых полвека. Но обида на советский суд и моральная травма, полученная за колючей проволокой ГУЛАГа, незаживающей раной остались в моей душе. Перед глазами постоянно вижу униженный конвой, слышу издевательские насмешки и окрики в адрес зеков со стороны охранников и конвоиров, их упреки о нашем «предательстве», «измене Родине». Мы слышали обвинения и такого порядка: «Вы враги народа! Это из-за вас и вам подобных началась война и гибнут люди. Давно бы надо вас уничтожить, чтобы не сидели на шее государства». Никто из зеков не сидел на шее государства, скорей, наоборот. Все трудились на самых тяжелых работах, бесплатно отдавая Родине свой труд, свое здоровье, свою молодость. Безвинно осужденные умирали от голода, от болезней, замерзали, погибали на лесоповалах, в шахтах во время обвалов, на строительстве железных дорог, от рук рецидивистов. Люди гибли тысячами, а те, кто выжил, вернулись домой инвалидами.

Находясь в ГУЛАГе, даже в самых страшных условиях, мы защищали от фашистов Родину, так как своим трудом

помогали фронту, ценой своей жизни приближая победу. Выходит, не мы враги народа, а те, кто нас уничтожал.

Только в 1992 году я была реабилитирована «в связи с отсутствием в моих действиях состава преступления».

*Фрида БАДАТ,
член Белорусской Ассоциации
жертв политических репрессий*

КАНСТАНЦІН КУПРЫЯНАВІЧ МІТКЕВІЧ нарадзіўся ў 1921 г. у сялянскай сям’і у вёсцы Вечатарова (Заходняя Беларусь). У 1939 г. бацька яго («серадняк») быў раскулачаны. У 1943 г. сын абзавёўся сям’ёй, а ў 1946 г. арыштаваны органамі НКУС невядома за што і без суда і следства сасланы на Поўнач. Пасля турмаў — лагеры, у якіх прайшоў усе кругі ГУЛАГаўскага пекла. У 1953 г., дзякуючы смерці Сталіна, вызвалены з няволі датэрмінова. У 1976 г. рэабілітаваны. Жыве ў Стоўбцах.

«ОСОБЫМ СОВЕЩАНИЕМ ГОРОДА МОСКВЫ...»*

Далёка не ўсякаму чалавеку лёс наканавы гладкія сцежкі-дарожкі. Ох, як многа людзей блукае па жыцці выбоістымі каляінамі, пакуль выб’юцца на больш-менш роўны шлях. Гэтак і мне ў маладосці выпала нялёгкая, камяністая дарога. Усяго хапіла: нястачы і голаду, цяжкай працы з маленства, ваеннага ліхалецця, несправядлівасці і незаслужанай крыўды з боку савецкага ўрада, дзякуючы якому я спазнаў усе жудасці сталінскіх лагераў.

Нарадзіўся я ў 1921 годзе ў сям’і «сярэдняка» ў вёсцы Вечатарова ў старэнькай хатцы, ад даўнасці парослай зялёным мохам, накрытай саломай. Бацька Купрыян меў 22 гектары зямлі. Жылі мы тады пры панскай Польшчы. 17 верасня 1939 года нашу Заходнюю Беларусь акупаваў Савецкі Саюз, і пачалося новае жыццё. Мой бацька стаў лічыцца «кулаком».

У 1943 годзе я ажаніўся з настаўніцай М. В. Ажырэвіч (дзявочае прозвішча). Пражыў я з жонкаю да 1946 года, з’явілася на свет двое дзяцей: сын Ваня і дачка Зося. Жылі ў радасці і ў шчасці. Але гэту радасць парушылі «госці» ў форме НКУС. У 1946 годзе жнівеньскай ноччу застукалі ў дзверы майго дома. Я адчыніў, увайшлі двое ваен-

* «Здравый смысл», 1997, № 21. (Матэрыял прадстаўлены рэдакцыяй інфармацыйнага бюлетэня «Рэха ГУЛАГа».)

ных і сказалі: «Вы арыштаваны». І павезлі мяне на возе, запрэжаным канём, у горад Стоўбцы і кінулі ў турму. (Цяпер там музычная школа.) Назаўтра без суда і следства мяне і іншых арыштаваных пагрузілі ў вагоны-цялятнікі і павезлі на поўнач, у Ленінград, у знакамітую турму «Крэсты». Там мяне пратрымалі каля тыдня — і зноў у цягнік, у Петразаводск. На апошняй станцыі Пяжэва Сельга дзверы вагонаў адчыніліся, і мясцовае начальства аб'явіла, што нас прывезлі на вольнае пасяленне. Прабыў я там каля шасці тыдняў, і з гэтай ссылікі ўцёк дамоў, і стаў хавацца ад НКУС. У 1949 годзе выйшаў з падполля, у хуткім часе мяне зноў арыштавалі і адвезлі ў Баранавіцкую турму. Там трымалі амаль паўтары гады, пасля ў калідоры прачыталі прысуд: «Особым совещанием города Москвы за побег с вольного поселения вы осуждены сроком на шесть лет лагерей». І пачалася гулагаўская дарога. Першай перасылнай турмой была Аршанская, даволі-такі знакамітая, яна запомнілася мне надоўга — не з добрага боку, вядома. Па турэмных калідорах бегалі нападвоі дзеці, не знаходзячы сабе месца. Іх мацёркі зачынены ў камерах. Пусціць туды дзяцей немагчыма, бо яны там, у страшэннай цеснаце, проста не выжывуць. І толькі чую дзіцячыя слёзныя крыкі:

— Мама! Мамачка!

І жаночае мацярынскае галашэнне:

— Дачушачка! Дочухна, дзе ты?!

Гэтыя галасы пякучым болем урэзаліся ў маю памяць на ўсе жыццё.

Мінула два тыдні, і нас, каля двух тысяч зэкаў, аднойчы ноччу вывялі з турмы, паставілі ў калону, адвялі на вакзал і пасадзілі ў вагоны-цялятнікі. Павезлі на Маскву. Што такое «падарожжа» зняволеных па чыгунцы, якая гэта пакута — не апісаць. «Пайка» — хлеб і сухая рыба, дужа салёная, і 20 літраў вады на вагон, на сотню чалавек. Ох, вада, вада! Хто тады яе піў, той пазнаў ёй цану, бо нам выпадала піць па кроплі. На кожным прыпынку мы прасілі толькі вады. На адной станцыі на нашы просьбы адчыніліся дзверы, у вагон улез суправаджаючы ў форме ваеннага і, трымаючы ў руках вялізны малаток з доўгай ручкай, пачаў біць усіх, каго папа-ла, гэтым малатком. Нацешыўшыся пабаямі, ён, нарэшце, апынуўся ля дзвярэй і з нянавісцю сказаў: «Ну што, напіліся, контра?» — і зачыніў за сабой дзверы.

У Волагдзе мы зноў пачалі прасіць вады, бо людзі паміралі ад смагі. На гэты раз нам пашанцавала. Адчынілі дзверы ваенныя і сказалі, каб два чалавекі пайшлі за вадой. Я і мой таварыш узялі 20-літровы бачок і злезлі з вагона. З бачком падышлі да вадакачцы, таварыш мой націснуў на ручку — з крана палілася вада. Я пачаў прагна піць і аблівацца вадой. Якая ж гэта была асалода! У галаве мільганула: «Лепшага раю няма».

Нарэшце Масква, «Бутырка». Шанцавала ж мне на знакамітыя турмы. Прытым з майго акна бутырскай турмы адкрываўся від на адну славутасць — вежу Пугачова. У «Бутырках» я прабыў доўга, нават не помню, колькі, бо цяжка захварэў, быў у небыцці. Добра, трапілася чулая жанчына-ўрач, яна мяне выхадзіла, вярнула да жыцця.

І зноў доўгі шлях па чыгунцы. Наша апошняя станцыя — Суха-Бязводная. Кіламетраў дзесяць тапталі да лагера ў снезе да грудзей. Месца яго знаходжання не магу назваць і цяпер. На ўсе жыццё запомніў толькі яго нумар, ён жа і адрас — 242. Уваходзіў лагер у сістэму Унжлага. Уся бяда была ў тым, што гэты лагер яшчэ толькі абсталёўваўся і не гатовы быў прыняць столькі зэкаў, а нас было — не злічыць. Тэрыторыя была абнесена драўляным плотам з калючым дротам, па вуглах стаялі вышкі з «вертухаямі» (стралкамі), а з будынкаў — толькі сталовая-пякарня з «канторай», карцэр (гэта, вядома ж, у першую чаргу) ды адзін жылы барак, запоўнены «пад завязку». А навокал — глухая тайга.

Самае страшнае было напачатку — не праца, не голад і нават не бесчалавечныя лагерныя парадкі, а марозныя ночы. Мы спалі на снезе. Нанач у лагер завозілі дровы — іх хапала ўдосталь — і яловыя лапкі на пасцель. Распальвалі велізарныя вогнішчы, і той, хто моцна засынаў, абпальваўся сам ці ў яго згарала штосьці з адзення, абутку (што таксама вялікая бяда) або абмарожваўся, калі адсоўваўся далей ад пякучага агню. Так і жылі мы пад небам, пакуль не пабудавалі баракі.

Лагер звычайна ўяўляецца прыстанкам крымінальнага свету. Гэта не зусім так. Сапраўдных злачынцаў у лагеры быў невялікі працэнт, і да іх начальства ставілася з павагай. Нездарма ж «усесаюзны стараста» сказаў, здаецца, гэтак: «Зладзеі, прапойцы — гэта нашы людзі, на іх трымаецца савецкая ўлада». Лагернае жыццё сапраўды трымалася на

законах крмінальнага свету, ва ўсім верхаводзілі «зладзеі ў законе» і «паханы» — нароўні з лагерным начальствам. Такіх былі адзінкі, і жылі яны, як цары. Далей ішлі «блатныя», яны займалі амаль усе лепшыя пасады: нарадчыкі, брыгадзіры, загадчыкі пякарні, сталоўкі, складоў, капцёршчыкі. За імі — «шпана», якая не карысталася павагай нават у крмінальнаікаў. Усе гэтыя зладзеі, забойцы, казнакрады трымалі ў руках увесь лагер, менавіта яны здзекаваліся з палітычных, самых бяспраўных. Нас называлі «фраерамі».

Мне дык пашанцавала ў тым, што быў электрыкам і часцяком заставаўся ў лагеры на рабоце па спецыяльнасці. Гэта і ратавала. А так людзі мерлі, як мухі, з голаду, зімой — ад холаду, ад хвароб. Не было таго дня, каб не вывозіліся за лагерную браму па тры-чатыры трупы. Займаўся гэтым мой зямляк Іван Пячура з-пад Навагрудка. Быў зроблены спецыяльны воз-насціл з дошак, каб трупы ўмяшчаліся на ім упоперак. І вось кожную раніцу бедалага Іван збіраў з баракаў і на двары памерлых за ноч зэкаў. Складваў мерцвякоў галовамі ў адзін бок і вось з якой мэтай: на вахце возчык прыпыняўся, і ахоўнік кожнага нябожчыка біў жалезным малатком па галаве, праколваў чэрап або прапорваў цела штыком. Чынілася гэтае кашчунскае зверства дзеля таго, каб была абсалютная пэўнасць, што чалавек нежывы, што не прыкінуўся мёртвым. Пасля гэтага Пячура адвозіў трупы на так званыя могілкі, дзе вясной зэкі выкапаюць сякую-такую яму і засыплюць, а зімой мерзлыя целы нябожчыкаў проста скідваліся ў снег на спажыву ваўкам.

У такіх вась «выгодах» дацягнуў я да 1953 года. Не даў дабыць тэрмін да канца... Сталін. Ён, дзякуй Богу, памёр напачатку сакавіка, а праз месяц мяне выпусцілі на волю. Як перадаць тыя пачуцці, калі па знаёмай дарожцы са Стоўбцаў крочыў я да сваёй хаты, да сваёй сям'і? Як пераказаць сустрэчу з роднымі? Старая хата сустрэла мяне здалёк саламянай страхой, яшчэ больш парослай мохам. Дзеці, вядома, мяне не пазналі, як не пазнаў іх і я — пакідаў жа такімі маленькімі...

Ну, ды не падаў я духам, не апусціў рукі, а прыгадаў словы нашага паэта Якуба Коласа: «Не вернеш сваіх страт. Ну што ж, змірыся, брат, і новы скарб збірай старанна, дбала». Закасаў рукавы — і за працу. Перш-наперш уладкаваўся

электрыкам у калгасе імя Леніна, па вёсках якога падвешваў першыя электрычныя лямпачкі. Пасля работы дацямна ладзіў сямейную гаспадарку: паправіў хату, будынкі, пасадзіў добры сад. Было нялёгка, але бераглі кожны грошык і нарэшце ў 1971 годзе мы ўсяліліся ў прасторны цагляны дом там жа, на бацькоўскай сядзібе.

Мы з жонкай Марыяй Уладзіміраўнай шчасліва выгадавалі чацвёра дзяцей і ганарымся імі. Першынец, сын Іван, плаваў капітанам далёкага плавання, цяпер у адстаўцы, працуе інжынерам у Мінску. Дачкі Зоя і Ліля скончылі політэхнічны інстытут, цяпер таксама ў сталіцы інжынерамі. А малодшая Наталля пасля педінстытуту працуе ў нас у Стоўбцах лагапедам у дзіцячым садку. На сёння ў нас шасцёра ўнукаў і трое праўнукаў. Радуюся за ўсіх.

Некаторыя мне зайздросцяць. Дык, людзі добрыя, зайздросціць няма чаму! Увесь мой набытак — вынік працы. Яна цяжкая, горкая і салёная, але толькі праз яе радасць і задавальненне. Мне 76, але па-ранейшаму працую, колькі стае сіл. Самы любімы занятак — пчолы. Здаецца, адбярэ ў мяне іх — і ўсё, не будзе жыцця.

...Неяк у 1976 годзе прыезджаў да мяне незнаёмец, прадставіўся палкоўнікам КДБ. Падкасіліся ногі, затрэсліся рукі: няўжо зноў?! Зайшлі ў хату, ён дастаў маю справу, задаў некалькі пытанняў, тых жа, што задавалі калісьці на следстве. Потым згарнуў папку і кажа: «Што ж, Канстанцін Купрыянавіч, мы вырашалі вас рэабілітаваць». Вось як! І праўда, праз год атрымаў даведку аб рэабілітацыі, а з ёй і грашовую кампенсацыю. Цяпер маю 20% даплаты да пенсіі. Дзякуй за гэта дзяржаве. Але хто і якім чынам верне страчаныя ў засценках гады, здыме рубцы ад ран, нанесеных вострымі каменнямі маіх гулагаўскіх дарог? Ніхто і ніяк, бо гэтыя рубцы — на душы, а тыя гады — назаўсёды неадчэпна ў снах і ў памяці.

*Канстанцін МІТКЕВІЧ,
член Стаўбцоўскага раённага аб'яднання
ахвяраў палітычных рэпрэсій
(Матэрыял прадстаўлены рэдакцыяй бюлетэня
«Рэха ГУЛАГА» Беларускай асацыяцыі
ахвяр палітычных рэпрэсій)*

ГАННА ГЕОРГІЕЎНА СКОКАВА (БАГДАНАВА) у жніўні 1945 г. была асуджана СМЕРШам на 15 год катаргі з паражэннем у правах на 5 год за тое, што ў час вайны была ў акупацыі. Асудзілі, нягледзячы на тое, што пасля вызвалення Беларусі ад фашысцкай навалы яна разам з савецкімі войскамі пайшла на фронт і дайшла да Берліна. У 1947 г. катаржныя работы ёй замянілі на 10 год ППЛ і пагналі ў Варкуту. Вызвалілі праз 9 год без права выезду за межы Комі ССР усё з тым жа ярлыком «зрадніцы Радзімы». У 1962 г. была рэабілітавана «в связи с отсутствием состава преступления». Жыве ў Мінску.

Успаміны Г. Скокавай друкуюцца пад псеўданімам — Ганна Багданова.

ВСЕ КРУГИ ГУЛАГОВСКОГО АДА*

Все началось с победного 1945 года, когда эшелоны с победителями, увенчанными лаврами, возвращались домой, а другие эшелоны увозили на Родину тысячи, сотни тысяч таких же солдат, одержавших победу ценой своей крови, но только не домой, а в советские концлагеря только за то, что после боев оказались в фашистском плену или на оккупированной врагом территории. Ни в чем не повинные, они ехали с клеймом «врагов народа», «предателей», «изменников родины», «шпионов», «диверсантов» и прочей «нечисти», которую нужно было стереть в лагерную пыль.

В августе сорок пятого после отгремевших салютов победы, после того, как я побывала на передовой линии фронта, после того, как расписалась на стенах поверженного Рейхстага, — меня везли в таком же эшелоне обреченных. По навету людей, которые даже не знали меня (это выяснилось после реабилитации и ознакомления с делом), я была осуждена в своей же военной части отделом «СМЕРШ» на 15 лет каторжных работ и поражение в правах на 5 лет по статье

* Упершыню ўспаміны друкаваліся ў дадатку да бюлетэня «Рэха ГУЛАГа», змешчанага ў газеце «Права чалавека» (выданне Беларускай лігі правоў чалавека). 1997, № 1 (17), сакавік.

58"а". Это было 3 августа 1945 года. Из Берлина (там стояла наша военная часть) меня отвезли в город Франкфурт-на-Одере. Суд Военной Прокуратуры группы оккупационных сил в Германии (так именовался орган правосудия) в течение 15 минут зачитал мне без суда и следствия уже готовый приговор с решением о сроке и мере наказания. Прошло более полувека, но помню фамилию следователя, старшего лейтенанта Кузнецова. Среди членов суда (их было трое) присутствовал врач, майор Журавлев. Я была на четвертом месяце беременности, и потому присутствие врача суд посчитал необходимым.

Привезли меня в тюрьму. В камере было около 30 человек — женщины разного возраста и разных национальностей. В тюрьме я находилась две недели в ожидании этапа в Советский Союз. Когда этап сформировали (он насчитывал 150 тысяч человек, среди них 30 женщин), нас повели колонной к железнодорожному вокзалу по улицам притихшего немецкого города под усиленной охраной с собаками, под дулами пистолетов и автоматов. Редкие прохожие с ужасом смотрели на нашу колонну и не могли понять, кого ведут. Кое-кто из мужчин был еще в форме советского солдата, а женщины в гражданской одежде, все, кроме меня. На мне была шинель, форменная юбка и гимнастерка, но только без погон.

Нас погрузили в эшелон и повезли на «любимую» родину. Как везли — не поддается описанию! Один раз в день давали какую-то похлебку. Поставят ведро — а посуды никакой, ложек и в помине нет, ешь, как знаешь. «Сердобольный» конвой сжалился и дал нам несколько пустых банок из-под американской тушенки, мы черпали по очереди баланду и передавали «черпаки» следующим. Хлеб давали «без нормы», т. е. бросят 3 буханки на 30 человек, и дели, как знаешь. Ни ножа, ни чего-либо острого, чтобы нарезать. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. Из двухъярусных нар выдрали гвоздь и ковыряли им хлеб на пайки. Воды давали ведро в день на весь вагон. При сильной жаре (стоял август месяц) железная крыша вагона накалялась, можно представить себе, в каком мы ехали пекле. Мы задыхались, нас мучила жажда, многие теряли сознание. Стучали в стены, просили пить. Мне было хуже других, сказывалась беременность, с каждым днем я теряла силы. Голод, жажда, жара, а ночью холод... Мы были

в отчаянье. За время этапа от Франкфурта до Бреста из мужских вагонов многим удалось бежать. Люди уходили ночью, проломив в вагоне пол и прыгая с поезда на ходу.

В Бресте нас держали более недели. Во время этой стоянки мне удалось выбросить маленькую записочку в окно, где просила нашедшего сообщить моей матери в Минск, где я и что со мной, куда меня везут. Спасибо неизвестному человеку, он подобрал мою записку и отправил ее матери. Она успела приехать в Брест, но в царившей суматохе и скоплении эшелонов не нашла меня. Узнала только маршрут, по которому нас должны отправить.

Когда эшелон миновал Москву, Вологду, другие российские города и начал приближаться к Котласу, стоял октябрь и в тех краях уже начиналась зима. В Ухте (Коми АССР) часть эшелона, мертвых и живых, сняли. Во время пути много умерло от голода, дистрофии, дизентерии. Сняли и полуживых, т. к. они оказались полуголыми, незащищенными от крепчавших морозов. Остальных повезли дальше. В нашем женском вагоне из 30 человек осталось 25, пятеро в дороге умерли, их сняли в Ухте. Из оставшихся в живых 25 женщин в Инте снимают еще 22, в вагоне остается 3 человека — я, пятнадцатилетняя чешка Цецилия Клейн и Полина Бондаренко из Украины. Нас троих конвой взял в свой вагон, чтобы мы не превратились в трупы. В мужских вагонах были поставлены «буржуйки» (печки из железных бочек), но они не спасали при 40–50 градусах мороза в насквозь продуваемых вагонах.

В Воркуту прибыли рано утром прямо на территорию пересылки. Выгрузив, нас сразу же повели в «прожарку», ибо за два с лишним месяца «комфортабельного» пути все завшивели. В бане давали жидкое мыло, его наливали каждому в ладонь, но донести не удавалось, оно вытекало сквозь пальцы. И все же нам оставалась горячая вода, от которой мы, женщины, больше других нуждающиеся в гигиене, испытывали настоящее блаженство. После бани всех накормили баландой и отвели в барак, где нас ждали двухъярусные голые нары. Зато тем, кому досталось место под крышей, было теплей.

Я, как в добрые времена, сняла сапоги, а они у меня были хорошие, не солдатские, а хромовые, и поставила их под нары. Укрылась шинелью и уснула сном праведника. Хочу

сказать, когда в Инте снимали этап женщин, сняли и все вещи, в том числе и мои. А в моем чемодане было кое-что, в том числе и ценности. Так что в Воркуту я приехала, в чем мать родила, а точнее, в чем меня забрали, в шинели, юбке и гимнастерке. Когда проснулась, то, разумеется, сапог не обнаружила. Их украли. Я осталась босой, даже в столовую идти было не в чем. Вот тогда я впервые заплакала. Моя судьба представилась мне во всей безысходности — огромный срок каторги, морозы, беременность... Никакой перспективы выжить. Я сидела на нарах, потерянная в этом страшном, непонятном мне мире, и плакала. Вдруг ко мне подошел зэка средних лет, спросил, почему я плачу, давно ли я с воли и что слышно на воле. Я поведала ему все, что знала, и поделилась своим горем, о своем большом сроке, о том, что я в положении, о краже сапог. Он очень сочно выругался и ушел. Вскоре вернулся, в руках он держал мои сапоги (вор еще не успел их продать). Я была спасена. Этот человек пожалел меня потому, что на воле у него осталась жена, и, видимо, он тосковал о ребенке, который родился уже без него.

Меня, Цецилию и Полину вызвали в «коптерку» и там приодели в бушлаты, из дыр которых торчала клочьями вата, обули в «чуни» — ватные бурки 48-го размера, подшитые кордой. Я влезла в эти чуни вместе с сапогами. На голову дали по куску одеяла. Вот так из довольно милovidных девушек мы превратились в допотопные существа.

Нас вывели за вахту. Стоял ноябрь, лютый мороз, пурга, света божьего не видно. А идти надо километров пять. Идти нет сил, ледяной ветер с колючим снегом бьет в лицо, валит с ног. А конвой грозит перестрелять нас, как куропаток. Пять километров мы шли часа четыре, боясь замерзнуть, боясь упасть и быть подстреленными.

Привели на ОЛП ПГС (Отдельный лагерный пункт Промгражданстроя), но, увы... там оказалась не женская зона. Значит, надо вновь идти, идти туда, где есть женская каторжная «командировка». А это еще километров с пяток в пургу по голой тундре, в свирепый (50 градусов) мороз. Но идти надо, ибо малейшая остановка — и мы превратимся в ледяную скульптуру. Конвой сменился, а мы, бедолаги, еле ползем, держась другу за дружку, выбиваясь из последних сил.

Наконец показались сторожевые вышки и высокий забор с колючей проволокой. Вдали шахтерский отвал с горой породы, вывезенной из шахты. Это шахта № 2 и ОЛП № 2, где заключенные мужчины и КТР (там были каторжане мужчины и женщины). Нас прибыло трое. Сразу медкомиссия, определили категорию труда — ТФТ, СФТ, ЛФТ (тяжелый физический труд, средний и легкий). Мне как беременной определили ЛФТ. В женском бараке — более 100 человек. Двухъярусные нары. Контингент разный, больше всего «бандеровок» с Украины. Приступила к работе — ношу воду в барак и помогаю дневальной. Воду носить мне трудно, ведра деревянные, большие, идти за водой далеко, пока донесешь, ведра обледеневают и становятся почти неподъемными. Ношу по полведра, но тогда ходить приходится чаще, а на мне те же огромные тяжелые чуни, и все тот же «прострелянный», весь на дырках, бушлат. Больно, обидно, трудно. Но ведь я каторжанка! Мне ли желать лучшего? Писем писать нельзя, посылки получать — тем более. Пища такая, что начала заболевать цингой. Ноги опухли, все в ранах, началась гнойная пиодермия. Нарывы лопаются, и течет гной. Даже чуни надеть не могу. Решила — это конец.

Наступил 1946 год. В ночь с 14 на 15 января начались преждевременные родовые схватки. Боясь потревожить спящих работяг-шахтерок, закусив одеяло, стараюсь не кричать от боли. Но когда стало невмоготу, не смогла подавить стон. Соседка проснулась и бегом в санчасть. Пока пришли медики, я уже родила мертвого семимесячного мальчика. Меня унесли в медчасть и три недели спасали. Я немного окрепла: подлечили мои ноги и дали путевку в «новую жизнь» на СФТ с номером X-262 на лбу, на спине и на колене. Номера писали на одежде эзков, чтобы никто не сумел убежать. Моя «путевка» была на шахту («и в забой отправился парень молодой»). В шахте послали на участок № 6, где начальником был эка Щетинкин. Посадили на породовыборку, это значит, что тебя опускают по стволу шахты на глубину 400 метров, на участок, где постоянно слышится треск прогнивших стоек и кровельных креплений, где осыпается, а местами — глыбами в несколько тонн обваливается порода. В забое холодно, но все же теплее, чем на поверхности, где мороз за 40 градусов. А одежда на мне все та же, бессменный бушлат, чуни, все то

же одеяло на голове. Правда, спасала шинель. Целую смену, семь часов кряду сижу и выбираю с движущихся рештаков проклятую породу. До отупения. Это очень изнуряющий труд. Смотришь, как перед глазами плывет бесконечным потоком уголь, как заводной, выхватываешь ненужные куски, отбрасывая их в «забут». От этой монотонности, сырости, холода клонит в сон, начинаешь дремать и засыпаешь. Подхватываешься от удара по голове. Это бригадир Павел Васильев. Тоже эзка, очень жестокий, зверь, бил работяг, всех без разбору, не вникая, кто прав, а кто нет. После смены поднимаемся на гора, ведут в баню, потом в зону. Там ждет баланда. К концу дня нет уже сил, валишься на нары, в чем был на шахте, не раздеваясь. Утром все начиналось сначала. И так изо дня в день. Но однажды мы не дождались своего бригадира на вахте, и в шахту нас отвести было некому. Долго не могли понять, что случилось. Оказалось, что Васильев все же достал кого-то своей свирепостью, и его прямо в бараке на нарах убили — отрубили спящему голову. Видно, всякому терпению приходит конец.

После этого нашу бригаду расформировали как «неблагонадежную». В распавшейся бригаде я была единственной женщиной. На какое-то время меня послали в посудомойку. Посуду мыть — это не в забое работать. Хоть и трудно целый день в парном помещении выстоять на ногах с мокрыми по локоть руками, пока вымоешь тысячи железных мисок, но зато в тепле и лишний черпак каши («жуй-плюй» из неочищенного овса) помогал держаться на ногах.

В январе 1947 мне, одной из первых каторжанок, пришло извещение о снятии КТР с заменой на 10 лет ИТР (исправительно-трудовых работ). Держать среди каторжанок меня уже не имели права и отправили на ОЛП № 3 шахту № 3. А на этом ОЛПе были одни закоренелые уголовники-рецидивисты, бандиты, насильники и воры, бытовики. Шахта такая же, труд такой же каторжный, но еще одна опасность подстерегала меня — не дай бог попасть в поле зрения какому-нибудь уголовнику. Это значит быть изнасилованной или убитой, навеки остаться в недрах шахты, и никто не станет тебя искать. Меня спасало то, что годы изнурительного труда, убогая одежда и почти полное физическое истощение

не делали меня привлекательной. Там хватало бытовичек, воровок, проституток.

Вскоре снова сбор на этап. Собрали около трехсот женщин и отправили нас на лесоповал в бескрайнюю глушь. Лагпункт более 40 километров от железной дороги, возле поселка Лемью (южнее Ухты). И снова каторжный труд. Жилье — землянки с железными печками посередине. Но разве они обогреют? В землянке сыро и холодно. Нары сплошные, на всех, матрасы набиты опилками, подушки — стружкой, старые байковые одеяла, простыней, наволочек и в помине нет. Идти к лесосеке надо километра три-четыре по лежневой дороге из бревен. Подъем в пять утра, в 6 уже выходим из зоны, еще темно, звезды и месяц освещают путь. Никогда не думала, что можно спать на ходу. Оказывается, еще как можно, и даже видеть сны. Идти часа полтора или два — можно выспаться. На себе несешь лучковую пилу и топор. Придя на делянку, получаешь задание от мастера леса — вольнонаемного, из бывших зэка. Я никогда не держала в руках пилы, тем более лучковой — такой я вообще не видала. Но работать надо. Вот и стали мы валить лес. Подходили к дереву, вокруг него откапывали снег до самой земли, делали зарубку на стволе и только тогда начинали пилить. Надо знать, как держать пилу и как стоять возле дерева, чтобы удобно было работать. Валишь «хлысты» в одном направлении, туда, где нет людей, чтобы не придавить кого. Потом отсекали сучья, относили их в кучу и сжигали. Все сырое, попробуй разжечь костер, и в этом деле нужен навык. Вот и валим по три-четыре дерева в день, а норма — 12, а то и 15. Вот и сидим на самом низком котловом довольствии, на 300 граммах хлеба и баланде из гнилого турнепса или капусты. Из-за снежных заносов в лагпункт подолгу, иногда по три недели не привозили хлеб. Люди умирали, как мухи. А я крепилась — собирала еловые и сосновые иголки, на костре растапливала снег и варила витаминный чай. Кое-где находила под снегом листья брусники, черники, и все бросала в отвар.

Повал уходил все дальше и дальше от зоны, на делянки уже надо было идти около трех часов на голодный желудок. Но близилась весна, а это значит, что скоро появится подножный корм. В тайге ягод, грибов, орехов — уйма. Вот тогда мы набрасывались на дары леса. Иногда мужчинам

удавалось поставить капканы, мастерили луки и стрелы для охоты на дичь. Так что весной появлялась надежда, что мы не умрем.

Лесоповал возле поселка Лемью закончен. Тут будет Речлаг. И снова готовят этап, теперь уже только из политзэков. Нас около ста женщин. «58-ю статью» вновь грузят в «телятники» и везут в лагпункт «Предшахтная». Опять номера на колени и спины. Теперь уже мой номер А-750. Бараки вновь на замке, хождение по зоне запрещено. Работа — снегоборьба, строительство железной дороги к поселку Юнь-Яга, где будет заложена шахта № 1–2, где будет каменный карьер, в котором я клином и кувалдой добывала каменную твердь для железной дороги. Труд адский. Вставляешь клин в расщелину скалы и бьешь по нему кувалдой. Откалываются маленькие кусочки, а норма — 2 кубометра в день. Разве столько осилишь? Добытый камень надо сложить в штабеля, после чего нормировщик замеряет объем работы, редко кто из женщин мог выполнить даже половину нормы. Начальство увидело, что толку от нас не будет, сняло бригаду и бросило нас на рытье котлована под строительство горного техникума. Глубина котлована 7 метров, а вечная мерзлота еще глубже. Долбили кирками, разводили в котловане костры, отогревали землю, и так сантиметр за сантиметром вгрызались в мерзлоту. Потом котлованы под строительство завода холодильников, детской больницы, гостиницы «Север», гастронома, универмага, Дворца шахтеров — и везде была часть моей работы, моего пота, и крови... и слез.

Меня вновь переводят на строительство железной дороги, теперь уже бригадиром. В моем деле есть запись, что в войну я служила в инженерных войсках по возведению мостов, переправ и других инженерных коммуникаций. И вот я возглавляю бригаду, состоящую в основном из женщин-немок. Посчитали, что я знаю немецкий, т. к. три года жила в оккупированном немцами Минске. Что ж, я человек подневольный, раз сказали строить железную дорогу на Юнь-Ягу, надо строить. На 41-м пикете попала маленькая речка, летом спокойная, а весной коварная — бурная, несущая камни, эта речка разливалась на километр. Взались за строительство моста. Нужно было сделать опалубку, чтобы заливать бетон для «быков». Работали, стоя по колено в воде.

Было лето, и это нас спасало, но комары, гнус не давали житья. Не помогали и накомарники (да в них и работать было невозможно!). Возвращались в зону — вместо глаз щелочки и все тело искусано. Но строительство моста продвигалось. И вот мост готов. Пока бетон еще не засох, на одном из быков я написала — «мост строила в 1953 году бригада женщин-речлаговцев Анны Богдановой».

Вскоре всех иностранцев стали отправлять на их родину. Я осталась без бригады. В 1953 году умер «наш родной отец и учитель», и мы ощутили некоторое смягчение лагерного режима — стали получать письма, посылки, с нас сняли номера, сняли замки с барачков, сняли с окон решетки. Начальница КВЧ (культуры и воспитательной части) Полянская Клавдия Сергеевна, вольнонаемная, заметила мои организаторские способности и взяла меня к себе культоргком. Мне надо было проводить работу среди женщин — читать газеты, организовывать самодеятельность. В зоне были профессиональные московские актеры, среди них — Елизавета Людвиговна Маевская (актриса МХАТ), солистка харьковского оперного театра Валентина Ищенко, диктор московского радио Татьяна Палагина и другие. Самодеятельность была очень сильной. Ездили по всем лагерным пунктам с концертами, спектаклями, не забывали и «вольняшек».

Согласно зачетам меня освободили из неволи через 9 лет и 4 месяца. За эти годы я прошла все круги гулаговского ада, потеряв здоровье, молодость, надежду и веру в добро, справедливость. «Освободили» меня с ярлыком «изменницы родины» без права выезда за пределы Коми АССР. Это было в декабре 1954 года. Вышла замуж за такого же бедолагу-каторжанина, бывшего летчика. Родила дочь, и все же решимость отыскать справедливость и правду не покидала меня. Билась лбом в закрытые двери, не сдавалась — и победила. В 1962 году меня реабилитировали «в связи с отсутствием состава преступления». Вот такие, значит, чудеса.

Вернулась в свой, теперь уже воистину родной город. Работала, растила дочь, потом внуков. Три года назад похоронила мужа, моего верного друга. Только то и согревает, что в Минске нашлась организация, где собрались такие же несчастные, пострадавшие от сталинских репрессий люди. Это Белорусская ассоциация жертв политических репрессий,

руководимая Е. Кобец-Филимоновой, неутомимым борцом за права политрепрессированных, за восстановление незаконно отнятых льгот. Единственным местом, где мы могли собираться, обсуждать наши наболевшие проблемы, где нас хорошо принимали, предоставляя бесплатный приют, был минский Дом литератора. Теперь же нам отказано и в этой малости, т. к. на это здание «положила глаз» президентская власть. Отказано нам властями и в гуманитарной помощи из США, которую иногда нашей организации выделяло благотворительное общество «София». Выходит — все началось сначала? Нас, политрепрессированных, как будто не было и нет. И если мы были людьми второго сорта, то теперь нас оценили еще ниже? Неужели у нашего правительства не хватает смелости признать преступления против человечности которые совершались в коммунистическом обществе? Ведь мы — его жертвы. Наверное, кто-то очень сожалеет, что мы все еще живы, что не все еще покинули этот бранный жестокий мир.

Анна БОГДАНОВА

ІВАН ПЯТРОВІЧ СЯЧКО нарадзіўся ў 1921 г. у беднай шматдзетнай сялянскай сям'і ў вёсцы Вялікі Рожын Заходняй Беларусі. Цяжка было жыць бедным беларусам пры польскай буржуазнай уладзе. У 1939 г. 18-гадовы юнак у пошуках лепшай долі, наслухаўшыся пра райскае жыццё ў савецкай Беларусі, клянуў на бальшавіцкую прапаганду, перайшоў мяжу і апынуўся ў турме. Асудзілі яго за шпіянаж на карысць Польшчы. 10 год адбываў тэрмін у Нарыльлагу. Пасля вызвалення застаўся жыць у Нарыльску, у якім, будучы палітзэкам, пабудаваў нікелевы завод, а пасля працаваў на ім металургам.

Праз 33 гады І. Сячко вярнуўся ў родную Беларусь. Жыў у Гомелі. Пасля перабудовы быў рэабілітаваны. Памёр у 1998(?) г.

ЭТО БЫЛО*

В апреле цеху электролиза никеля исполнится 50 лет. Соберутся на юбилей ветераны-металлурги, сегодняшние никельщики — повспоминают, скажут друг другу приятные слова, ведь как бы ни изменялись времена, а человек трудом славен.

Среди юбиляров и нынешний белорусский житель Иван Игнатьевич Сечко. Вряд ли он — дорога неблизкая — сможет приехать на праздник, но своими воспоминаниями Иван Игнатьевич поделился в письме, в него вложил вырезки — из «Заполярки» 1965 года и «Белорусской нивы» за прошлый, 92-й.

«В Норильск я попал в 1939 году, судили меня по «политической» статье за «шпионаж» в пользу Польши. В Норильлаге я сидел и работал вместе с Марией Косаревой, с Сашей Мильчаковым (он попал за анекдот про Сталина). Был в ссылке с артистом Георгием Степановичем Жженовым, Иннокентием Михайловичем Смоктуновским, Давидом Кугультиновым, калмыцким поэтом, Евгением Ивановичем Рябчиковым и

* «Заполярная газета», 1993, 2 красавіка. Артыкул друкаваўся пад назвай «И все-таки я счастлив». Аўтар не названы..

многими другими. Три года жил в одном бараке и дружил с композитором Никитой Богословским.

Из всех директоров Норильска самым хорошим был Авраамий Павлович Завенягин. Всегда приходил к нам на стройку, спрашивал, в чем нуждаемся. Всегда здоровался с нами.

В цехе электролиза никеля работал в основном в очистном отделении — на фильтр-прессах, медеочистке, железоочистке. В ЦЭНе я много проработал, подавал рационализаторские предложения, но договора на внедрение со мной не заключали: я был ссыльный, два раза в месяц ходил в НКВД отмечаться, что никуда не убежал».

33 года отработал Иван Игнатьевич Сечко в Норильске, почти половину из этих лет отдал никелевому заводу.

О времени и о себе рассказал Иван Игнатьевич в газете «Белорусская нива», опубликовавшей очерк о бывшем норильчанине.

«Я бесконечно несчастлив оттого, что узнал в последние годы. Мне стыдно за мое Отечество... И я бесконечно счастлив, что дожил до Нового времени, о котором не чаял в самых радужных мечтаниях». Это сказал Дмитрий Иванович Михайлов, бывший узник Бухенвальда, Карлага и Норильлага, на открытии выставки, посвященной истории Норильска. Под этими словами подписался бы и я...»

Так закончил свой рассказ металлург Сечко...»

МАРТЫРАЛОГ КАЗНЕНЫ В НОРИЛЬЛАГЕ*

Беларусы, забітыя ў Нарыльску. З расстрэльнага спісу Краснаярскага ўпраўлення КДБ, датаванага 1989 г. Усе гэтыя людзі расстреляны па прысуду Тройкі краявога УНКУС у 1937–1938 гадах.

Борисовец Михаил Павлович, белорус, 1894, Белоруссия.

Боровой Михаил Иванович, 1905, Белоруссия.

Вергун Вавил (Василий) Иванович, белорус, 1898, Польша.

Волнистый Иван Петрович, белорус, 1904, Белоруссия.

Иванюк Антон Антонович, белорус, 1906, Польша.

Илькевич Павел Александрович, белорус, 1898, Польша.

Квятковский Степан Антонович, белорус, 1906, Белоруссия.

Мазур Савелий Архипович, белорус, 1909, Польша.

Македонский Леон Егорович, белорус, 1900, Мозырь.

Новик Иосиф Степанович, белорус, 1899, Белоруссия.

Туромша Петр Иосифович, белорус, 1902, Минск.

Чайковский Андрей Петрович, белорус, 1901, место рождения неизвестно.

Щепуро Павел Петрович, белорус, родился 1 июня 1904 года в Минской области, заключенный Норильлага.

Кирей Адам Васильевич, белорус, родился в 1910 году в с. Крутовцы Барановичского уезда Минской губернии, заключенный Норильлага.

Хаткевич Петр Павлович, белорус, родился в 1915 году в с. Стинки Кирилльского района, заключенный Норильлага.

* Мартыралог перадрукаваны з часопіса «Норильский мемориал» (красавік 1990, жнівень 1991).

МУСНИЦКИЕ *

До 1930 года мы жили в д. Паньково Бельничского района Могилевской области. Отец и мать — крестьяне, с низшим образованием. В семье было четверо детей в возрасте от 3 до 11 лет. В 1930 году родителей раскулачили. Как будто можно создать богатство, когда работающих на земле двое, детей — четверо, в хозяйстве одна лошадь, а налоги...

Накануне ссылки отца арестовали. Не знаю, был ли суд, но выслали его на три года в г. Котлас Архангельской области. Жил он там на свободе, снимал угол у хозяев, работал плотником.

А маму с четырьмя детьми выслали в тайгу за Соликамск. Мама очень болела. Люди умирали от дизентерии и других болезней. Выхода не было. Маме разрешили двух старших детей отправить назад, к свекру, которому в то время было за 70 лет.

В пермской ссылке оказались и сестры отца с семьями. Летом 1930 года всех перевезли в Губаху Пермской области. Мама и все мои двоюродные братья и сестры работали в шахте. Помню (мне было 7 лет) комнату метров 18-ти, двухэтажные нары, в комнате 5 семей, в углу туберкулезный больной. Помню голодный 1933 год, когда ели траву и сутками стояли в очереди за пайкой хлеба.

В 1933 году отец отбыл ссылку, с паспортом и книжкой ударника труда приехал к нам в Губаху. Комендант предупредил его, что если он в течение трех суток не уедет, отберет у него документы. Папа уехал, чтобы забрать двух старших детей, которые жили у деда.

Дед умолил отца не бросать его на старости лет, и отец остался в деревне, работал плотником в колхозе. Через 8 месяцев отца снова забрали, привезли в Свердловск, а потом к нам, в Губаху. Здесь он работал в леспромхозе, тоже плотником. Заболел туберкулезом мой младший брат. Родилась еще девочка. Мама работала в шахте. В 1936–1938 годах волна арестов неоднократно прокатывалась по шахтерскому поселку.

14 февраля 1938 года постучали и в нашу дверь, арестовали отца и маму. Мама взяла с собой грудного ребенка. В

* «Норильский мемориал». 1990, красавик.

ожидании отправили в тюрьму, арестованных держали на улице. Видно, дрогнуло сердце у кого-то из энкаведистов. Маму с ребенком отпустили.

Мой младший брат умер от туберкулеза, вскоре умерла и маленькая сестра.

После окончания войны маму наградили медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.». В шахте мама проработала 17 лет.

После ареста отца никаких известий о нем не было. В 1959 году из Главного управления лагерей мне ответили: дело по обвинению Мусницкого Антона Гиляровича, 1889 года рождения, пересмотрено военным трибуналом Уральского военного округа 12 мая 1959 года. Постановление от 31 августа 1938 года в отношении Мусницкого А. Г. отменено, и «дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Мусницкий А. Г. реабилитирован посмертно.

Теперь о моих родственниках, которые были арестованы в 1936–1938 гг. Точных дат их рождения не знаю, возраст указываю приблизительно.

Пиотух Феликс Петрович (70 лет), дядя.

Пиотух Климентина Гиляровна, домохозяйка (больше 65 лет), тетя, сестра отца.

Пиотух Иосиф Феликсович (27 лет), шахтер, брат.

Пиотух Софья Феликсовна (25 лет), сестра. Работала в шахте, в 1947 году вернулась из заключения.

Протасевич Апполинарий (за 60 лет), дядя.

Протасевич Зося Гиляровна (за 60 лет), домохозяйка, тетя, сестра отца.

Протасевич Иван Апполинарьевич (27 лет), работал в шахте, потом продавцом, брат.

Протасевич Александр Апполинарьевич (24 года), работал в шахте, потом счетоводом, брат.

Суда над ними не было, не было и писем. В 1944 году вернулись Пиотух К. Г. и Протасевич З. Г. Зося Гиляровна через месяц умерла.

Вот все, что мне известно о них.

О себе. В 1940 году закончила среднюю школу. Учиться никуда не отпустили. Работала учительницей начальных классов. В 1941 году разрешили поехать в Соликамск. Там училась в учительском институте. Выдали паспорт, а в нем

статья (номер уже не помню) о происхождении. Эта статья (во время ссылки мне было 7 лет) жгла, как клеймо, в течение многих десятилетий. Во время учебы не раз видела и никогда не забуду, как гнали на Север из Соликамска колонны голодных, измученных заключенных охранники с собаками.

Еще в школе вместе со мной училось много детей спецпереселенцев. Многие погибли в начале войны, многие награждены орденами, среди них не было предателей.

В 1943 году закончила институт, проработала 25 лет в школах г. Губахи. Сколько унижений, оскорблений пришлось пережить за эти годы! Бывало, боялись слово сказать. Росла разобщенность, подозрительность среди людей. Это было общество запуганных, безгласных. Особенно страшно и мучительно было после Победы, когда все стало повторяться.

Когда нам, учителям, прочитали доклад Н. С. Хрущева на XX съезде о культе личности, мы были поражены, ошеломлены. Потом пришло какое-то облегчение. Еще и сейчас многие говорят, что это никому не нужно, что хватит об этом говорить и писать. Нужно! Им нужно знать, что их родители были честными людьми. Нужно знать и нынешнему поколению, чтобы подобное никогда не повторилось.

Если кому-то что-нибудь известно об отце и родственниках, сообщите, пожалуйста: 210002, БССР, г. Витебск, ул. 1-я Пролетарская, 22, кв. 35.

Вацлава Антоновна УЛНТЕНОК

«Я НОМЕР БЫЛ — НЕ ЧЕЛОВЕК»*

Николай Иосифович Левашкевич — коренной брестчанин. Когда началась война, ему было 16 лет. Пережил оккупацию. После освобождения Бреста поступил учиться в железнодорожный техникум.

В 1946 году прямо с занятий его вызвали в кабинет директора, где его арестовали люди из «СМЕРШа» — военной контрразведки.

— За что, я и сейчас толком не знаю. Одного из моих знакомых, который служил в армии, взяли по обвинению в шпионаже. В те времена такие дела на негодных «шили» быстро и без разговоров. Стали искать, с кем он общался, — вышли на меня.

После семи месяцев следствия военный трибунал в Минске осудил меня на пять лет лишения свободы. Приписали «измену Родине» и «групповую контрреволюционную агитацию».

Свою нелегкую судьбу я пытался отразить в небольшом стихотворении, которое вошло в общую тетрадку стихов о колымской жизни. По содержанию оно о пережитом и увиденном.

А было то время такое,
Что культ лихорадил страну,
Что горе кричало людское,
А совесть ушла в глубину.

Мне жизнь под откос повернули,
Клеймо поспешили набрать,
Жестоко меня припугнули,
Велели признание писать.

И в миг так состряпали дело,
Что «СМЕРШ» потрудился не зря —
Оно в трибунал полетело,
Вернулось тюрьмой для меня.

* Успаміны надрукаваны ў газеце «Брэсцкі кур'ер» (1992, 28 лютага). Запісаў Ю. Шафран

Познал я там ужасы ада,
Прошел через смерть и позор,
Мне правды одной было надо
С тех давних, с тех лагерных пор.

Когда отпускали на волю —
Пять лет отсидел до звонка, —
Я думал, что с боли завою,
А мукам не будет конца.

На ссылку сослали навечно
В Колымском краю прозябать —
На прииск далекий, конечный,
Где смерти одной только ждать.

Осталось мне — жизнь теперь в прошлом —
Былые года вспоминать,
А все о прожитом, о страшном
Так хочется людям сказать.

Везли нас на Колыму железной дорогой — из Минска в Находку, что на Тихом океане. В январе 1947 года пароход «Советская Латвия», трюм которого был битком набит сотнями заключенных, взял курс на Магадан. Этап был рассчитан на пять суток, но в Охотском море нас стало затирать льдами. Команда по радио связалась с берегом, вызвала ледокол. Кончалось продовольствие, но губительнее всего было отсутствие воды. Узники лизали заледеневшие болты, чтоб хоть как-то утолить жажду, но язык и губы обдирались до крови.

Жуткий произвол уголовщины царил в трюме, куда боялись спускаться и конвоиры, и члены команды. Тут правили бал сила и страх. Группы уголовников рыскали среди заключенных: забирали теплые вещи, часы, доходило до того, что выбивали изо рта золотые коронки, пускали в ход финки.

На 17-е сутки с помощью ледокола добрались до берега. Из трюма было извлечено 182 трупа. За это ЧП, говорят, начальство этапа было отдано под суд, но ушедших из жизни не вернуть.

После знаменитой Магаданской «пересылки» работал в кварцевом карьере, потом на лесоповале. Летом 1947 года отправили меня на золотые прииски в самое дальнее Индигирское управление — около Верхоянска.

Там, на полюсе холода, мы узнали и полюс жестокости. Температура зимой доходила до минус 60, а на мне даже нательной рубашки не было — на голое тело надевал одну телогрейку без рукавов, наверх другую — с рукавами и еще бушлат. На ногах бурки, сшитые из рваных бушлатов и телогреек, из них шили и рукавицы. Все это прожженное у костров, которые разводили, чтобы не околеть с холоду. Обморожение было обычным явлением.

Золотые прииски... Этими руками, которые сейчас, правда, трясутся, столько золота стране добыто! Сейчас не верится, что у нас была норма — сдать за смену 50 граммов золота. Но его нужно было сначала добыть. Вечная мерзлота, земля, как бетон, долбаешь ее, грузишь в тачку и везешь на специальный промысловый прибор. Были и ручные лотки, как у золотоискателей-одиночек. Сейчас трудно поверить, но норму я выполнял, сдавал положенное. А куда деться? Голод не тетка: если не сдашь норму — с голода помрешь: суточная пайка хлеба с одного килограмма 100 граммов урезалась до 300 и без приварка. Конвой не уводил зэков в лагерь, пока не набирали сколько нужно золота.

Я как-то крупный самородок нашел размером в три-четыре фасолины. Умудрился пронести с собой в лагерь и отдал повару. Так он мне целую неделю дополнительный черпак баланды в миску добавлял! Там, на Колыме, лишний кусок хлеба или черпак похлебки ценился дороже золота, потому что жизнь твоя висела на волоске.

В 1949 году перевели меня в Берлаг — особые береговые лагеря вдоль Охотского моря, которые стали тогда организовывать. Там мы в шахтах работали — добывали вольфрам. Прицепили номер М-704 — на шапку, бушлат и на колено. Об этом лагере у меня есть такие строчки в колымской тетради:

За перевалом есть спецзона —
Особый лагерь номер семь,
Плечо шлагбаума — до тонны
Туда проход закрыло всем.

В особом «контру» всю собрали
Со всех окрестных приисков,

И каждому свой номер дали
И обещание оков.

С позором и меня клеймили,
Я номер стал — не человек,
Его на шапку мне нашили,
Велели помнить целый век.

Я номер тот забыть не в силах,
Он через шапку в мозг мне врос —
Тот номер М-704
Страданий много мне принес.

В режиме каторжном держали,
Чтоб сделать роботов из нас.
Два раза на день есть давали,
А проверяли двадцать раз.

Лишь однажды светлый луч мелькнул в нашей беспросветной лагерной жизни. К нам после работы приехала знаменитая магаданская агитбригада артистов, в которой выступали Лидия Русланова и Вадим Козин, пластинки которого я полюбил еще в Бресте. Вы бы видели, как преобразились голодные, обозленные, замученные заключенные, как горели их глаза на этом концерте! Конферансье извинился перед нами, зэками, что, к сожалению, Русланова на этот раз не смогла к нам приехать. Зато, как призыв не сдаваться, прозвучала ария из оперы «Фауст», исполненная каким-то бас-певцом: «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл!» Неистова была наша реакция на этот номер, а начальству эта ария пришлась не по вкусу, что вполне объяснимо. Этот концерт я запомнил на всю жизнь.

Срок моего «исправления» подошел к концу, но уехать домой не разрешили. В 1950 году выдали мне «волчий билет» — вечная колымская ссылка. Еще четыре года я жил под надзором на поселении и работал на прииске «Ольчан».

Я еще будучи на свободе, в Бресте, встречался с девушкой Женей. Мы переписывались. Когда пошел на поселение, приехала ко мне на Колыму, несмотря на уговоры родителей. Там мы зарегистрировали наш союз, там у нас и родилась дочь Диана.

В 1954 году военная коллегия Верховного Суда пересмотрела мое дело и вынесла определение — полностью реабилитировать. Лишь после этого нам удалось вернуться в Брест. Здесь у нас родился сын Валентин, который живет сейчас с нами.

Встает иногда перед глазами пережитое: загубленная молодость, несбывшиеся надежды, жуткие колымские дни и ночи, горе, которого пришлось хлебнуть с избытком. Но самое главное, что совесть моя чиста — я никого не предал, не продал, нес свой тяжкий крест и благодарен судьбе, что остался жив и сегодня дышу воздухом свободы.

ЧЕРЕЗ ВСЕ КРУГИ АДА*

(друкуецца ў скарачэнні)

<...>

По логике он должен был погибнуть. Жизнь зека на Колыме не стоила ломаного гроша. В сущности, людей посылали туда на верную смерть. Их убивали голод, холод, болезни, каторжный труд. А те, кто, назло смертям, оставался на ногах, добывали золото, пополняли золотые запасы страны.

Право именоваться полюсом холода сегодня оспаривают Оймякон и Верхоянск. Прииск, где работал Николай Левашкевич, на полпути между ними. На работу не выходили тогда, когда термометр показывал ниже 60 градусов. Люди мерли, как мухи. В роли доходяги побывал и Николай. У него образовались флегмона, цинготные язвы. Пошел к фельдшеру.

То, что увидел, могло присниться только в кошмарном сне. В бараке вдоль стен стояли плечом к плечу обнаженные, замороженные до стеклянного звона трупы умерших зеков в той позе, в которой их застала смерть. Их нужно было разморозить, чтобы снять отпечатки пальцев (этого требовала лагерная инструкция). То один, то другой труп вдруг падал или опускался на пол. Это означало, что он разморозился. После

* Надрукавана ў газеце «Народная трыбуна» (1991, 1–7 красавіка). Успаміны таго ж Мікалая Іосіфавіча Левашкевіча, запісаныя У. Малашэўскім.

снятия отпечатков труп с биркой на ноге увозили на кладбище, там приваливали камнями — вот и все похороны.

Правда, вскоре сообразили, что для отпечатков пальцев незачем размораживать весь труп, достаточно рук. Тогда руки у мертвецов стали отрубать.

А теперь слово самому Николаю Иосифовичу Левашкевичу.

«Колымские лагеря — это был ад на земле, это полюс жестокости на полюсе холода. Это доходяги, изъеденные цингой, с глазами загнанного зверя, ползающие в зоне на четвереньках, дерущиеся на помойках за рыбку голову; это мертвое лицо соседа на нарах, по щекам которого расползаются вши; это издевательства уголовников; это унижительный каторжный труд. Колымский лагерь — это разрушитель всего человеческого в человеке. Там жизнь превращалась в чисто физиологическое существование, лишенное духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода, не замерзнуть и не быть застрелянным конвоем.

Сколько золота добыли стране вот эти, ныне трясущиеся, руки! Сколько унижения и горя испытала истерзанная душа! Вспоминать об этом мне страшно и говорить больно, а в бериевских лагерях ведь было столько безвинных людей, из которых возвратились лишь чудом уцелевшие. Возвратились больными, неузнаваемо изменившимися, с клеймом бывшего зэка — врага народа. И хотя после XX съезда получили мы справки о реабилитации, вскоре недоверие и подозрительность к нам снова возвратились, и остались мы изгоями, людьми второго сорта, и очень, очень немногим удалось дожить до сегодняшнего дня, дня гласности, исторической и человеческой правды.

Ныне в газетах и журналах много пишется о тех страшных временах. Многие читали уже произведения и воспоминания известных писателей Варлама Шаламова, Александра Солженицына, Юрия Домбровского, Анатолия Жигулина, Николая Заболоцкого... Сегодня необходимо каждому знать всю правду о нашем прошлом».

ЛЭЙЗЕР ВАЛЬТЭР ІВАНАВІЧ нарадзіўся ў 1920 г. у г. Маркс Саратаўскай вобласці. У 1934 г. пераехаў у Мінск. Да мая 1941 г. працаваў у Камітэце па радыёфікацыі і радыёвяшчанні пры СНК БССР.

У 1938 г. organамі НКУС БССР быў арыштаваны яго бацька Лэйзер Іван Іванавіч, былы сакратар Парткалегіі Камісіі Партыйнага кантролю пры ЦК ВКП(б) па Беларусі па сфабрыкаванай справе як трацкіст і нямецкі шпіён. У 1949 г. памёр у лагеры. Пасля XX з'езда КПСС рэабілітаваны*.

У маі 1941 В. Лэйзер — у арміі. Як сын ворага народа быў залічаны ў стройбат. Калі пачалася вайна, удзельнічаў у баях пад Барысавам, Оршай і Смаленскам. 13 верасня быў выдвараны з арміі як асоба нямецкай нацыянальнасці адпаведна Загаду Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 28 жніўня 1941 г. у тыл, у Чэлябінскую вобласць. Будаваў чыгунку ў Магнітагорску, працаваў на шахце Чэлябінскага вугальнага басейна ў г. Капейску.

З 1942 па 1945 (тры гады) у рабочых калонах НКУС на прымусовых працах. Потым 9 год па спецыяльнасці (горны тэхнік) пад наглядам органаў МУС. І арыштаваны не быў, а адносіны з боку ўлад — як да рэпрэсаванага, таму што сын «ворага народа» і па нацыянальнасці немец.

У 1953 г. скончыў Капейскі горны тэхнікум, пасля чаго зноў працаваў на шахце. У 1973 вярнуўся ў Мінск, дзе працаваў майстрам цэха на заводзе імя Арджанікідзе. З 1993 г. на пенсіі.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ* *

30 октября в республике Беларусь, как и во многих других странах, отмечается Международный день жертв политических репрессий. В этот день люди преклоняются перед памятью погибших, безвинных жертв тоталитарного режима, тайно застре-

* Гл. мінскую «Памяць» (2004 г., кніга 3-я). Вернутыя імёны. С. 448.

** З архіва БААПР.

ленных в лесах и тюремных подвалах, не переживших мучений и каторжных работ в лагерях. Далеко не все жертвы репрессий по политическим, социальным и национальным мотивам дожили до наших дней. Оставшиеся в живых теперь уже люди преклонного возраста с подорванным здоровьем, нуждающиеся в помощи и поддержке — прежде всего моральной.

На протяжении десятилетий бывшие узники тюрем и лагерей, а также сосланные в далекие суровые края на спецпоселение, необоснованно испытали неуважительное отношение к себе со стороны общества со всеми вытекающими отсюда последствиями. Каждый из них испытал не только непосильные физические трудности, но и понес огромный моральный ущерб, не говоря уже о материальных потерях. Как известно, за последние годы в результате происшедших перемен в бывшем Советском Союзе, а в последствии и в странах СНГ, в том числе и в республике Беларусь, отношение к жертвам политических репрессий постепенно изменилось. Органами государственной власти возобновилась и широко проводилась работа по пересмотру дел бывших заключенных и ссыльных с целью реабилитации невинно репрессированных. Принял ряд постановлений Верховного Совета и Совета Министров Белорусской ССР (впоследствии и Республики Беларусь), направленных на увековечение памяти жертв массовых репрессий и на восстановление прав граждан, пострадавших от репрессий. Эти документы, естественно, встречены с удовлетворением и вселили надежду на достойное отношение государства к тем, кто невинно тяжело пострадал от произвола тоталитарной власти.

К сожалению, морально-психологический климат в нашем обществе по отношению к реабилитированным жертвам репрессий кардинально не меняется к лучшему. Причины тут разные, не сразу преодолевается инерция мышления большей части населения, находящейся еще под воздействием огромной пропагандистской машины, преднамеренно распространявшей в народе миф о мнимых «врагах», «изменниках» и «вредителях», хотя эти «враги» всегда были и остаются лояльными к нашему обществу, к нашему народу и к нашей стране, невзирая на испытанную боль несправедливости. В некоторых случаях принятые высшими органами государственной власти решения имеют декларативный характер и служат не столько моральной и материальной

поддержке жертв политических репрессий, сколько демонстрации гуманного характера правительственных органов. Выплаченная так называемая компенсация в сумме половины минимальной заработной платы за каждый месяц содержания под стражей в условиях нынешней гиперинфляции быстро улетучилась вместе с трудовыми сбережениями людей и не принесла ни морального, ни материального удовлетворения. Предоставленные реабилитированным гражданам льготы при приватизации жилья оказались откровенно фиктивными и оскорбительными, так как при приватизации квартиры на льготных условиях производится точно так же, как и на общих основаниях, с изъятием заработанной человеком квоты. Таких примеров много. Отношение к жертвам политических репрессии в нашей стране существенно отстает от других государств, в частности, Российской Федерации. Права реабилитированных у нас несравнимы с правами, предоставляемыми в нашем государстве гражданам других льготных категорий.

Среди жертв репрессии немало одиноких, старых и больных людей, остро нуждающихся в помощи, в том числе материальной. Но совершенно неверно считать, что это люди, стоящие с протянутой рукой в надежде на подачку со стороны государства. Люди, потерявшие в страшном горниле политических репрессий имущество и здоровье, сохранили достоинство и гордость и осознают свое право на уважение и соответствующее отношение к себе со стороны государства. Естественно, никто не рассчитывает на надлежащую компенсацию за понесенный ущерб, и возможна ли вообще компенсация за поломанную жизнь? Предстоит еще долгий и тяжелый путь, пока наше общество в полной мере осознает, что значит быть незаконно и необоснованно репрессированным, и сформирует свое достойное отношение к жертвам этих репрессий, как это имеет место во всем цивилизованном мире. Этому, в частности, должна способствовать деятельность Белорусской ассоциации жертв политических репрессий, проводящая свою работу в тяжелых условиях и остро нуждающаяся в поддержке органов власти. Ни Белорусская (республиканская), ни Минская городская ассоциации пока не имеют своего помещения, а это основа всякой плодотворной общественной работы. Не следует скрывать, что сегодня не все благополучно и в самой ассоциации. Это вызвано как объективными, так и субъективными

причинами. Нет должной поддержки этой важной работы и со стороны некоторых органов массовой информации, вызывает, мягко говоря, недоумение заметка в газете «Советская Белоруссия»* от 1 октября т. г., где сообщение о состоявшемся съезде Белорусской ассоциации жертв политических репрессий цинично связывается с представлением о погасшей свече памяти. Вряд ли это просто невежество и непрофессионализм автора заметки, не сумевшего и не пожелавшего понять судьбы жертв репрессий, цели и нужды их ассоциации, и весь акцент своей заметки направившего на мелкий и досадный факт — случайно оброненную зажженную свечу. Разве что только автору статьи и редакции этой газеты не понятно, что свеча памяти о сотнях тысяч невинных жертв горит неугасимым пламенем в сердцах миллионов честных людей, что это не стеариновая свеча, случайно упавшая от неосторожного движения. По ухабистой и извилистой дороге общество неотвратимо движется в сторону прогресса, а не назад, к советской Белоруссии. Мы хорошо помним, как несколько лет тому назад минчанам, мирно направившимся в Куропаты, чтобы почтить память невинно расстрелянных, путь преградили ОМОНовцы с дубинками и пресловутым газом «черемуха». Прошло совсем немного времени, и посещение Куропат, этого святого для каждого честного человека места, вошло в официальную программу пребывания в Минске столь почетного гостя, как Президента Соединенных Штатов Америки.

Первая статья нашей Конституции впервые провозгласила Республику Беларусь как демократическое социальное правовое государство. Высшей ценностью в нашей стране является человек. Это вселяет уверенность, что права человека будут действительно свято соблюдаться, что произвол власти по отношению к человеку в нашей стране никогда не повторится, что будет создан достойный морально-психологический климат в отношении жертв политических репрессий. Но правовое государство еще предстоит создать. Основным шагом к полному праву жертв репрессий должно быть их представительство в Верховном Совете Республики Беларусь наравне с представителями ветеранов войны, инвалидов и других уважаемых в обществе категорий граждан. Жертвам

* Погасла свеча памяти. Советская Белоруссия. 1994, 1 октября.

политических репрессий должна быть предоставлена возможность самим постоять за свои права, их голос должен звучать с трибуны Верховного Совета в защиту справедливости, правды и прав граждан от своего имени и также от имени тех, кого насильственно заставили замолчать навсегда.

Мы создаем цивилизованное общество. Наша Республика Беларусь должна стать достойным членом европейского и мирового сообщества как суверенное демократическое социальное правовое государство. Одним из основных условий является не декларативное, а фактическое решительное отмежевание от всего отрицательного, что связано с тоталитарным режимом прошлого, преодоление, прежде всего, психологических барьеров. Из сотен тысяч репрессированных в нашей республике (точные данные до сих пор и не названы) в живых в настоящее время осталось всего несколько тысяч человек, и их число с каждым годом стремительно уменьшается. Поэтому отношение к ним должно измениться к лучшему уже сегодня — завтра может быть поздно, так как скоро их вовсе не станет. А критерием цивилизованности и зрелости общества во всем мире всегда было и будет отношение к невинным жертвам произвола власти.

Чтобы напомнить об этом, чтобы почтить память погибших и консолидировать оставшихся в живых реабилитированных граждан, и проводится Международный день жертв памяти политических репрессий.

Вальтер ЛЕЙЗЕР

МАРТЫРАЛОГ*

Равницкий Илья Клементьевич. 1903 г. р., арестован в 1937, расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1962.

Кривец Михаил Дмитриевич. 1897 г. р., арестован в 1937 по обвинению в шпионаже, расстрелян в 1937. Посмертно реабилитирован в 1958.

Артамонов Григорий Григорьевич. 1903 г. р., арестован по политическим мотивам в 1937, расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1957.

Лебецкий Павел Леонтьевич. 1888 г. р., арестован в 1938, погиб в СибирЛАГе в 1941. Посмертно реабилитирован в 1956.

Малашко Иосиф Павлович. 1891 г. р., арестован в 1838, расстрелян в 1938 в Минске. Посмертно реабилитирован в 1988.

Нарейко Александр Николаевич. 1894 г. р., арестован в 1938, умер во время транспортировки в концлагерь (поселок Нагорный Якутской ССР). Посмертно реабилитирован в 1956.

Абрамчук Макар Павлович. 1894 г. р., арестован в 1938, расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1957.

Немирович-Ладощкина Матрена Мартыновна. 1892 г. р., колхозница, арестована в 1937 внесудебным органом по необоснованному обвинению в шпионаже. Расстреляна в 1937. Посмертно реабилитирована в 1959.

Немірович-Ладощкіна Матрона Мартынаўна. Перад расстрэлам. 13 лістапада 1937 г. Орша (з архіва КДБ РБ).

* З інфармацыйнага бюлетэня БААПР «Рэха ГУЛАГа». 1996, кастрычнік.

Ладошкин Павел Никитович. 1890 г. р., колхозник, арестован в 1932, повторно в 1938 по необоснованному обвинению в шпионаже. Расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1959. Захоронен на Бугровском кладбище Н. Новгорода «совместно с другими безвинными жертвами сталинского режима».

Царюк Георгий Лаврентьевич. 1902 г. р., учитель, арестован в 1937. Расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1960.

Симанович Георгий Никонович. 1909 г. р., кузнец, арестован в 1930 по необоснованному обвинению в том, что «является участником подготовки вооруженного восстания и распространения воззваний контрреволюционного характера». Расстрелян в 1930. Посмертно реабилитирован в 1989.

Борисевич Тимофей Григорьевич. 1896 г. р., колхозный бригадир, арестован в 1932, повторно в 1937. Расстрелян в 1937. Посмертно реабилитирован в 1962.

Катилас Петр Гаврилович. 1899 г. р., рабочий, арестован в 1938, погиб в лагере на Колыме в 1941. Посмертно реабилитирован в 1956.

Кудревич Владимир Антонович. Родился в 1898 г. в местечке Круглое Могилевской обл. Работал столяром в Райпотребсоюзе. Арестован в 1937. «Тройкой» НКВД БССР осужден на 10 лет как «враг народа». Наказание отбывал в сибирском ИТЛ в г. Томске. Умер в 1950 г.

Кудрэвіч Уладзімір
Антонавіч

Макарчук Александр Трофимович. 1899 г. р., рабочий, арестован в 1938. Расстрелян в 1938. Посмертно реабилитирован в 1958.

ТВОРЧАСЦЬ ВЯЗНЯЎ ГУЛАГА

ЛЕСЯ БЕЛАРУСКА

(аўтарызаваны пераклад вершаў
з беларускай В. Малагушы)*

Ларыса Пятроўна Марозава (прозвішча па мужу), нарадзілася у г. Маладзечна. Невядомая беларуская паэтэса. Вершы пачала пісаць у лагеры палітзэкаў пад псеўданімамі Леся Беларуска і Эрынія. Па адукацыі педагог.

Арыштавана Тройкай НКУС, са слоў адналагерніка В. Малагушы, у 1937 г. (магчыма, у студзені 1938 г.). Асуджана да 10 год зняволення ў лагерах за прыналежнасць да не існаваўшай нацыяналістычнай арганізацыі. Тэрмін адбывала на Калыме ў лагеры Эльген. Працавала на лесапавале. Загінула ў студзені 1948 г. за некалькі дзён да вызвалення.

Партрэт паэтэсы, што друкуецца ў гэтай кнізе, выкананы беларускім графікам І. Лукіным паводле замалёўкі і слоў В. Малагушы, які адбываў тэрмін у тым жа лагеры і дзякуючы якому мы даведаліся пра лёс нашай таленавітай зямлячкі-пакутніцы.

Першыя публікацыі некаторых вершаў адбыліся ў інфармацыйным бюлетэні БААПР** «Рэха ГУЛАГа» (1996); у тым жа бюлетэні пад назвай «Леся Беларуска» (1997); у газеце «Здравый смысл» (1997, № 30) пад назвай «И под стихи я забиваю сваи... Что мы знаем о Лесе Белоруске?»

Апошнія публікацыі вершаў разам з успамінамі В. Малагушы адбыліся ў бюлетэні «Рэха ГУЛАГа» № 1 аргкамітэта Года памяці ахвяраў сталінскіх рэпрэсій (2007) і ў газеце «Труд-7» (30 жніўня 2007 г.) пад назвай «“Колымская амазонка”. Кто она — Леся Белоруска?».

Усе пералічаныя публікацыі былі падрыхтаваны і адрэдагаваны аўтарам гэтай кнігі пісьменніцай Аленай Кобец-Філімонавай.

Мы звяртаемся да чытачоў з просьбай прыняць удзел у пошуках звестак аб Ларысе Пятроўне Марозавай. Мы, бела-

* Арыгіналы вершаў (у рукапісе) зніклі ў лагеры Эльген, дзе паэтэса адбывала незаслужанае пакаранне.

** Беларуска асацыяцыя ахвяраў палітычных рэпрэсій, якая дзейнічала ў 1994–1998 гг.

русы, абавязаны адшукаць і літаратурную спадчыну нашай таленавітай шматпакутнай суайчынніцы, каб з годнасцю ўшанаваць яе памяць.

Истина
(рожденная опытом моего бытия)

Меня осудили
 народа
 уроды.
Отплата —
 мои беспощадные плети.
Все подлецы
 прикрывались народом.
Надежней спины —
 нет на свете.

1938 г. Тюремный подвал в Минске

Дочернее

Я — враг насильственных акций,
ложных фраз и насильственных жестов.
Я — частица цивилизации —
 от Полоцка и до Бреста...
Лгать меня принуждал
 недруг приткий.
Отвечала:
 — Не продаюсь!
Облегчала мне муки под пыткой
ты, матуля моя, Беларусь!
Я осталась в лихую годину
верной Дочерью и Бойцом...
С тобой, Беларусь,
 мы едины —
и дыханием,
 и лицом.

1939 г. Эльген

В лагерном бараке

Ночь... Я дверцу
печки-бочки открываю,
мне дарят свет
горящие дрова.
Я под поэмы забиваю сваи,
чтоб водрузить на них
свои слова.
Сябровки спят. И бригадир Елена
(все же сотворенный мной кумир!)
В колючих изгородях ЗЛА
спит БОЛЬ Эльгена,
с израненной душой
не мирный мир...
А над тайгою
зреют гнева гроздь,
возмездьем
палачам грозя.
...И кто-то в ноги
забивает гвозди,
и в голову...
и вытащить нельзя.
Я — вся в гвоздях,
и я, и мои строфы.
А на душе
печальный благовест.
Тайга кругом —
как черная Голгофа,
людские судьбы —
как распятья крест.

1947 г. Тайга.

Лесоповал «Теплая долина»*

* Глухі балоцісты ўчастак тайгі (у 25 кіламетрах ад цэнтральнай зоны). Зімой — лесапавал, летам — сенакос. Не хапае баракаў. Шалашы, або «хавіркi», са скразнякамі. Шмат блатных, «уркаў».

...Вспоминай это все,
сестра.
Вспоминай,
чтоб меня не забыла.

В лесу

Неизвестная для мира поэтесса,
Я ласкаю красоту коры
Деревьев сказочного
северного леса,
Державой пущенного
под топоры.
Завтра, Дерево,
ты станешь шахтной стойкой,
иль домом,
или мачтой корабля,
или той самой
нашумевшей новостройкой,
которой имя —
Молодость моя.

1946 г. Теплая долина

Сабля

Белорусскому народу

Народ мой!
Я — твоя сабля.
Я — защита твоя и опора.
В военную грозную пору
Я — всегда на твоём бедре.
И — верна.
И — остра.
...Только б руки твои не ослабли.

1941 г. Лагпункт Эльген.

На лесоповале

Тишина

*Безвременно ушедшим из жизни
лагерным великомученицам —
Полине Мельниковой, Ляле
Кларк и Асе Гудзь*

Над заснеженной долиной тишина,
а на лоне этой горестной земли
твои дочери, советская страна,
замордованные рабством полегли.
Тишина...

Но только голос не затих
легендарных героинь родной земли.
И немецкие овчарки рвали их,
и — свои, в военной робе кобели.
...Среди ночи ворвалась в дом беда.
Детский крик:

— Куда ты, мамочка,
к у д а?!

Обещала:

— Я вернусь! —

Прошли года —

мать не знала,

что уходит навсегда.

Детский голос

до сих пор звучит в ушах.

Луч надежды!

Он воистину святой.

...Вот и спят они

со льдинками в очах,

успокоенные

ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТОЙ.

(Из лагерного фольклора.

Записано Л. Белоруской.)

1943 г. Лагпункт Эльген

Символика

Бытие
 железным долотом расколото.
На тверди земной
 царит бедлам.
Косит «Союз»
 серпом народы,
молотом
 бьет их по головам.

1947 г. Мылга

Резюме

*Своему времени, на спасение
которого не теряю надежды*

...Я в молодости
 ранней пташкой пела:
«Как этот мир
 чудесен и богат!»
То... черное,
 я называю белым,
а тишиной
 казался мне набат.
Я думала:
 «Мир Доброты —
 он вечен!»
Но п о ч е м у —
 взять не могу я в толк —
мир так жесток
 и так бесчеловечен...
«Не брату — брат,
 а волку — волк».

1947 г. Теплая долина

отмеченный — и в сердце,
и в уме.
... Два образа
(только глупцу незримы!)
Нас — две сестры:
одна на Колыме,
другая в Риме...
Откуда в жизнь плывут —
за драмой драма?!
(Словно след звериный на снегу!)
... Ты опекала
каменные храмы.
Я — нравственные храмы берегу.
1945 г. Таскан-РИК

* * *

Нас избирайте в лидеры,
мужчины!
Мы: Сестры, Матери, —
мы даже птушку не обидим...
Век настал
(и есть тому причины!):
мы — крепче любим,
крепче ненавидим,
и вообще — всех крепче
на планете, —
мы, ЖЕНЩИНЫ...
Вот вам живой пример:
«Я!» — вроде слабая, но...
во мне, в поэте,
силы — в сто тысяч атмосфер!
И — по шее
сказке той,
затрещину,
что о «китах» поет,
«сверхчуть» меля...

Не на китах Земля, она —
на женщицах,
на нас,
на бабах держится Земля!
Не обязательно: «красивая»,
«прыгожая».
Она — страдальца,
раба Добра — в веках!
И — не случайно на Иконе — Мати Божия
бессмертная, — с ребенком на руках!

Поговорка

Сроднились
с некоторых пор
в Кремле —
Икона и Топор.

*(Из лагерного фольклора.
Записано Л. Белоруской.)
1939 г. Эльген.*

Отчизна

...Пройдет вражда племен.
Исчезнут — ложь и гнусь...
Сергей Есенин

К братанью всех народов
я стремлюся.
Уродов нравственных
повергну в прах.
...Меня на родине
пытали белорусы,
А латыши
спасали в лагерях.
...Суд был суров.
Сначала была «вышка».

Но дни прошли,
и нынче мир такой:
Мы — сестры,
белоруска и латышка,
И в сердце —
благодарность и покой.

Бессонница

Мучаюсь,
в воспоминаньях роясь.
Спасали и губили мы страну.
Приляг со мной в постель,
подруга Совесть!
...Быть может, хоть часочек я сосну.
1939 г. Лагпункт Эльген

Раздумье

Совет да любовь вам, милые,
совет да любовь!
Вот задача — главной темы:
з а к р ы т ь
невежеству пасть.
Все реки впадают в Неман,
а Неман — в Советскую власть.
Советовались старейшины
на тайных вечерах,
шлифуя жизни закон.
СОВЕТЫ — это древняя Вера,
и Вера грядущих времен.
1946 г. Эльген

Я сорву
с своей шеи лассо!

1947 г. Эльген,
Теплая долина

* * *

<...>

Умереть боюсь...

На кого ж я оставлю

родные

города и веси,

мою матулечку Беларусь?!.

МІХАСЬ ЧАРОТ

Вядомы беларускі пісьменнік Міхась Чарот (Міхаіл Сямёнавіч Кудзелька) нарадзіўся ў 1896 г. у сялянскай сям'і. Паэт, празаік, драматург. Аўтар сцэнарыя першага каляровага мастацкага фільма «Лясная быль», п'есы «Мікітаў лапаць» і шэрагу паэтычных зборнікаў.

Рэпрэсаваны ў 1937 г. невядома за што і ў тым жа годзе расстраляны ў Мінску. Рэабілітаваны ў 1956 г.

Верш «Прысяга» ён напісаў у турме перад расстрэлам.

Прысяга

Я вам не здрадзіў,
Не зманіў,
Бо славіў наш Савецкі будзень.
Свой верш сардэчнай чысціні
Ахвяраваў я родным людзям.
Я не чакаў
І не гадаў,
Бо жыў з адкрытаю душою,
Што стрэне лютая бяда,
Падружыць з допытам,
З турмою.
Драпежных здрайцаў ліхвяры
Мяне заціснулі за краты.
Я прысягаю вам, сябры,
Мае палі,
Мае бары, —
Кажу вам — я не вінаваты.
Паверце — я не вінаваты!

УЛАДЗІМІР ДУБОЎКА

Вядомы беларускі паэт Уладзімір Мікалаевіч Дубоўка нарадзіўся ў 1900 г. у сялянскай сям'і. Аўтар шматлікіх кніг для дарослых і дзяцей. У 1930 рэпрэсаваны за ўдзел у літаратурнай групе не існаваўшага Саюза вызвалення Беларусі і кіраўніцтва яго Маскоўскім філіялам. 27 гадоў адпакутаваў у сібірскіх лагерах і ссылцы.

Рэабілітаваны ў 1957 г. Жыў у Маскве.

Памёр у 1976 г.

* * *

Забраны ў няволю з Забранага Краю,
Узяты за краты з спустошаных хат...
Для нас пачалася часіна ліхая,
Мой родны, мой бедны пакрыўджаны брат.
Жыве наш народ, як гарох пры дарозе,
Прасьвету ня бачыць у гэтым жыцці:
Учора на працы, сягоння ў вастрозе,
А заўтра за працу ў выгнаньне ісці...
<...>

Няхай лепш сумуюць прадажныя душы,
Адплаты чакаюць за здраду сваю;
Няхай іх сумленьне, тых юдаў, падушыць,
Загоніць жывымі ў сырую зямлю.
Звярыная злосьць не заслоніць нам неба
І нашу зямельку усю не глыне.
Мы знаем — за волю змагацца нам трэба,
Мы знаем — змаганьне наш край не міне!

Ніколі й нідзе Беларусь не загіне,
Ніколі й нідзе Беларусь не памрэ.
Ні ў тундрах, ні ў клятай паўночнай краіне,
Ні ў дзікім прыгоне — маскальскім ярме!
<...>

* * *

...Забыўся ты. Схіліўся на далоні...
Язда... шляхі — і водбліскі пагоні...
Забыўся ты — галубіш сьвет шырокі,
Ня чуеш варты няспынянай крокі...
Забыўся ты... Табе ўсё воля сьніцца...
Мой брат! Ці ж сьвет увесь — вязьніца?

* * *

Завязьлі на мукі,
завязьлі на рогат,
завязьлі на здзек чыноў вяльможных...
Павязалі рукі,
павязалі ногі,
павязалі цела, — дух зьвязаць ня можна.

Зраднікам

Вы, што звыклі поўзаць ракам
і на задніх танчыць лапках
перад кожным небаракам,
што трымае з маслам «папку»,
вы, прасякнутыя брудам,
ад пяты да самай шыі,
звыклі біць тых, хто пад спудам,
ліць на бліжняга памыі, —

дзе ваш сорам чалавечы,
дзе павага да людзіны?
Як ад вас нам асьцярагчы
гонар нашае краіны?

Месца ваша ў ніцалозьзі,
ганьба вам наканавана,
бо пры вашай дапамозе
Бацькаўшчына ўкрыжавана...

ПАВЕЛ ПРУДНІКАЎ

Вядомы беларускі паэт Павел Іванавіч Пруднікаў нарадзіўся ў 1911 г. у сялянскай сям'і. У 1937 г. быў рэпрэсаваны за антысавецкую агітацыю (артыкул 58, пункт 10 Крымінальнага кодэксу РСФСР). Сасланы на 10 год у сібірскі ППЛ. Рэабілітаваны ў 1956 г. Памёр у 2000 г.

Тэме ГУЛАГа прысвечаны дзве кнігі: «Крыніцы» (вершы, 1991) і «За калючым дротам» (проза, 1993).

Нарыльск — Талнах (урывак з паэмы «Таймыр»)

<...>

Мчыць цягнік у глыб тундры суровай!..
Зноў блукаю па дальніх гадах...
Думкі кружацца, кружацца роем...

Як раней, паўстаюць у вачах
Першы насып і першыя рэйкі...
Тое ўсё, што пранёс на плячах
З невядомай трываласцю нейкай.

Па баках — неабдымны абсцяг,
Не заўсёды даступны — таемны.
Зноў я еду па брацкіх касцях,
І са мной едзе боль неад'емны.

Зноў я чую і скаргі, і стон,
І малітвы, і просьбу нямую...
Тут ляжаць яны шчыльным пластом
Замест шпал і па волі сумуюць...

<...>

А загнаў іх усіх у нябыт
Той, хто быў для нас «геніем чыстым»,
Хто цяпер напалову забыт,
Хто лічыў сябе першым марксістам.

<...>

Ён мільёны паеў, канібал.
І мільёны скалечыў навечна...
Чалавека лічыў за раба
«Правадыр наш і сябар сардэчны».
<...>

Адлучыў ад зямлі назаўжды
Хлебароба, хто жыў з ёю вечна.
Выдумляў за «уздымам» «уздым»,
Аб'яўляў за «сустрэчным» «сустрэчны».

Ён прыносіў і голад, і мор
(Не забудзецца нам трыццаць трэці).
Апускаў нам на шыю тапор —
Частаваў нас бязлітаснай смерцю.

Ён размахваў нябачным мячом,
Ад якога ніхто не ўратае.
Прыкрываўся ж заўжды Ільічом,
І натуру знішчаў, і культуру.

Разам нішчыў і творцаў яе
Ці марыў у такіх вось Нарыльсках.
Прапаноўваў «ідзі» свае,
Што з навукай не зналіся блізка.

Пэўна, хопіць варочаць той труп,
Ад якога нясе нам смуродам.
Ён ляжыць, дагнівае, як слуп,
Ён — заклёты уласным народам!

АЛЕСЬ ЗВОНАК

Вядомы беларускі паэт Алесь (Пётр Барысавіч) Звонак нарадзіўся ў 1907 г. у сям'і рабочага.

Пасля аспірантуры Акадэміі мастацтвазнаўства ў Ленінградзе (1934) працаваў у АН БССР. Выдаў шмат зборнікаў паэтычных, працаваў у галіне драматургіі і крытыкі.

У 1936 г. быў арыштаваны. У 1937 г. асуджаны на 10 год зняволення за прыналежнасць да неіснаваўшай арганізацыі нацдэмаў. Потым дадалі яшчэ 10 год выгнанніку, сасланаму на Калыму. Рэабілітаваны ў 1954 г. Памёр у 1995 г.

У 1992 г. выдаў кнігу «Светлацэнні» пра ГУЛАГ.

Час даўно патрабуе абновы*

Хоць не спі, хоць засні,
а мінулае б'ецца у вокны,
Шызым голубам, цемранай шэрасцю
скурчаных дзён,
Марна памяць імкнецца адбельваць ад бруду
палотны —
Кроў засохла на іх —
след іржавы на вока відзён.
Колькі ты не сцвярджай: што было,
ўсё сплыло беззваротна, —
Як асколак у чэрапе, крыўда не-не ды кальне:
Па-андрэеўску цяўкаюць злосна сям-там
з падваротні
Сталіністаў наследкі, што часта ў высокай цане.
Углядаюся пільна удалеч на стыку стагоддзяў:
Новы век, чым ён здзівіць —
прасветам ці ліхам-бядой?!
Як з публічнасцю будзе? Скасуем?
Пакінем у модзе?
Як тады будзем зваць еўрапейскі
агульны наш дом?!

* Друкуецца са скарачэннямі.

Наказ

Як з царства ценяў,
як з цемры забыцца,
Вяртаюцца імёны ў жыццё дзеля жыцця.
Заманьвалі маной нас, што не было й няма
Імён у пакараных, пазбаўленых імя.
Кастрычніцкае племя рамантыкаў красы! —
Як свежа, як сучасна гучаць іх галасы!
І, як тады, лье сонца блакітны небасхіл,
І б'ецца ў грудзі попел нязнойдзеных магіл.
Перадсмяротны заклік яны нам слалі свой,
Калі з падвалаў змрочных на смерць іх вёў канвой.
Я сведка той галгофы, той цемрадзі скразной.
Павязаны я з імі вярочынай адной...
Таму гукаю юных: — Пара, пара, сябры,
Нам заўтрашнія песні ў дзень сённяшні тварыць!

Успамін

Плакала наўзрыд дажджамі восень,
Вецер варушыў салому стрэх.
Між магіл сцяжынкай вузкай косай
Цёмнай ноччу йшоў я на расстрэл.
Усё чакаў, што грымне раптам ззаду
Стрэл пракляты. Згасне воч агонь.
У каго маліць-прасіць спагады?
Тут зладзейства — права і закон!
...Так ноч мінула. Абмінула
Куля злая і на гэты раз,
Хоць і прыстаўляў да скроні дула
Неаднойчы крыважэрны час.
З той пары не запаўзае ў сэрца
Боязь — падкалодная змяя.
Мо таму й мацней усякай смерці
Да жыцця й людзей любоў мая!

* * *

Не вярнуцца мне на твой парог
Падарожнікам з мясцін далёкіх.
Блізка мой пакутны эпілог,
Хоць на захад кліча птахаў клёкат.

Скрозь паўзмрок марудных доўгіх год
Ты чакаць мяне не перастала.
Што ж, даруй! У глыбіні мязлот
Век мой скончыць доля загадала.

У няроўнай барацьбе знямог
Рыцар твой без страху і папроку,
Не вярнуцца мне на твой парог
Падарожнікам з мясцін далёкіх!

* * *

Разбягаецца ўпечкі імгла,
У блакіт неба тоне глыбей.
Калі б ты аб тым ведаць магла,
Як сумую я тут без цябе!

За узорам акна слюдзяным
Сопкі высацца ў намітках хмар,
А на сэрцы зацятым маім
Лёг магільнай плітою цяжар.

Я цябе не заву як раней,
Каб самой аб усім расказаць,
Але бачацца зводдалі мне
Твае вочы ў гаручых слязах.

Бездань часу між нас пралягла,
Чорны кот чарнатроп перабег..
Каб ты ведаць хоць трошкі магла,
Як сумую я тут без цябе!..

РЫГОР КОБЕЦ

Вядомы беларускі драматург Рыгор Якаўлевіч Кобец нарадзіўся ў 1900 г. Заслужаны дзеяч мастацтваў Беларусі (1935). Стаяў ля вытокаў нацыянальнага тэатра і кіно. Аўтар п'есы «Гута» (першая п'еса пра рабочых Беларусі), сцэнарыяў да фільмаў «Двойчы народжаны» (першы гукавы і першы на беларускай мове), «Шукальнікі шчасця» (сусветна вядомая кінакамедыя) і інш. Абодва фільмы ўвайшлі ў залаты фонд савецкай кінематаграфіі.

У 1938 г. быў арыштаваны за шпіянаж на карысць Японіі, Англіі і Польшчы. У 1939 г. вызвалены з-за недаказанасці віны. У 1941 г. арыштаваны паўторна і Асобай нарадай без суда і следства сасланы на 10 год у Тайшэтлаг за «анты-савецкую агітацыю і прапаганду». 22 гады адбываў пакаранне у Якуціі, Манголіі, Забайкаллі і пажыццёвай ссылцы ў Кіргізіі.

Рэабілітаваны ў 1960 г. Жыў у Мінску. Памёр у 1990 г.

Пра ГУЛАГ напісаў аповесць «Ноеў каўчэг» у 1964 г. Поўнасю надрукавана ў 1989 г. у часопісе «Нёман» № 3; урывак з аповесці пад назвай «І стаў Моня чалавекам» надрукаваны ў красавіку 1964 г. у газеце «Голас Радзімы», урывак пад назвай «Ноеў каўчэг» надрукаваны ў газеце «ЛіМ» 22 ліпеня 1988 г.

Верш «Сыну» напісаны ў 1943 г. у Тайшэтлагу. Прысвечаны старэйшаму сыну Мікалаю, удзельніку Вялікай Айчыннай вайны. Упершыню надрукаваны ў газеце «Советская Белоруссия» 24 ліпеня 1988 г. Верш «Дочери» напісаны ў 1958 г. у ссылцы. Упершыню надрукаваны ў 2004 г. у кнізе А. Кобец-Філімонавай «Шлях да Малітвы».

Ноеў каўчэг

(урывак з аповесці)

Дзень пачынаўся як звычайна. Шумелі і сварыліся «шакалы», штохвілінна ляпаючы пячнымі дзверкамі. Куляй выляталі рабацягі на кухню за баландай з кацялкамі, бляшанкамі ад кансерваў, нават з берасцянымі ўральскімі туяскамі.

Бесперапынна ляпалі ўваходныя дзверы, і клубы марознай пары ўрываліся ў барак. У брудных, страшэнна завэдзганых коўдрах неслі брыгадзіры з хлебарэзкі доўгачаканья пайкі. Акружала брыгадзіраў надзейная, з самых дужых рабацяг, «ахова», узброеная здаравеннымі бярозавымі дрынамі. Інакш нельга. Без такой аховы хлеб не данясеш. Наляціць у ранішніх прыцемках натоўп «шкоды», расхапае пайкі, і застанеца ўся брыгада галоднай на цэлыя суткі. Вінаватых не знойдзеш, а хлебарэзка больш ні грама не дасць, хоць ваўком вый, хоць зямлю еш. На ніжніх нарах пры святле лучын (каб было відней) ішла звычайная раздача паек. Крык... гвалт... лаянка, а часам і слёзы, ці злосна-пякучыя, ці горкія ціхія слёзы.

— Сімакоў — сямісотка!

— Раманенка — сямісотка!

— Латышаў — шэсцьсот!

— Курылін — васьмісотка!

— Антанюк — пяцісотка!

— Брыгадзір! Зноў мне сярэдзінка? Сёння ж мая чарга на гарбушку, а мне...

Лясь!.. Звонкая аплявуха брыгадзіра — кароткі і пераканаўчы адказ. Інцыдэнт, як кажуць, вычарпаны. Прэтэнзій больш няма.

— Крамарчук — шэсцісотка!

— Федасееў — чатырыста грам, як лёду!

— Па новай чатырыста? — Федасееў, размазваючы па твару слёзы, крычыць дрыготкім ад крыўды голасам. — Не вазьму!.. Брыгадзір! Я ж гэтак дайду... Я ж дубара дам...

— Менш філонь — большай пайка будзе, — безапеляцыйна як адрэзаў брыгадзір.

Скардзіцца дарэмна. На каго скардзіцца і каму? Хто цябе будзе слухаць? А калі і выслухаюць — не павераць.

— Не філонь, падлюка, вкальвай.

Брыгадзір падмануў? А што рабіць брыгадзіру? У брыгадзе шэсць «рыл» рэцыдывістаў-законнікаў. Жраць яны хочучь? Хочучь. А працаваць?

— Ты што, падлю, шэсць рыл не можаш пракарміць? Што ж ты за бугор? Нам вкальваць не паложана, мы ў аўтарытэце. Вырыгні пайку і скажы, што знайшоў. Сумеі вырыгнуць. Менш васьмісотак не бярем. Уразумей... пакуль мы цябе «не сработалі».

Пагроза страшная. Бригадзір гэта ведае добра і баіцца. Ужо не аднаго бригадзіра «сработалі». Вось чаму пайка Федасеева цягне чатырыста грамаў, «як лёду». Вось чаму Федасееў, Мікалаенка, Райхельсон, Бецінш, Шпілеўскі, Абдурахманаў і іншыя атрымоўваюць па чатырыста грамаў, нягледзячы на тое, што яны працуюць. І вось чаму гэтыя людзі хварэюць на пелагру і дыстрафію — грознымі, страшэннымі спадарожнікамі голаду. «Законнікі», або «людзі», як яны сябе называюць, не надрываюцца на працы. У іх блакітная кроў, ім усё дазволена. Яны нахабныя, груба адымуць пасылку, паб'юць рабацягу і знімуць з яго барахло. У іх сімвал веры: «нахабства — другое шчасце». Гэта яны ўкаранілі ў лагерах сваю, нідзе і нікім не запісаную заповедзь: «Памры ты сёння, а я заўтра!»

Скардзіцца? І не смей. Калі не тут, не на гэтай калоне, дык на любой перасылцы цябе абавязкова «сработаюць», прытым з лютасцю і садызмам неймаверным. Яны будуць цябе падвешваць, выламваць рукі, вырываць зубы, і пры гэтым рагатаць дзікім звярыным рогатам, смяяцца да колікаў у жываце і спяваць, а больш дакладна, раўці на ўсё горла песні, як толькі можна грамчэй, каб заглушыць твой нечалавечы крык. Ні адзін нават самы драпежны звер на зямлі не можа параўняцца з імі ў жорсткасці, часта зусім бязмэтнай, непатрэбнай, а так... дзеля пацехі-забавы. «Мы — людзі, мы — уркі, і нам дазволена рабіць з фраерамі ўсё, што нам захоцца. На тое яны і фраеры». І якімі яны бываюць агіднымі баязліўцамі, калі даведзены да адчаю рабацяга, не вытрымаўшы здзек, хапаецца за нож або сякеру. Як яны поўзаюць ля яго ног, цалуюць брудныя корды, моляць аб літасці, і ў доказ сваёй адданасці і пакорлівасці ядуць зямлю, нават конскі гной, каб зберагчы сваё подленькае жыццё. І калі размягчыцца сэрца рабацягі, заўтра ж яны «падкнокаюць» яго ўсёй бандай (адзін на адзін — ніколі) у цёмным кутку і ўчыняць над ім расправу такую жудасную, такую вынаходніцкую, якая нават у сне не снілася вялікаму інквізітару Ігнацію Лайёле, якая нават д'яблу на самым донцы пекла не прыходзіла ў галаву.

Але вось з бойкай, крыкам і гвалтам закончана раздача хлеба. У бараку робіцца значна цішэй. Толькі ля печак, аблепленых дахадзягамі (быццам мухі на агрызку цукру) панусе ажыўленне і мітусня. На распаленай да чырвані пліце булькае

ў кацялках запраўленая «па новай» баланда. І якімі толькі эпітэтамі не аздабляюць галодныя рабацягі гэта традыцыйнае лагернае варыва!

— Суп рататуй*! Па краях капуста, а ў сяродке...

— Крупінка за крупінкай ганяецца з дубінкай!

Хача ні аб якіх крупінках і гаворкі не можа быць. Круп і ў паміне няма. Крупы значацца толькі ў раскладцы, распісанай і падпісанай лагернымі вяльможамі, а прасцей кажучы, «прыдуркамі», гэта значыць: бухгалтарам, пампабыту, рахункаводам прадстала, капцёрам і іншай саранчай. Крупы варацца ў асобным катлу, аздобленыя баваўняным маслам, а часам і спецыямі, але... аб такой страве рабацягі нават марыць не смеюць. Гэта блюда багоў, гэта шэдэўр кулінарыі не для іх...

...К абеду буран сцішыўся раптоўна, як і наляцеў учора з вечара. У высокім бяздонным небе павольна праплывалі рэдкія кучаравыя аблокі. Яркае, быццам вымытае, сонца шчодрa пасылала праменні. І тыя драбіліся ў бяскрайніх снягах мірыядамі рознакаляровых агеньчыкаў. Ціха пагойдваліся ў белых папахх сосны. Уся зона пакрылася шчылным, ледзь хвалістым белым дываном і стала надзіва чыстай і, бадай, па-свойму ўтульнай.

Адразу ж пасля шумнага абеду па бараках пачаў насіцца, як угарэлы, нарадчык.

— Выходзь на развод! Усе да адзінага на развод! Жыва!

Вось табе і адпачнулі. Вось табе і пакантаваліся.

— Якая можа быць праца з паўдня? Дзень жа кароткі, як зачы хвост.

— Пакуль на аб'ект прыйдзем ды пакуль назад... сцямнее. Калі ж працаваць?

— Ну, распрыязві іх у душу! Ёсць толк, няма толку — ганяюць, гады, рабацяг, як салёных зайцоў.

— Мабыць, і сапраўды, як кажуць: мне не трэба, каб ты працаваў, трэба, каб ты пакутаваў.

Чуліся нараканні, зэкі чартыхаліся, мацюкаліся, але на развод выходзілі. Тут рэжым суровы. Тут жартаваць не любяць. Ёсць толк ці няма, спадабаецца табе ці не — трымай язык за зубамі, маўчы і выконвай тое, што табе загадваюць, на тое ты і зняволены...

* Французскае нацыянальнае блюда.

Сыну

Здравствуй, сын мой родной!
Забайкалье глухое
Приютило меня
на закате моем.
Небо войлоком серым
плывет над землею,
Истекая холодным
осенним дождем.
Перепутались в дебрях
все пути и дороги
Неприветливо, хмуро,
как улыбка врага.
Здесь так дико, угрюмо,
нелюдимо и строго,
Здесь туманами черными
дышит тайга.
Ночью с шумом веселым,
с теплым запахом хлеба
Уходили на Дальний Восток
поезда...
И по бледной щеке
забайкальского неба
Арестантской слезой
покатилась звезда.
На Амурские сопки
и на пажити Ина,
В край, откуда встает
над страную рассвет,
Увезут поезда
наилучшему сыну
Мой хороший, сердечный,
мой отцовский привет.
Сердце трепетно сжалось,
сердце хочет на волю...
Сколько ждать еще надо?
Сколько выдержать лет?
С губ срывается возглас,
полный страсти и боли,

Искупая вину
за чужие грехи.

Дочери*

Может, пропасть глубокая
нас разделит сурово
Шквалом бури свирепой
и лихого огня,
Не забудь, моя детонька,
имя папки далёкое
И тихонько вздохни,
вспоминая меня.
А быть может, и счастье
глянет в наше «ваконца»,
Озаряя лучами
наш родной уголок.
Я тебя, моя дочечка,
к свету,
к радости, к солнцу
Понесу на груди,
как любимый цветок.
Понесу, словно орден,
понесу, как награду,
И спою тебе песню —
живи и цвети!
И развеются пылью
любые преграды
На моем невеселом,
но честном пути.

* Верш, дасланы з ссылкі, напісаны на адваротным баку фотаздымка Р. Кобеца з даравальным надпісам: «Моей умнице, моей дочечке Леночке Кобец от всего сердца. 12/XII 1958 г.»

«Я никогда не сомневался, что коммунизм рухнет. Но я не предполагал, каким трудным будет выход из-под его обломков».

А. Солженицын.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУЛАГ*

«Десять лет лагерей — это не репрессии. Это место жительства», — так сказал инструктор ЦК КПБ.

Мне и теперь стыдно перед человеком, которого я долго искал, нашел, взял интервью, но оно так и не прозвучало в эфире. Мне запретили это делать, велел даже запись стереть. И было это почти сорок лет назад...

В 1968 году страна готовилась широко отмечать столетие со дня рождения Максима Горького. Готовились к юбилею и мы, журналисты Белорусского радио. Нас заставили даже планы составить, наметить темы. Я взял за основу информацию, которую увидел в газете «Советская Белоруссия». А в ней говорилось о том, что в далеком 1928 году, когда великий пролетарский писатель возвращался в Москву после долгого пребывания за рубежом, на станции Негорелое его встречало множество людей, партийные и государственные деятели, писатели, журналисты, местные жители. Но что больше всего меня заинтересовало, так это последняя фраза: к Алексею Максимовичу с яркой приветственной речью обратился кочевар дрожжевого завода рабкор Григорий Кобец. Прочитав

* Надрукавана ў газеце «Народная Воля» (2007, №№ 149–150). У кнізе друкуецца па рукапісу Я. Казюкіна.

это, я сразу загорелся идеей: а вдруг этот человек жив? Пусть столько лет прошло, война бушевала, но бывают же чудеса. Вот бы с ним встретиться и написать очерк!

В тот же день я позвонил в редакцию. Коллеги не обрадовали: увы, ничем помочь не можем. Тогда я обратился в Союз писателей Беларуси. Может, они знают об этом человеке. И там не получил нужных сведений, мне буркнули в ответ и трубку бросили. Думал на заводе дрожжевом есть хоть какая информация о бывшем кочегаре, все-таки не простым рабочим был, коль самого Горького встречал, но и там развели руками.

Я уже хотел отказаться от бесполезной затеи. И вдруг мой взор остановился на телефонном справочнике. Сразу мелькнула мысль: а может там есть абоненты с фамилиями Кобец? Начал листать. Есть. Даже пятеро. Начал обзванивать каждого, объяснять. И здесь разочарование: не знаем, в первый раз слышим. Остался последний номер, который упорно молчал. Две недели гудки и гудки. И только однажды, когда я поздно вечером зашел в кабинет после командировки, мне повезло.

— Вы Кобеца ищете? — спросил женский голос. — Так он в Доме литератора в Королищевичах отдыхает.

Утром я дозвонился до Королищевичей. А в обед уже встречал Григория Яковлевича у входа. Широко распахнув дверь, в коридор вошел невысокого роста человек, плечистый, с седой бородой, в синем прорезиненном плаще. Пожал руку — я чуть не присел. Подумал, откуда сила? Старик, если верить летам. Но на вопросы времени не было, нас уже ждали в студии.

— Да, мне выпала честь встречать Горького, — начал свой рассказ Григорий Яковлевич. — Почему? Во-первых, я был на хорошем счету, как рабочий. А во-вторых, писал статьи в газеты, стихи. Между прочим, мой «Паровоз» вся страна декламировала и распевала. Я и в литературных кружках, к вашему сведению, состоял. Короче, был на виду.

И вот утром 27 мая, когда я сменялся, в котельную пришли незнакомые люди и без предисловия приказали: десять минут на сборы, вы будете встречать Горького на станции Негорелое и выступите с приветствием от лица минских рабочих! Я остоленел. Горький был и остался для меня кумиром, люби-

мым писателем, с которого я делал жизнь. И вот такая честь! А у меня ни приличных штанов, ни свежей рубашки. Кто на завод ходит в хорошей одежде? Но выход из затруднительного положения нашли. Всем предприятием меня одевали.

Что помню? Море народа. Среди встречающих большие люди из Москвы, фоторепортеры, кинохроника. Много писателей: Головач, Гартны, Александрович. И вот прибывает поезд. Все кинулись к Горькому, подхватили Алексея Максимовича на руки и понесли к другому составу, советскому, который стоял рядом. Крики «ура», «пусть живет Горький», пение «Интернационала». Писатель поднялся в тамбур, там остановился. Начался митинг. И вот я вскакиваю на первую подножку, машу рукой и говорю: «Меня прислали минские рабочие узнать: соскучился ли по нас Алексей Максимович, а мы очень скучали без него. Нам надо посоветоваться с вами по многим вопросам. А еще мы хотим знать, каково ваше здоровье, можете ли вы остаться с нами навсегда?»

Горький наклонился, обнял меня и поцеловал. Этот снимок обошел тогда все газеты. Но на нем не видно было: из глаз писателя катились слезы. И я, опечаленный, что расстроил такого человека, пошел в буфет станции и попросил налить мне сто грамм. Но выпить не дали. Вбежали чекисты и командовали: срочно в вагон, там тебя разыскивает Горький.

Алексей Максимович, действительно, ждал меня. Улыбаясь, он поднялся навстречу: «А вот ты... Я, знаешь, просто хочу пожать твою лапу. Очень хорошо ты говорил». А когда прощались, сказал: «Пиши мне в Москву. И приезжай, рад буду!»

— Выходит, Горький благословил вас на творчество, Григорий Яковлевич. И что вы создали? — поинтересовался я у Кобеца.

— А создал я, молодой человек, пьесу «Гута», которая в 1930 году на Первой Всесоюзной олимпиаде театрального искусства в Москве заняла первое место и принесла славу будущему Купаловскому театру. Она была переведена на языки ряда европейских стран и опубликована и поставлена там. Я автор сценария первого белорусского звукового фильма и первого фильма на белорусском языке «Дважды рожденный». Ну и, надеюсь, кинокомедию «Искатели счастья» вы все-

таки смотрели? Я к ней тоже имею самое непосредственное отношение.

Мне стало стыдно перед моим собеседником. О пьесе «Гута» я ничего не слышал. Но фильм «Искатели счастья» смотрел. Да и в БГУ, когда учился, о нем вспоминали, хоть мельком. Однако о Кобце преподавательница словом не обмолвилась. Стараясь уйти от неприятного разговора, от своего незнания, я задал Григорию Яковлевичу неуклюжий вопрос:

— А как революцию вы встретили, чем она стала для вас?

И услышал неожиданное:

— Выключите микрофон. Перед вами сидит правая рука Махно.

Правда, о Махно он мне ничего не поведал, а больше рассказывал, как метался по Украине в поисках правды, как жилось ему в родном Елисаветграде, ныне это Кировоград. В 14 лет удрал на фронт, был ранен в руку. Его вылечили, но учиться дальше в реальном училище задиристому байстрюку Мише Драчу (это его настоящая фамилия) не дали. А здесь отчим с матерью начали поучать чуть ли не каждый день. Ушел от них на свои хлеба. За первое напечатанное в газете стихотворение «Лавочка», в котором высмеял немецкого ставленника Скоропадского, попал в тюрьму. Но когда его переводили из острога в острог, солдата Михаила Сандыгу (таков был его псевдоним) местные ребята отбили от конвоя. Все они, как потом выяснилось, были анархистами. Предложили вступить в эту организацию и Михаилу, тот, по натуре бунтарь, с радостью согласился. И началась бурная жизнь, полная тревог и бед. Анархисты вместе с националистами стали готовить мятеж против Советов. Григорий занимался вербовкой кадров. К сожалению, до восстания дело не дошло. Как бывает в таких случаях: нашелся предатель, и всех организаторов повязали. Кобец ареста избежал, но знал, настанет и его черед, если останется на родине. И он подался в сторону Беларуси, думая, там легче уйти за кордон. Не получилось. В одном из приграничных городов Михаила Яковлевича арестовали как бродягу, у которого нет документов, доставили в Минск и посадили в тюремный подвал. Там он сильно заболел, долго лечился в острозаразной больнице

на Кропоткина, где его выходила медсестра, ставшая потом его первой женой...

— Ну, а что было дальше, вы уже знаете, — закончил свой рассказ Григорий Кобец. — Первая пьеса, первые фильмы, триумфальный успех. А на душе вместо радости жуткие переживания. Все время мысль подспудная точила о делах бурной юности. Не выдержал, написал письмо в ЦК КПБ, раскаялся в своих грехах. Руководство было в шоке, но простило. Тем более, давно была объявлена амнистия. Но простили до поры до времени. Несколько раз арестовывали, приговаривали даже к расстрелу, заменив расстрел каторгой. И пробыл я вдали от родины 22 года...

Он попросил разрешения закурить. И такой дымок пошел, что я еле отдышался. Запах его самокрутки еще несколько дней стоял в студии. Мне кажется, я его и сегодня слышу.

Кобец ушел, а я задумался. Не скрою, очень хотелось дать в эфир его рассказ о встрече с Горьким, больно эмоциональным он был и ярким, с мельчайшими подробностями. Но вот махновщина, анархизм, лагеря. Как с этим быть? Пошел к руководству редакции, все честно рассказал. И мне велели: звони в Союз писателей, что они скажут, так тому и быть. А звонить не хотелось, я помнил, что ответили мне в первый раз. Но превозмог себя. Партийный вождь Союза был краток и категоричен: пленку стереть. И объяснил почему. Кобеца поднимают на щит сейчас все западные радиостанции, поэтому не надо им подпевать.

Запись я не стер, но она непонятным образом с полки исчезла. А в памяти разговор с опальным драматургом остался. Я все подступался, чтобы продолжить его, не получалось. В 1990 году Григория Кобеца не стало.

Шло время. И однажды в одной из статей я обмолвился о встрече с писателем. Последовал неожиданный звонок: на проводе была дочь Кобеца Елена Григорьевна. Слово за слово, договорились о встрече. Решили, что в год такой, как нынешний, очень нужна статья об искателе счастья, бунтаре и романтике, которого и после полной реабилитации не хотели и не хотят оправдать коллеги по перу, которые после ГУЛАГа ему устроили второй ГУЛАГ.

— Почему? — все вопрошал я Елену Григорьевну. — Что плохого он сделал товарищам по творческому цеху? Есть факты?

— Нету! — твердо ответила дочь. И подумав немного, сказала: — Здесь все переплелось. И зависть, и неприятие. Говорят: он не наш, он хохол. И лютая ненависть за то, что отец клеймил советскую власть и лично товарища Сталина. Вот этого никак не могли ему простить некоторые. И сейчас ставят в вину. На суде сын известного скульптора мне прямо сказал: «Кобец уголовник». «Почему, откуда вы взяли?» — спрашиваю. «А вы почитайте его «Воспоминания», все они ненавистью к советской власти пронизаны. А кто против советской власти, тот преступник на все времена». «Но эта же власть его реабилитировала полностью, признав политзаключенным и необоснованно осужденным», — говорю и показываю документ. И что слышу в ответ: «Он в лагерях работал рядом с уголовниками, значит, и сам стал уголовником». До абсурда иногда дело доходит. Договариваются до того, что не мог простой кочегар такие шедевры создать. За него кто-то иной писал. Кстати, и на Шолохова такие наветы были.

— Елена Григорьевна, и потерпел-то ваш отец из-за писателей. Они были первыми доносчиками.

— Как ни печально, но это факт. Я вам покажу сейчас несколько документов, и вы убедитесь в правоте моих слов.

В 1936 году у белорусского правительства появилась задумка сделать фильм о белорусском Чапаеве. Как это так, у россиян есть герой гражданской войны, у соседей на Украине Щорса показывают, а мы что, лыком шиты? Особенно Голодец старался и фамилию называл: партизан Алесь Соловей. Сначала эту работу поручили целой группе белорусских писателей. И Алексея Толстого позвали на помощь. Но что-то у них не заладилось, не нашли общего языка. Тогда написание сценария доверили Кобецу и Вольному. Но обратимся к воспоминаниям моего отца.

«В 1936 году директор кинофабрики «Советская Беларусь» Матусов предложил мне и Вольному написать киносценарий о «белорусском Чапаеве». С Вольным и Александровичем на машине, предложенной нам работником ЦК партии Готфридом, мы объездили места бывших боевых действий белорусских красных партизан, особенно в районе Рудобелки и Глусска... Беседовали с партизанами, с матерью Алеся Соловья и его родственниками. Вернувшись в Минск, мы

с Вольным приступили к написанию сценария... Третьего ноября работа в черновом варианте была окончена... В ночь на 4 ноября Анатолий Вольный, Михаил Зарецкий и Василий Сташевский были арестованы органами НКВД Беларуси. Через несколько дней начались аресты и других писателей.

В 1936-м, когда я работал на киностудии «Советская Беларусь» в Ленинграде, на меня поступил донос белорусских писателей И. Барашко и Я. Бобрика как на врага советской власти. В НКВД долго не держали, так как слова пасквильантов не подтвердились»...

И все же это был первый звонок, Григорий Яковлевич понял: во второй раз его, бывшего анархиста, живым не оставят. Отец срочно берет командировку и едет на Дальний Восток для написания сценария второй серии фильма «Искатели счастья». Но и там не нашел укромного уголка. В 1938 году его арестовывают в Биробиджане. Основанием для ареста послужила статья в местной газете «Политическое лицо писателя Кобеца». А лицо писателя Кобеца измазал черной краской лично главный редактор издания. И, думаете, за что? А за то, что тот шел по улице, поздоровался и поговорил с «врагом народа».

В день ареста, уверенный, что его расстреляют, отец успел написать прощальную записку на своем фотоснимке.

«Дети мои! Внуки мои! Не осуждайте! Не проклинайте! Дед ваш и прадед провел бурную и очень опасную жизнь, Часто был под расстрелом, но никогда не изменял рабочему классу... Вы должны быть умнее нас, талантливее нас, смелее нас. Иначе нам грош цена. Желаю вам Ленинского счастья. Прощайте! Г. Кобец».

Григорий Яковлевич писал потом в воспоминаниях: «начались допросы с пытками. Меня били, мучили бессонницей. Перетеребили всю мою биографию с самого дня рождения».

Девять месяцев отсидел Кобец в биробиджанской тюрьме. А обвинения были серьезные: шпион, работающий на разведки Японии, Польши, Англии. От него требовали и требовали признания. Все пускали в ход. Однако отец был крепким мужиком, крепким душой и телом. Не дрогнул, и его прямо в суде освободили из-под стражи. Такое редко случалось в те времена.

Но, как говорится, процесс пошел. Грозовые тучи сгустились над головой Григория Яковлевича. И хотя после Биробиджана он срочно перебрался в Хабаровск, где работал главным редактором на студии кинохроники, штиль был временным. Молнии ударили в 1941-м, сразу после начала войны. И опять же по доносу писателей. Особенно отличился Дмитрий Нагишкин, автор известного романа «Сердце Бонивура».

Вот строки из обвинительного заключения: «26 октября 1941 года, находясь в. квартире Нагишкина, в беседе с последним в присутствии его жены Черной Кобец Г. Я. высказывал ряд контрреволюционных выпадов против вождя ВКП(б) и мероприятий, проводимых советским правительством. Будучи допрошенным по существу предъявленного обвинения, Кобец Г. Я. виновным признал себя полностью, а также изобличается показаниями свидетелей Павчинского, Нагишкина, Ярославцева, Черной и очными ставками со свидетелями Ярославцевым и Нагишкиным».

Все были очень рады, что изобличили злостного хулигателя советской власти, который во время застолий и самого вождя не щадил, называя деспотом, и говорил о неизбежной смене правительства СССР, о приходе к власти советского Де Голя.

Отцу грозил расстрел. В обвинительном заключении было записано: «применить расстрел с конфискацией всего лично принадлежащего имущества». Но, видимо, в то время стране нужны были бесплатные рабочие руки. Расстрел заменили десятью годами ГУЛАГа. Попал отец в Тайшетлаг, где особенно тяжелыми были условия. Трудились заключенные на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Политических там не щадили. Уголовникам-рецидивистам была дана полная воля. С молчаливого согласия администрации лагеря они даже на кол сажали тех, кто выступал против советской власти, улюлюкая и распевая песни. Отец рассказывал мне это, когда вернулся домой. И хорошо описал все злодеяния в повести «Ноев ковчег», работу над которой закончил в 1964 году. А вот напечатана она была только через 26 лет.

В ГУЛАГе отец отбыл, как он говорил, от звонка до звонка. Только в 1951 году вышел на свободу. Хотя какая это была свобода? Домой нельзя. В большие города тоже. Получил

пожизненную ссылку в Киргизию, стал работать в совхозе «Чалдовар». И грузчиком был, и сторожем, и помощником пасечника, и заведующим избы-читальни. Организовал в хозяйстве драмкружок, ставил пьесы, сам играл. Ну и писал для души.

— Елена Григорьевна, а когда и как ваш отец вернулся домой?

— Сначала с ним мой старший брат переписывался. А потом и мне разрешил. Как сейчас помню, был 1958 год, хрущевская оттепель. И я подняла весь Союз писателей на ноги, чтобы они занялись реабилитацией моего отца. Очень много помог нам Петрусь Бровка. Он и персональной пенсии добился, и восстановил моего отца в рядах Союза писателей, и о достойной квартире хлопотал ...

Вернулся отец, а потом я жалела, что вызвала его сюда. Такая травля началась, такие гонения и обвинения. Его не печатали, его причислили к уголовникам, его лишили персональной пенсии. Отец даже хотел покончить с собой, да мать вовремя подросла. Он писал Слюнькову, Антоновичу, Лигачеву, Яковлеву — никто не услышал. Я вам прочитаю один абзац из воспоминаний отца.

«Когда редактор зачеркнул в рукописи биографический факт о моих репрессиях и реабилитации, заменив на некую «судимость», моя дочь пошла за справедливостью в отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ. И вот какую позицию заняли руководители идеологического фронта.

С. Павлов: «Вы что, хотите для своего отца удобной биографии?»

В. Дубовский: «Ваш отец не был репрессирован. В нашей стране не было репрессий».

А на вопрос дочери: «По-вашему, 10 лет лагерей — это не репрессии?» — инструктор ответил: «Нет, это место жительства». А потом гневно добавил: «Столько белорусских писателей безвинно расстреляно, а ваш отец, виноватый, а живет».

— Какое кошунство, Елена Григорьевна! И хоть нет уже у руля Слюньковых и Лигачевых, Павловых и Дубовских, но, мне кажется, дело их живет. И к Григорию Кобецу отношение прежнее. Даже музыка из его фильмов не звучит. Кстати, к «Искателям счастья» песни писал знаменитый Исаак Дуна-

евский. Так, может, Григория Яковлевича уже вычеркнули из списка известных драматургов белорусского театра и кино, вычеркнули как первопроходца, и переадресовали его на Украину?

— Сейчас мы готовим полное издание его сочинений. Не хватит денег в издательстве, сама заплачу.

А по поводу Украины... Да, там его помнят и любят, пишут о нем, в музеях его книги и фотографии. Но Григорий Яковлевич так ответил однажды земляку: «Я всей душой люблю Украину, и так же крепко люблю Беларусь. Люблю ее, как вторую мать!» И к этому нечего добавить.

Евгений КАЗЮКИН

ЛЕСЯ БЕЛАРУСКА

Вершы Лесі Беларускай і сама постаць паэтэсы — гэта з’ява XX стагоддзя.

Ларыса Пятроўна Марозава (па мужу, дзявочае прозвішча невядома) нарадзілася ў Беларусі ў горадзе Маладзечна Мінскага раёна. Таленавітая невядомая беларуская паэтэса. Па адукацыі педагог. Арыштавана ў снежні 1937 г. (ці ў студзені 1938) па абвінавачванні ў прыналежнасці да неіснуючай нацыяналістычнай (тэрарыстычнай) арганізацыі. Спачатку была «вышка», але потым Тройкай НКУС БССР асуджана на 10 год зняволення ў ППЛ. Тэрмін адбывала на Крайняй Поўначы на Калыме ў лагеры Эльген разам з Яўгеніяй Гінзбург, якая пасля вызвалення выдала кнігу «Круты маршрут», украінскай пісьменніцай Зінаідай Тулуб і Ядвігай Бяганскай з Беларусі. У асноўным, працавала на лесапавале.

Вершы пісала на роднай беларускай мове пад псеўданімамі Лёся Беларуска і Эрынія. Літаратурную дзейнасць пачала ў няволі. Ларыса Пятроўна не толькі пісала вершы. Яна збірала фальклор сярод беларусаў, запісвала песні, прыказкі, прымаўкі, якія зямлячкі прывезлі з сабой ці народжаныя ў лагеры, апрацоўвала іх. На яе матыў спяваліся песні. І яшчэ яе цікавіла філасофія. За дзесяць год зняволення ў яе назбіралася два важкіх рукапісных тамы: паэтычны («Я голас ваш», з эпіграфам з верша Ганны Ахматавай «Я — голас ваш, жар вашаго дыханья») і філасофскі («Сага аб вечнай мерзлаце»), якія, на вялікі жаль, у час вобыску, хоць былі добра схаваны, зніклі бяследна. Такі ўдар Ларыса Пятроўна перанесці не магла, тым больш, што за некалькі дзён да яе вызвалення яна атрымала звестку, што яе горача любімы муж, старшы лейтэнант Аляксей Марозаў, арыштаваны ў 1937 г., расстраляны ў тым жа годзе. А яна чакала свайго каханага 10 год, жыла надзеяй на сустрэчу... Хворая, знясіленая цяжкай працай, замардаваная паднявольным лагерным жыццём,

маленькая, як «жменька», кволая ад нараджэння, але мужная духам жанчына, усё ж не вытрымала жорсткасці нелюдзяў. У 1948 г., пад стары Новы год, яна выйшла з бараку на мароз... і больш не вярнулася. Раніцай яе знайшлі замерзлую ў снежным сумёце. Пахавалі ля падножжа сопкі. Там і засталася яна ляжаць, у вечнай мерзлаце, прыгожая, блакітнавокая, таленавітая, незабыўная наша пакутніца Леся Беларуска.

Фотаздымка Лесі няма. Ёсць толькі графічны партрэт, выкананы мінскім мастаком Іванам Лукіным паводле лагернага малюнка В. Малагушы і яго ўспамінаў. Беларускі гісторык і пісьменнік Анатоль Валахановіч, які задумаў напісаць кнігу пра Лесю Беларуска, змясціў партрэтную замалёўку паэтэсы ў рамачку. (Гэты партрэт надрукаваны ў кнізе.)

Дзякуючы адналагерніку, рускаму паэту з Украіны Васілю Малагушу, сёе-тое ад літаратурнай спадчыны Лесі Беларуска ўсё ж засталася. Справа ў тым, што Васіль Андрэвіч Малагуша яшчэ ў лагеры рабіў аўтарызаваны пераклады яе вершаў на рускую мову, каб іх маглі чытаць усе зэкi. Яны і засталіся. Вершы дужа смелья. За такія вершы паэтэсе маглі прыпяць яшчэ гадоў 10 ці «вышку». Таму яна і хавалася за псеўданімам Эрынія.

Смерць Лесі нельга лічыць яе паражэннем. Наадварот. Зламалі яе маладое прыгожае цела, а духам яна засталася нязломнай. Гэта разумееш, калі чытаеш яе вершы. А вершы яе самай найвышэйшай узрушанасці.

У іх пратэст бясстрашнага чалавека.

У іх выклік крываваму крамлёўска-сталінскаму рэжыму.

Вершы Лесі Беларуска прасякнуты вялікай любоўю да Радзімы, да «лепшага ў свеце горада Маладзечна». Колькі цеплыні ў паэтычных радках: «...милый мой город, солнцеликая юность моя». У іх сум па «залатому дзяцінству», у іх боль і трывога за лёс роднага краю:

Умереть боюсь...

На кого ж я оставляю

родные

города и веси,

мою матулечку Беларусь?!..

Што яшчэ мы ведаем пра Лесю Беларуска?

Ціхая, задумлівая, надзвычай абаяльная, яна аказалася вельмі актыўным і мужным чалавекам. Яна не толькі працавала на лесапавале, пісала вершы і збірала фальклор, а ўдасканальвала родную мову і рускую, вывучала іўрыт, займалася самадукацыяй. Нездарма Яўгенія Гінзбург, якая лічылася ў лагеры эрудытам, назвала Лесю «талантищем невообразимым». Яна і паэт, і крытык, і філосаф. Яна валодала вялікімі ведамі, з ёй можна было гаварыць на любыя тэмы. Такой устае перад намі Леся Беларуска ва ўспамінах Васіля Малагушы. А ў вершах — гэта апазіцыянер, які не баіцца выказаць сваю думку нават у лагеры, дзе за кожнае слова пратэсту чакае кара (расстрэл або перасылка ў больш страшны лагер да рэцыдывістаў, а могуць і павялічыць тэрмін зняволення яшчэ на 10 год).

Васіль Малагуша пакінуў аўтарызаваныя пераклады вершаў Беларуска і свае ўспаміны пра яе «Бессмертие молодости»* перад тым, як самому адысці ў іншы свет. Ён выканаў завет паэтэсы, данёс яе вершы да нас, землякоў.

Па некаторых звестках, маці Лесі памерла, а бацька расстраляны. Нікога ў яе не засталася. Толькі мы, беларусы. Хто ж, як не мы, павінны ўвекавечыць памяць шматпакутнай зямлячкі, бязвінна загінуўшай у час вялікага тэрору? Мы павінны выдаць зборнік яе вершаў, бо сваім жыццём, сваёй адданасцю Радзіме яна заслужыла такой павагі.

Леся Беларуска павінна ўвайсці ў гісторыю беларускай літаратуры і такім чынам стаць часткаю культуры Беларусі.

Можна было б і помнік паставіць у яе любімым горадзе Маладзечна.

*Алена Кобец-Філімонава,
пісьменніца*

* Другая назва — «Уйти в бессмертие».

Скарыстаная літаратура

1. Мемориальное кладбище Сандормох. 1937. 27 октября – 4 ноября: Соловецкий этап / сост. И. А. Резникова. — СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», 1997.
2. Расстрельный список белорусов: 70 человек / сост. Ю. А. Дмитриев // Народная Воля. — 1998.
3. Место расстрела Сандормох / сост. Ю. А. Дмитриев. — Петрозаводск, 1999.
4. Резникова, И. Православие на Соловках: материалы по истории Соловецкого лагеря / И. Резникова. — СПб., 1994.
5. Кароткая энцыклапедыя БССР / Мінск: БелСЭ, 1981. — 5 т.
6. Малагуша, В. “Колымская амазонка”. Кто она, Лесья Белоруска? / В. Малагуша // Труд-7. — 2007. — 30 августа.
7. Кобец-Филимонова, Е. Беларусь – Соловки – Сандормох. 1937: расстрельные списки белорусов и осужденных в Беларуси / Е. Кобец-Филимонова // Народная Воля. — 1997. — № 227–228.
8. Кобец-Филимонова, Е. 1937–1938. Сандормох: карельские Куропаты / Е. Кобец-Филимонова // Народная воля. — 1997. — № 229.
9. Бадаг, Ф. Как я стала «врагом народа» / Ф. Бадаг // Права человека. — 1997. — № 2.
10. Богданова, А. Все круги гулаговского ада / А. Богданова // Права человека. — 1997. — № 1.
11. Миткевич, К. Особым совещанием города Москвы... / К. Миткевич // Здравый смысл. — 1997. — № 21.
12. Малагуша, В. “И под стихи я забиваю свай...” Что мы знаем о Лесе Белоруска? / В. Малагуша // Здравый смысл. — 1997. — № 30.

13. Кобец, Р. Ноев ковчег: повесть / Р. Кобец // Неман. — 1989. — № 3.
14. Звонак, А. Святлацeni: вершы / А. Звонак. — Мiнск: Мастацкая лiтаратура, 1992.
15. Пруднiкаў, П. Крынiца: вершы / П. Пруднiкаў. — Мiнск: Мастацкая лiтаратура, 1991.
16. Пашкевiч, А. Круг: вершы У. Дубоўкi / А. Пашкевiч. — Мiнск: Беллiтфонд, 2006.
17. Танюк, Л. Монологи / Л. Танюк. — Харкiв: Фолио, 1994.
18. Гинзбург, Е. Крутой маршрут / Е. Гинзбург. — М.: Советский писатель, 1990.
19. Казюкин, Е. Возвращение в ГУЛАГ / Е. Казюкин // Народная Воля. — 2007. — №№ 149–150.

ЗМЕСТ

Ва ўрочышчы смерці. <i>Алена Кобец-Філімонава</i>	5
Люди! Не убивайце друг друга!	7
* * * «Люди! Не убивайце друг друга!..»	7
Сандормох	8
Урочище Сандормох	10

БЕЛАРУСЬ – САЛАЎКІ – САНДАРМОХ 1937

Расстрэл у Сандармоху салавецкага этапу. <i>Алена Кобец-Філімонава</i>	13
Расстреляны 27 октября 1937	21
Расстреляны 1 ноября 1937	23
Расстреляны 2 ноября 1937	27
Расстрелянные 3 ноября 1937	31
Расстреляны 4 ноября 1937	35

БЕЛАРУСЬ – ББК – САНДАРМОХ 1937–1938

Спіс 70 беларусаў	47
Водгукі і лісты родных	60
Яшчэ пра Салаўкі	70

РЭХА ГУЛАГА

Успаміны	75
<i>В. Малагуша. Уйти в бессмертие</i>	77
<i>Владимир Романовский. В память о маме</i>	86
<i>Фрида Бадат. Как я стала «врагом народа»</i>	91
<i>Канстанцін Міткевіч. «Особым совещанием города Москвы...»</i>	97
<i>Анна Богданова. Все круги ГУЛАГовского ада</i>	102
<i>Иван Сячко. Это было</i>	112

Мартыралог: Казнены в Норильлаге	114
<i>Вацлава Антоновна Улитенок. Мусницкие</i>	115
«Я номер был — не человек»	118
Через все круги ада	122
<i>Вальтер Лейзер. Международный день памяти жертв политических репрессий</i>	124
Мартыралог	129
Творчасць вязняў ГУЛАГа	131
Леся Беларуска (<i>аўтарызаваны пераклад вершаў з беларускай В. Малагушы</i>)	132
Истина	133
Дочернее	133
В лагерном бараке	134
Сестре	135
В лесу	136
Сабля	136
Тишина	137
Символика	138
Резюме	138
Монолог к тоске	139
Памятник	139
Эпитафия	139
* * * Нас избирайте в лидеры, мужчины	140
Поговорка	141
Отчизна	141
Бессонница	142
Раздумье	142
Боль	143
* * * Я родному краю присягаю	143
Раздумье	143
* * * Умереть боюсь	144

Міхась Чарот.....	145
Прысяга.....	145
Уладзімір Дубоўка	146
* * * Забраны ў няволю з Забранага Краю.....	146
* * * ...Забыўся ты.....	147
* * * Завязьлі на мукі.....	147
Здраднікам	147
Павел Пруднікаў.....	148
Нарыльск — Талнах (урывак з паэмы «Таймыр»)	148
Алесь Звонак.....	150
Час даўно патрабуе абновы.....	150
Вера	151
Наказ.....	152
Успамін.....	152
* * * Не вярнуцца мне на твой парог.....	153
* * * Разбягаецца ўпрочкі імгла.....	153
Рыгор Кобец.....	154
Ноеў каўчэг (урывак з апавесці)	154
Сыну	158
Дочери	160
<i>Евгеній Казюкин. Возвращение в ГУЛАГ</i>	161
<i>Алена Кобец-Філімонава. Леся Беларуска</i>	171
Скарыстаная літаратура.....	174

Фотаздымкі М. С. Пушніцкага (Санкт-Пецярбург),
П. Гаршкова (Масква), В. Еўдакімава (Ніжні Тагіл);
з карэльскага «Мемарыяла» (Петразаводск).

На вокладцы фотаздымак праваслаўнай каплічкі
ў Сандармоху.

Літаратурна-мастацкае выданне

Кобец-Філімонава Алена Рыгораўна
КАРЭЛЬСКІЯ КУРАПАТЫ 1937–1938
(расстрэльныя спісы беларусаў
і асуджаных у Беларусі)
Рэха ГУЛАГА

Адказы за выпуск *Г. Вінярскі*
У аўтарскай рэдакцыі
Камп'ютэрны набор і вёрстка *Л. Ваўчок*
Карэктары *В. Аскерка, Г. Вінярскі*

Падпісана да друку 11.10.2007 г. Фармат 84x108^{1/32}
Друк на рызографе. Папера афсетная. Гарнітура Times.
Ул.-выд. 5,98 арк. Ум. друк. 9,45 арк.
Наклад 200 асобнікаў. Зак. 1218.

ПУП «Кнігазбор».
Ліцэнзія № 02330/0131712 ад 12.05.06.
220112, Мінск, вул. Я. Лучыны, 38-93.
Тэл./факс (017) 204-86-97,
тэл. (029) 772-19-14, 912-83-86.

Надрукавана з арыгінала-макета заказчыка
ў друкарні УП «Ходр» БелТІЗ.
Ліцэнзія ЛП № 02330/0056661 ад 29.03.04.
220004, г. Мінск, вул. Вызвалення, 9.

<...>

Драпежных здрайцаў ліхвары
Мяне заціснулі за краты.
Я прысягаю вам, сябры,
мае палі,
мае бары, –
Кажу вам – я не вінаваты.
Паверце – я не вінаваты!

Міхась Чарот

Алена Кобец-Філімонава нарадзілася ў 1931 г. у сям'і вядомага драматурга Рыгора Кобеца, заснавальніка беларускага тэатра і кіно, незаконна рэпрэсаванага ў 1938 г. і рэабілітаванага ў 1960.

Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў з 1965 г. Аўтар кніг: зборніка казак «Вянок дзівосаў», аповесці «Жаваранкі над Хатынню», рамана «Агні за перавалам», спеводзі «Шлях да Малітвы», дакументальнай аповесці «Распятая Хатынь», кнігі «Калі ўцякала сонца» (пра лёс і творчасць бацькі пісьменніцы) і інш.

Я родному краю прысягаю,
Честью верной дочери клянусь:
Умираю,

тихо умираю...

Умираю,

только не сдаюсь.

Лесья Беларуска

«...мы разделяем
убежденность в том, что
имя и трагическая судьба
нашей талантливой
соотечественницы
должны быть
возвращены из
небытия».

«Колымская амазонка».
Кто она – Лесья Беларуска?
(Труд. 2007 г. 30 августа)

ISBN 978-985-6852-06-3

9 789856 852063

KNAUER COCKTAILS

BRANDY

1937-1938